

Валерий Брюсов

Учители учителей

Валерий Яковлевич Брюсов

Учители учителей

Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение

1. Наука и традиция

Греки началом истории считали Троянскую войну, и от них этот взгляд перешел ко всем европейским историкам, с той разницей, что наука нового времени признала мифом и самый поход Агамемнона. Для историков XVIII и начала XIX века события 2-го тысячелетия до Р. Х. уже представлялись лежащими за пределом истории. Не только «происхождение мидян и персов» казалось «темно и непонятно», но и весь мир Египта, почти до завоевания его Камбизом, был окутан непроницаемым мраком. В XVIII в. даже гениальный Гиббон тщетно пытался, в одном юношеском своем сочинении, сколько-нибудь осветить легендарный образ «Сезостриса Великого». Таким образом, вся жизнь культурного человечества рисовалась заключенной в тесные границы трех тысячелетий, считая от 1184 г. до Р. Х., – предполагаемый год падения Илиона.

Ученые долго мирились с крайними несообразностями, какие представляла такая хронология, с дряхлостью египетской цивилизации на самой заре ее истории, с противоречащими показаниями Библии, индийских преданий, даже некоторых античных авторов, начиная с Геродота, с иными выводами, к которым вели данные геологии, антропологии и самой археологии, – наук, впрочем, еще мало развитых в XVIII в. Мирились и с тем, что существовала традиция, шедшая из отдаленного прошлого, которая утверждала гораздо большую древность человеческой цивилизации. Согласно с этой традицией, культурным мирам Египта и Месопотамии предшествовал, на сотни столетий, культурный мир погибшей Атлантиды, в свою очередь имевший предшественника в еще более древнем мире Лемурии. Но опиралось такое историческое учение только на значение

предания, на некоторые общие соображения и на доводы аналогии. Наука XIX в., рациональная и позитивная по существу, признававшая только свидетельства «буквы» и «камня», проходила мимо традиций с пренебрежением, как бы не замечая их. Ученые предпочитали мириться с несообразностями, нежели допустить в науку что-либо, не подтвержденное документально.

Можно сказать, что в начале XIX в. для мыслящего человека предоставлялся выбор между двумя концепциями мировой истории.

Первая концепция, быть может, преувеличивая и увлекаясь, считала сотнями тысячелетий. Она учила о четырех «расах», поочередно принимавших скипетр культурного владычества на земле: желтой, красной, черной и белой. Белая раса, господствующая ныне, признавалась поздним цветком на древе человечества, перед которым расцветали три других. Расцвет наиболее пышного из них – культуры красной расы, культуры атлантов, заложивших первоосновы всего, чем и поныне живет человечество в области духовной, – падал, согласно с традицией, на отдаленнейшие эпохи от 800–200 тысячелетий до нашей эры... Эта историческая концепция была не только объектом веры, но и предметом изучения и исследований в тех кругах ученых, которым обычно дается название оккультистов и в числе

которых можно упомянуть имена: Луи де Сен-Мартена (1743–1803), Фабра д'Оливе (1767–1825), Элифаса Леви (1810–1875), Луи Лукаса (1816–1863), Ш. Фовети (1813–1894), из позднейших – Станислава де Гуайта, Сент-Ив д'Альвейдра и др.

[Вторая концепция заключала историю в гораздо более скромные пределы, хронологически. Исходным пунктом для нее являлась античная древность, т. е. 1-ое тысячелетие до Р. Х. Историки знали, что Элладе и Риму предшествовали культуры Египта и Месопотамии, но предполагали, что ничего истинно значительного достигнуто ими не было, что эллины, переняв, может быть, некоторые, чисто внешние, культурные завоевания своих восточных соседей, были первыми, среди людей, работниками в области духовной. Именно эллинам приписывали историки все основоположения нашей науки, нашего искусства, нашей гражданственности. Во всяком случае, история не хотела, не располагая для того документальными данными, признавать особо глубокую древность ни за Египтом, ни за царствами Двуречия. Допуская, что начатки цивилизации развивались там во 2-м тысячелетии до Р. Х., историки тотчас за этой эпохой ставили века «железный», «бронзовый» и «каменный», считая их временами варварства, полудикого состояния, сходного с бытом современных дикарей. Такая историческая концепция преподавалась еще в начале XIX в., со всех университетских кафедр и разделялась всеми, самыми выдающимися историками того времени. То был «общепринятый взгляд», дошедший, в некоторых школьных учебниках, типа нашего Иловайского, до самого конца миновавшего столетия.

Однако XIX в. был ознаменован целым рядом замечательных исторических открытий, которые, в самом основании, поколебали эту, тогда для всех привычную, концепцию. Следовавшие одно за другим, эти открытия произвели в историческом знании переворот настолько сильный, что сравнить его можно лишь с теми коренными изменениями самой исходной точки зрения, какие были вызваны в философии – критицизмом Канта или, ранее, в космологии – откровением Коперника. Первым из таких открытий было чтение египетских иероглифов и, одновременное с ним, чтение клинописи; позднее следовали: обнаружение Троянских древностей, микенской культуры и, наконец, культуры эгейской; несколько в стороне стоят, но не менее значительны, – исследования культуры яфетидов на Кавказе и «тихоокеанской» культуры[1]. Словно удары могучего тарана, эти открытия сокрушили цитадель исторической науки недавнего прошлого. За тем, что считалось конечным пределом истории, вдруг открылись неизмеримые дали веков и тысячелетий. То, что раньше представлялось всей «историей человечества», оказалось лишь ее эпилогом, заключительными главами к длинному ряду предшествующих глав, о существовании которых наука долгое время не подозревала или не хотела подозревать.

Как известно, после находки армией Бонапарта в Египте так называемой «Розетской плиты», Жан Шамполион, а за ним Эммануил де Руже овладели тайной египетских иероглифов и раскрыли для науки ту «книгу за семью печатями», какой, в течение 20 столетий, оставались папирусы долины Нила и монументальные надписи фараонов.

Одновременно, и даже несколько раньше, Георг Гротефен и Генри Раулинсон нашли ключ к клинообразным письменам, которыми, в течение тысячелетий, переговаривались между собой все народности Передней Азии, и науке стала доступна огромная литература «цилиндров», «кирпичных книг» и разнообразных сообщений, вырезанных на скалах. Ученые получили возможность читать на языке древних египтян, шумеров, вавилонян, древнейших персов, ассирийцев и других народов, действовавших на арене истории задолго до появления на ней эллинов и тем более римлян. Более не приходилось ограничиваться сомнительными и путаными известиями греческих историков, чтобы изучить жизнь Древнего Востока. Историки получили в руки «первоисточники», подлинные летописи, своды законов, научные и литературные произведения тех времен, которые еще недавно казались баснословными. Дали 2-го, 3-го, 4-го и даже 5-го тысячелетия стали подлежать историческому обследованию в той же мере и теми же методами, как эпоха Карла Великого, если не «старого режима». «Начало истории» пришлось сразу передвинуть на 30 веков в

глубь прошлого, и культурное человечество как бы сделалось вдвое старше, так как жизнь его охватило уже не три только тысячелетия, но шесть, считая с 4241 года, – предполагаемый год основания египетского календаря.

Должно отдать долг справедливости историкам конца XIX века. Получив в свое распоряжение подлинные материалы по истории Древнего Востока, они взялись за их разработку с усердием и рвением поразительными. В короткий промежуток нескольких десятилетий, ценой неустанный труда двух-трех поколений ученых, сделано было для истории Египта и Передней Азии едва ли не столько же, сколько для античной истории за все предшествующие 20 веков[2]. Был воссоздан целый мир, казалось, навсегда погребенный под высокими насыпями Месопотамии и в каменных усыпальницах долины Нила. Воскресли образы далекого прошлого, современного первым библейским патриархам, восстали из могил цари и герои, о которых рассказывал свои басни Геродот, осуществились пророчества халдейских владык, писавших в своих горделивых отчетах: «мои деяния гласят векам, из рода в роды!» Предстал ожившим, в своем, порой чудовищном, величии, в своей ослепительной пестроте, в своем ужасе и очаровании, Древний Восток, мир Тутмосов, Рамсесов, Ассархаддонов, Ассурбанипалов. Мы научились правильно произносить имена этих царей, до неузнаваемости искаженные греками, узнали их истинные подвиги, вместо которых знали прежде лишь домыслы да легенды, прочли законы, изданные в те века, записи, составленные сподвижниками древнейших завоевателей, гимны, певшиеся при служении богам того мира, и даже целую дипломатическую переписку одной из тех эпох, своего рода «синюю» или «оранжевую» книгу времен фараонов (так называемый «Тель-эль-Амарнский архив»).

Три тысячелетия египетской истории, две вавилонских империи, держава митани, держава хеттов, Эламское царство, Ассирия, могущество мидян и персов, – все эти «эпизоды» мировой истории прочно и уже навсегда вошли в науку. Но и в той исторической концепции, которая сложилась после успехов «египтологии» и «ассирологии», оставался существенный пробел: из нее совершенно исключен был Запад. Арена истории была передвинута и заняла долину Нила, африканские пустыни, каменистые плоскогорья Малой Азии и глубокую лощину Двуречья; Европа же была словно обезлюдена, в том числе ее южные полуострова, на которых впоследствии должны были расцвести величественные культуры Эллады и Рима. По молчаливому соглашению историков, было как будто признано, что в те века, когда Восток кипел жизнью, когда там шумными потоками струилась деятельность политическая, научная, литературная, художественная, когда строились пирамиды или воздвигались «висячие сады», когда трон занимали религиозные фанатики, вроде Эхнатона, или мудрые юристы, вроде Хаммураби, – Европа являла вертеп запустения, какую-то дебрь, где скитались чуть не троглодиты, еще не вышедшие из каменного века.

Насколько определенно держался такой взгляд в науке, можно судить хотя бы по тому, что еще недавно широким признанием пользовалась теория «финикийского влияния», до последних десятилетий воспроизводившаяся в школьных учебниках. Ученые, и весьма видные[3], настаивали, что зачатки цивилизации были занесены в Европу финикийскими купцами, которые, бороздя Средиземное море в поисках за прибылью, являлись благодетельными «культуртрегерами» и на побережьях Греции, и на южных берегах Испании, Франции, Италии. Уверяли, что именно финикийцы научили полудиких обитателей Эллады, Сицилии и Галлии примитивнейшим элементам культурной жизни: обработке металлов, деланию пурпурной краски, выделке стекла, затем счету и письму. Между тем, теперь выяснено, что сами финикийцы выступили на историческую арену едва ли раньше конца 2-го тысячелетия до Р. Х., около 1000 г., когда культура Древнего Востока стояла у последней грани своего падения, а самобытная культура Европы уже лежала в могиле, после роскошной жизни, длившейся не менее 25 веков. Правда, в середине XIX века археология обнаружила в Европе ряд памятников, принадлежащих эпохе, которая предшествовала исторической Элладе, напр., вазы, так называемого «восточного» стиля, с геометрическим орнаментом; еще раньше были известны так называемые «Львиные ворота» в Микенах. Но, в силу

установившегося взгляда, в таких памятниках видели только раннюю стадию эллинского искусства и относили их к периодам, не заходящим за VII век до Р. Х., никак не допуская, чтобы некоторые были гораздо более древними.

Открытие самобытной культуры Европы, т. е. расцветшей на европейской почве, связано с именем гениального самоучки Генриха Шлиманна, не прошедшего строгой школы и осмелившегося поверить преданиям больше, чем «документальным свидетельствам». Шлиманн с раннего детства уверовал в реальное существование Гомеровой Трои и потом уже не захотел отказаться от своей красивой мечты, несмотря на все доводы ученых, твердивших, что это – миф. Сын бедного протестантского пастора в Мекленбург-Шверине, Шлиманн родился в 1822 г., следовательно, учился по книгам начала XIX столетия. В них нашел он соображения, что Троянская война – не что иное, как видоизменение одного из общеарийских мифов, в котором олицетворены повседневные явления небесного свода: Елена Прекрасная это – красное солнышко, похищаемое Парисом, т. е. тучей черной, но спасаемое быстроногим Ахиллом, т. е. ветром буйным, и т. п.[4]. В тех же книгах говорилось еще, что эпопеи о гнев Ахилла, сына Пелея, и о странствиях многоопытного Одиссея – никак не творения вдохновенного поэта-слепца, но плохо склеенные между собой песенки разных бродячих гусяров, которые выпрашивали подачки во дворцах мелких греческих князьков, а за то прославляли и их самих, и их предков в рапсодиях о вымышленной войне, и что, наконец, самое имя Гомер – нарицательное и значит «собиратель»[5]. Шлиманн не поддавался авторитету наиболее чтимых историков и всю свою жизнь посвятил безумной, как казалось другим, мечте: найти остатки мифического Илиона. В те годы это представлялось столь же нелепым, как если бы кто-нибудь задумал разыскивать подлинную могилу Дон Кихота Ламанчского или обломки лестницы, которую видел во сне Иаков.

Автобиография Шлиманна, в Германии ставшая популярной книгой, дает яркий пример упорной веры в свое дело. Жизнь была сурова к мечтательному сыну провинциального пастора. В юности Шлиманн бедствовал до такой степени, что однажды принужден был просить милостыни на дороге под Амстердамом и, по недостатку средств, не мог закончить даже среднюю школу. Но, почти нищий, полуобразованный, Шлиманн продолжал свою уверенность противопоставлять утверждениям всей европейской науки и мечтать об организации экспедиции для открытия древней Трои. Энергия превозмогла все препятствия; Шлиманн добился не только благосостояния, но богатства, позволявшего не стесняться в расходах, и успел собрать разнообразные познания, необходимые для осуществления заветного предприятия, – между прочим, выучился многим языкам, обоим античным, почти всем новоевропейским, арабскому. Разбогатев и ликвидировав дела, Шлиманн отдался мечте своей юности, добился султанского фирмана с разрешением на раскопки, нашел подготовленных помощников, собрал рабочих и уехал к подножию горы Иды, на берега высохшего Скамандра. После трех лет утомительных трудов и громадных расходов, цель, поставленная себе седым мечтателем, была достигнута: Пергамы были раскопаны, город, куда Парис увез жену Менелая, открыт. В 1874 г., в книге «Троянские древности» Шлиманн объявил *urbi et orbi*[6] что нашел Гомерову Трою, что каждый желающий может лично освидетельствовать ее останки. Предание оказалось более правым, чем скептицизм науки, мечта – реальнее, чем соображения ученых.

Впечатление от открытий Шлиманна было сильнейшее; ученый мир пришел в волнение; одни оспаривали выводы археолога-самоучки, другие их восторженно приветствовали. Возгорелся ученый спор вокруг раскопанного города или, вернее, – раскопанных городов, так как Шлиманн обнаружил целый ряд развалин, лежавших слоями, одни над другими. Противники Шлиманна доходили до того, что обвиняли мечтателя-миллионера в недобросовестности и подлогах. Однако, уже поддерживаемый многими авторитетными лицами, Шлиманн продолжал свою работу, дважды возвращаясь к раскопкам в Трое, вел раскопки в Микенах, Орхомене, Тиринфе, везде открывая замечательные памятники далекого прошлого. Постепенно, под влиянием всех этих находок, историки принуждены были единодушно

признать важность сделанных Шлиманном открытий. Одно время наука даже склонна была переоценивать их значение. Энтузиазм Шлиманна, убежденного, что он отыскал именно город Приама, заразил многих; стали писать исследования о быте Гомерова времени на основании вещественных данных, находя между новыми археологическими открытиями и показаниями эллинского эпоса полное соответствие, совершенное совпадение[7].

Однако ни противники Шлиманна; ни его сторонники, ни он сам не сознавали, в полной мере, значения его раскопок. Лично Шлиманн, в своих работах и особенно в своих выводах, сделал немало существенных и губительных ошибок. В этом сказались все же недостаточность научной подготовки, но также сказалось и известное подчинение научным взглядам своего времени. Место для раскопок Шлиманн выбрал чрезвычайно удачно; в этом отношении он тоже отдал предпочтение преданию пред соображениями науки, начав копать там, где Илион стоял по античной традиции, тогда как ученые историки помещали место действия «Илиады» в 25 километрах в сторону. Но самые раскопки велись далеко не систематически и не осторожно. Шлиманн был чужд бескорыстно научных интересов; его влекло лишь то, что было связано с излюбленным им Гомером. Поэтому Шлиманн оставлял без внимания исключительно важные находки, если они, по его мнению, не имели отношения к Приамовой Трое, и искал непременно зданий и вещей, упомянутых Гомером. Энтузиаст-миллионер даже в частной жизни окружил себя «гомеровскими» воспоминаниями, назвав своего сына Агамемноном, дочь – Андромахой, домашних слуг – именами из «Илиады»; а при раскопках он был удовлетворен лишь тогда, когда ему казалось, что открыты или «Скейские врата», или «гробница Агамемнона», или «сокровищница Атреев», или «дворец Одиссея» (на Итаке) и т. п. Но так как с популярной точки зрения Троянская война оставалась «началом истории» (европейской), то археолог-самоучка стремился зарыться как можно дальше в землю, полагая, что памятники столь древней эпохи должны лежать особенно глубоко под почвой.

Всех слоев развалин в месте, где копал Шлиманн, было девять, соответственно 9 поселениям, стоявшим там в различные эпохи. Второй город, считая снизу, носил следы большого пожара, и Шлиманн поспешил отождествить это поселение с Троей Гомера. Позднейшие, более внимательные наблюдения (сотрудника Шлиманна, Дерпфельда, и др.) признают за город той эпохи, которая изображена у Гомера, шестой по счету (т. е. 4-ый сверху). Стремительно углубляясь в землю, Шлиманн не только проглядел следы этого города, но и многое в нем безвозвратно разрушил кирками своих рабочих. Мечтатель-миллионер, действительно, нашел Илион, но прошел мимо него; в самом деле, открыл нечто значительное, даже поразительное, но истолковал его совершенно неверно. Подлинная Приамова Троя, которую Шлиманн пренебрежительно обошел, была изучена уже впоследствии. Памятники же, им открытые и отождествленные с различными свидетельствами Гомера, получили позднее иное толкование, которое придало им новое, быть может, гораздо более важное значение, нежели ожидал Шлиманн.

Когда историки ближе рассмотрели результаты раскопок, произведенных Шлиманном и его сотрудниками, стало несомненно, что новооткрытые памятники не только не стоят в полном соответствии с данными Гомера, но во многом расходятся с ними и прямо им противоречат. Одно из расхождений было особенно разительным. Из «Илиады» и «Одиссеи» хорошо известны погребальные обычаи эпохи: умершего сожигали на костре из благовонных деревьев и потом на месте костра насыпали курган. Раскопки Шлиманна обнаружили, напротив, роскошные усыпальницы, подобие египетских пирамид; покойника хоронили в земле или склепе, бальзамируя тело, на лицо возлагая золотую маску. Между тем, обряд погребения всегда, у всех народов, остается неизменным в течение весьма долгого времени: такие обычаи видоизменяются лишь веками. Помимо того, раскопки свидетельствовали о жизни гораздо более сложной, нежели быт героев Гомера: о более высокой технике в обработке металлов, о сношениях с заморскими странами, в частности с Египтом, о высшей ступени, достигнутой искусством, о более обширных научных познаниях, например, в математике, о несомненном употреблении письмен, не упоминаемых Гомером (кроме одного глухого намека

о «гибельных знаках»). Чем больше накапливалось фактов[8], относящихся к культуре, впервые открытой Шлиманном, тем становилось неоспоримее, что она решительно отлична от Гомеровой и вообще раннеэллинической.

Необходимо было признать, что дело идет не о той или другой стадии эллинической цивилизации, но о культуре другого происхождения и другого народа. Когда это выяснилось вполне (в 90-х годах прошлого века), – установились наименования «микенская культура», «микенские древности», определяющие обособленность вновь открытой цивилизации, но не предвещающие решения вопроса об ее происхождении. Вопрос этот продолжал оставаться загадкой.

Разгадку, или намек на разгадку, получила наука уже только в самом конце XIX века, благодаря раскопкам на Крите. Они были задуманы и намечены еще Шлиманном, но ему не удалось получить соответствующее разрешение у турецкого правительства. Только критская революция 1897 г. сделала возможной научно-археологическую работу на острове. Честь начать ее, успешно повести и достигнуть блестящих результатов выпала на долю Артура J. Эванса, который с 1900 г. предпринял систематические раскопки в разных местах Крита и открыл на нем центр и область высшего развития той самой культуры, проявления которой ранее были обнаружены Шлиманном в Греции и Малой Азии. Между прочими замечательными открытиями Эванс раскопал на острове своеобразные дворцы-лабиринты, служившие резиденциями критских государей, и в их числе – наибольший, так называемый Кносский лабиринт, который был известен античной древности под названием вообще лабиринта «критского» (в отличие от египетского). В этом случае традиция, предание еще раз одержали победу над научным скептицизмом. Размеры и характер Кносского лабиринта оказались вполне соответствующими рассказам об нем, сохранившимся у античных историков и в эллинических мифах. Между тем, новая наука упорно не хотела допускать реальное существование критского лабиринта, и ученые уверенно утверждали, что если и существовало на Крите строение, подавшее повод к мифам о Дедале, Минотавре, Пасифае, Тесее, Ариадне и др., то, конечно, оно имело мало общего с рассказами Геродота, Овидия и других доверчивых писателей древности[9]. Наперекор этим неосторожным утверждениям, критский лабиринт предстал пред глазами исследователей, как предстала ранее Гомерово Троя. Миф опять оказался фактом; от баснословного здания нашлись стены, колонны, лестницы, балюстрады, и современные археологи стояли, быть может, в той самой зале, где когда-то царевич Тесей разил Минотавра.

Свидетельства раскопок были бесспорны.

Наука должна была признать, что на европейской почве, в Греции и на Крите, захватывая и побережье Малой Азии, процветала самостоятельная культура, предшествовавшая эллинической и не представляющая собою ее ранней стадии, напротив того, – стоявшая на более высокой ступени развития. Эта культура получила названия, также не касающиеся ее сущности, – «крито-микенской», в знак общности памятников Крита и Микен, или «эгейской», так как следы ее обнаружены преимущественно по побережью Эгейского моря, или еще «минойской», по имени легендарного критского царя Миноса (что было, по-видимому, не собственным именем, но титулом критских государей). Определение хронологических дат этой вновь открытой культуры досталось, конечно, не сразу, но, в конце концов, было установлено, что начало эгейской цивилизации теряется в отдаленнейшем прошлом, а расцвет ее совпадает с расцветом культур египетской и древнемесопотамских.

Таким образом, разрушены были последние опоры прежней концепции мировой истории. Не только античный мир не оказался «началом истории», но выяснилось, что ему предшествовали на несколько тысячелетий могущественные культуры, как в Азии, так и в Европе. Древнейшие памятники этих культур восходили к отдаленному времени за 40 и больше веков до нашей эры.

При всем том загадкой оставалось для науки, – и остается до наших дней, – происхождение этих древнейших культур человечества, в том числе египетской и эгейской. Между их ранними, но уже во многих отношениях совершенными созданиями и эпохой примитивного быта – не найдено посредствующих, связующих звеньев. Помимо того, между всеми древнейшими культурами, в частности между эгейской и египетской, замечены поразительные аналогии, не объясняемые заимствованиями одной у другой. Наконец, на созданиях эгейской культуры, даже весьма ранних по времени, лежит определенная печать не только неожиданной зрелости, достигаемой лишь путем многовековой эволюции, но даже некоторой перезрелости, своего рода «декаданса», что наводит на мысль о влиянии какого-то иного культурного народа, уже перешедшего через грань своего высшего расцвета и клонившегося к упадку. Все эти наблюдения над древнейшими культурами выдвигают в науку вопрос об истории столетий и тысячелетий, предшествовавших эгейцам, египтянам и их современникам. За глубиной XLIII столетия до Р. Х. открываются какие-то новые, еще более удаленные от нас глубины времен, подлежащих историческому обследованию. Наука вплотную подходит ко «второй», отвергнутой ею, концепции мировой истории, и уже принуждена, логикой событий, поставить перед собою проблему о существовании некоего древнейшего культурного мира, аналогичного традиционной Атлантиде.

Чтобы наметить решение возникших перед историей вопросов и загадок, есть, конечно, только один научный путь: ближе рассмотреть известное нам о древнейших культурах человечества, прежде всего, эгейской и египетской.

2. Лабиринт

Центром эгейского мира был Крит. Раскопки показали, что в цветущий период истории эгейцев на нем существовало три государства, связанных, быть может, отношениями вассалитета. Столицами этих государств были своеобразные города-дворцы, лабиринты. Наибольший из них открыт Эвансом, на северном берегу острова в области древнего Кносса, близ нынешней Кандии; второй – итальянской миссией, во главе с Альбером (или Гальбгерром, Halbherr), на южном берегу, близ древнего Феста; третий, наименьший, – поблизости от второго, в области, носящей название Агия-Триада. Все три, особенно два первых, представляют значительное сходство в плане и выполнении постройки; сходны и найденные в них предметы. Несомненно, все три лабиринта существовали одновременно и были центрами одной и той же «минойской» культуры (как ее назвал Эванс), составляющей высшее проявление культуры общеэгейской. Помимо лабиринтов, к которым примыкали небольшие предместья, на Крите найдены еще остатки отдельных эгейских городов, на северном и восточном берегу острова (в приморских местностях Гурния, Палеокастро, Като-Закро). Кносский лабиринт был как бы общей столицей и Крита и всего Эгейского мира, своего рода Парижем тех времен. В Кносском лабиринте сходились веяния со всех концов Эгейи, в нем было средоточие умственной жизни эгейцев, из него должны были исходить как новые идейные течения, так и моды. Поэтому знакомство с эгейской культурой удобнее всего начинать с рассмотрения Кносского лабиринта.

Античная древность своими глазами уже не видела критского лабиринта; она только сохраняла восторженные воспоминания о нем, как об одном из чудеснейших сооружений в мире. От эллинов и мы приняли слово лабиринт для означения здания с бесчисленным числом покоев и запутанными ходами. Присваивая гению своего народа это чудо древнего зодчества, греки рассказывали, будто критский лабиринт был построен эллином Дедалом, искусником и изобретателем, для критского царя Миноса, желавшего скрыть в этом, частью надземном, частью подземном дворце своего сына от Пасифаи, – Минотавра, получеловека, полубыка; позднее, согласно мифу, Дедал со своим сыном Икаром спасся бегством с Крита на восковых

крыльях.

Овидий так рассказывает о построении лабиринта:

Дедал, прославленный всюду к искусству зодчества даром,

Труд начинает: он меты путает, вводит в ошибку

На поворотах глаза дорог изгибами разных...

Заблуждениями так наполняет

Дедал бессчетность путей, что сам едва возвратиться

Он до порога сумел: такова запутанность дома!

(Met. VIII[10].)

В сходных выражениях описан критский лабиринт у Геродота. Но, что такое был лабиринт в самом деле, каково было его истинное назначение, эллины уже не знали. Они видели лабиринты лишь на заре своей истории, в эпоху, от которой не дошло никаких письменных свидетельств, и могли пересказывать лишь смутные предания и позднейшие домыслы.

В Кноссе Эванс нашел, как Шлиманн в Трое, ряд руин, расположенных слоями, одни над другими, соответственно нескольким поселениям, стоявшим здесь в разные эпохи. В наибольшей глубине лежат остатки селений примитивных, относящихся к неолитическому периоду и восходящих, по вычислениям Эванса, вплоть до 120-го столетия до нашей эры (за 12 тысячелетий). Над этими памятниками жизни первобытной и грубой лежит фундамент дворца, свидетельствующего уже о высокой степени культурности его строителей. Дворец этот подвергся, по-видимому, пожару, после которого был заново перестроен. Руины второго перестроенного дворца лежат еще выше; в течение веков здание еще несколько раз перестраивалось, к нему делались разные добавления, и окончательный свой вид оно приняло, как полагают, в начале второго тысячелетия до Р. Х. Эти руины и знакомят нас с мифическим критским лабиринтом эллинов. В настоящее время почти весь Кносский лабиринт раскопан, составлен его полный план, и существуют подробные описания, знакомящие с каждой отдельной комнатой и предметами, в ней найденными[11].

Достаточно окинуть взглядом план Кносского лабиринта[12], чтобы убедиться, что то было одно из грандиознейших зданий, когда-либо воздвигавшихся человеком, не исключая Ватикана, Эскуриала и Версаля. Лабиринт, захватывавший пространство около 3 десятин, состоял из центрального двора, окруженного сплошными строениями, с небольшими внутренними двориками и двумя постройками, поставленными несколько на отлете: театром и летней виллой царя. Здания строены на прочном фундаменте из камня с употреблением деревянных балок, иногда в один этаж, чаще – в два или больше, и образуют сложную систему зал, комнат, коридоров, проходов, портиков, пропилеи, лестниц, террас, храмов, часовен, мастерских, всяких служб, кладовых, амбаров, складов, и т. д. В целом лабиринт образует четырехугольник, приближающийся к квадрату, ориентированный вокруг прямоугольного же, но удлиненного центрального двора, параллельно сторонам которого идут почти все капитальные стены. Несмотря на позднейшие перестройки, лабиринт, несомненно, воздвигался по определенному плану, который постоянно был перед глазами строителей фактически или в мыслях. Это – не нагромождение зданий, более или менее случайно скучившихся в одном месте и только приставленных одно к другому, но единый архитектурный замысел, один огромный дворец-город, здание-государство, имеющее подобие себе лишь в других лабиринтах.

Кносский лабиринт, как и его меньшие собратья на Крите, не поражал своим фасадом. Со всех четырех сторон наружу выходили стены глухие, почти без входов и окон, очевидно, чтобы придать дворцу некоторый характер крепости, способной сопротивляться нападению врагов и выдерживать осаду. Доступ в лабиринт шел через двое ворот, через которые посетитель попадал в узкие, ломаные коридоры; над главным входом был еще устроен бастион. Все же западную стену, в которой находился этот главный вход, можно признать фасовой. Она была выложена пестрыми цветными изразцами, что придавало зданию нарядный вид. Самый вход был богато изукрашен: он представлял собою величественный портик с колоннадой; нижняя часть стен, у входа, была покрыта росписью, воспроизводящей плиты разноцветного мрамора, желтого, розового, голубого; верхняя, отделенная белой полосой, – фресками со сложными композициями. Однако преимущественное внимание строителей было направлено на внутренность дворца: на распределение комнат и их украшение.

Большое архитектурное мастерство проявили строители лабиринта в самом плане здания. Очень искусно разместили они отдельные части дворца, соединив группами то большие залы и храмы, то меньшие и вовсе маленькие комнаты, то служебные помещения, связав все это лестницами и коридорами. Зодческая изобретательность сказалась также в разрешении вопроса об освещении здания, что представляло значительные трудности ввиду многоэтажности многих частей и громадной широты строений. С этой целью в лабиринте устроены особые пролеты, внутренние дворики-колодцы, через которые свет падал или на лестницы, или непосредственно в залы, получавшие таким образом освещение с одной стороны. Применение колонн позволяло при этом крайне увеличивать размеры комнат, приближая их по объему к самым обширным залам современных дворцов.

Весь Кносский лабиринт определенно распадается на несколько частей, разработанных, как самостоятельная группа покоев, но подчиненных общему плану дворца. Таких частей можно насчитать больше десяти. Через главный портик посетитель входил в ряд «парадных» покоев, среди которых можно различить «тронную» залу, залу «для выходов», «приемную» и т. п. По полу коридора, ведущего в эту часть дворца, проложена дорожка из плит известняка, окаймленная полосками из синего аспида. Одна большая зала разделена колоннадами как бы на особые отделения, для размещения присутствующих по рангам и чинам. Стены этих зал покрыты художественно исполненными фресками, часто с человеческими фигурами во весь рост. И другой группе комнат признают апартаменты государя: опочивальню, пиршественную залу, ванную и т. п. Особый ход вел прямо из покоев царя в театр, в царскую ложу, куда минос (государь) мог пройти, миная любопытные взгляды толпы. Затем следует группа комнат для царицы и царской семьи; комнаты для вельмож и приближенных царя, имевших пребывание в лабиринте; помещения для низших служащих, для стражи, для рабов. Насколько роскошны «парадные» покои, носящие вполне официальный характер, настолько иные скромны, невелики по размерам, просты по убранству, имеют вид чисто казарменный. Обособленное место занимают храмы, часовни и молельни, также заключенные во дворец. Возможно, что храмовое значение имели и некоторые широкие коридоры, в которых могли совершаться религиозные процессии и ритуальные пляски.

Много места занимали в лабиринте помещения не жилые, служившие для разнообразнейших потребностей. Мы видим здесь ряд мастерских для скульпторов, живописцев, гончаров, для выделки оливкового масла, для работ по металлу и т. д. Одну комнату считают школой для обучения письму. Независимо от того найдена комната царских писцов или царский архив, причем в особом деревянном ящике, спрятанном в терракотовый ларец, оказался целый клад исписанных табличек (преимущественно, как думают, разные счета, расписки, квитанции). Целое обширное крыло дворца занято помещениями, назначенными для хранения вещей и припасов. Частью вещи сберегались в особых ларях, вделанных в самый пол, которые условно называют касселами; в одной комнате бывает до 25 и больше таких кассел, из которых некоторые двойные, некоторые выложены свинцом. Одно время здесь же

помещалась сокровищница миноса, так как в касселах нашли остатки листового золота, клад медных сосудов, разные драгоценности, изделия из фаянса, из горного хрусталя. Частью для хранения служили громадные, в рост человека, глиняные сосуды, пифы; в таких пифах нашли, например, остатки зерна и рыбы; в них же сберегалось масло и вино. Далее можно различить кухни, конюшни, со стойлами для лошадей и местом для колесниц, псарню, и т. д. Шесть глубоких колодцев, найденных в лабиринте, опознаны, как подземные темницы (cul de sac).

На отлете, как мы отмечали, поставлено здание театра или арена цирка, приближающееся к типу греческого театра, рассчитанное на несколько тысяч зрителей. К противоположной стороне лабиринта примыкает летняя вилла (дача) миноса, построенная гораздо скромнее, нежели самый дворец. Вилла была, вероятно, окружена садом с цветником. Судя по изображениям лабиринта на фресках, его террасы также были засажены цветами. Что же касается центрального двора, то он был мощен громадными плитами камня, как и все коридоры. Около лабиринта ютилось предместье с домами частных лиц, большею частью в 1 1/2 этажа, – небольшое, с узкими, кривыми улицами. Поблизости находилось и кладбище. Таким образом, лабиринт включал в себя и окружил себя всем, что только нужно человеку в жизни и по окончании жизни. Лабиринт как бы не нуждался во внешнем мире и, во всяком случае, мог бы долгое время обходиться без содействия извне. Это был отдельный, законченный и замкнутый в себе мир...

Внутреннее убранство лабиринта соответствовало величественности самой постройки. Все здание было канализовано, в него по трубам была проведена вода, в разных местах были устроены ваннные комнаты и купальни. Портики, колоннады, пропилеи, террасы с балюстрадами, лестницы с широкими ступенями, мозаичные полы, сложные решетки и все детали дворца свидетельствуют, что строители стремились придать торжественную красоту каждой части здания; некоторые перспективы зал, длинные, уходящие вдаль коридоры, комбинации террас и пропилеи, все имело целью поражать и восхищать глаза. Скульптура (рельефы) и живопись были призваны на помощь зодчеству, но определенно поставлены в служебное положение, не выступая на первый план, а только способствуя архитектурной красоте целого. Залы и террасы разделялись колоннами (кстати сказать, нередко деревянными, что являлось характерной особенностью лабиринтов), с причудливыми капителями, а по стенам шли рельефы и горельефы, иногда многокрасочные, часто задуманные необыкновенно остроумно, как например, цепь из золотых бисеринок, с подвесками в виде головы негра. Стены все были оштукатурены и во многих залах покрыты живописью *al fresco*, то орнаментальной, то представляющей отдельные человеческие фигуры, может быть, портреты, то дающей сложные сцены из жизни, истории, религиозных преданий. В общем, то была роскошь, которая могла осуществиться только во дворце царей, располагающих исключительной властью и силой, имеющих в своем распоряжении строителей и художников, воспитанных долгими веками развития искусства.

Остатки вещей, найденные в лабиринте, подтверждают представление о богатстве, пышности и затейливости в обстановке дворца. Там и здесь уцелели отдельные предметы и обломки великолепной мебели, столов с хитро исполненными ножками, красиво изогнутых лож, изукрашенных ларцов из алебаstra и металлических, разнообразных светильников, золотых, серебряных и фаянсовых ваз, служивших для украшения, и т. д. В храмах и в «парадных» залах сохранились также статуи и статуэтки, богов и жанровые, разные священные символы, как изображения «двойного топора» и изображения «рогов», весьма распространенные у эгейцев, печати, значки и т. п. В кладовых, складах и амбарах найдено дорогое оружие, например, мечи (кинжалы) с изящной инкрустацией, мужские пояса с драгоценными камнями, запасы золота и других драгоценностей, много черепков и осколков всевозможнейшей посуды. По разным комнатам оказались рассеяны мелкие предметы самого разнообразного характера: здесь были музыкальные инструменты, доска для игры, вроде нашего триктрака, богато украшенная золотом, серебром и горным

хрусталем, детские игрушки, много золотых и фаянсовых пластинок с малопонятными для нас изображениями, наконец, особенно много всяких женских украшений: ожерелья, диадемы, гребни, браслеты, запястья, перстни, кольца, серьги, шпильки, аграфы, пряжки, геммы, подвески, флаконы для духов, ларчики для притираний, ящички для помад, и т. д., и т. д. По этим находкам, уцелевшим после страшной катастрофы, разрушившей лабиринт, жизнь в нем вырисовывается изнеженной и утонченной. Само собой напрашивается сравнение, которое и делают иные исследователи эгейской старины, лабиринта с Версалем эпохи Короля-Солнца или даже времен Людовика XV, когда при французском дворе все дни превращались в один сплошной, изысканный праздник.

Население Кносского лабиринта должно было достигать огромных размеров. Одно поддержание порядка в таком исполинском городе-доме, содержание его в чистоте, хотя бы понятия о домашней гигиене того времени и отличались от наших, неизбежный ремонт изнашивающихся частей, обслуживание хозяев дворца, – все это требовало громадного числа слуг, вероятно, рабов. Но лабиринт был не только резиденцией миноса, но и постоянным его жилищем; вместе с царем жила его семья, царские дети, весь его «род», так же как приближенные миноса, высшие сановники государства, и все они должны были иметь собственную челядь, также быть окружены сотнями и тысячами рабов.

Существование в лабиринте храмов и молелен предполагает присутствие во дворце жрецов, храмовых служек, может быть, особых салиев, изучивших ритуальные пляски, или «корибантов» (которых эллинский миф выводит именно с Крита). Далее, в лабиринте же должны были иметь свое пребывание разные мелкие начальники, в заведывании которых находилось сложное хозяйство дворца – вроде: начальника стражи (по нашему «коменданта»), «стольника», «постельничего», «кравчего», наблюдателя за поварами и кухнями, заведующих всевозможными складами, хранителя царского имущества, каких-нибудь «обер-лакеев» при царе и «обер-фрейлин» или «обер-камеристок» при царице и т. д. Отдельно должен был стоять самый корпус дворцовой стражи, для которой существовали отдельные казармы, штат царских писцов и архивариусов, штат актеров в театре, с разными помощниками, как декораторы, режиссеры, машинисты и т. п. Мы еще не упомянули скульпторов, для которых была построена особая мастерская, живописцев, гончаров, кузнецов и работников по металлу, учителей письма, тоже располагавших своей школьной комнатой, не упомянули и ряд других должностей, невольно приходящих на ум при одном изучении плана лабиринта, поваров, конюшенных, псарей, женщин-прислужниц и т. д., и т. д. Надо представить себе население обширного и богатого города, чтобы дать себе отчет, из кого состояло население чертогов критского миноса.

Конечно, можно допустить, что некоторые из перечисленных нами должностей совмещались в одном лице: «комендант» мог быть и военачальником, один из писцов – школьным учителем, значительное число обязанностей исполняться рабами и рабынями, даже актерами театра могли быть члены жреческой общины, так как театр составлял учреждение священное и спектакли были частью божественного культа. Но, как бы мы ни сокращали число необходимых в лабиринте лиц, все же население его должно оставаться весьма большим, исчисляемым многими десятками, если не сотнями тысяч человек. Кто-нибудь да оживлял все эти покои, коридоры, террасы, лестницы, дворы и дворики, которые даже на плане запутывают наш глаз! Кто-нибудь да заполнял ярусы и скамьи в театре, вмещавшем несколько тысяч зрителей! Кто-нибудь да обслуживал обширные амбары и кладовые, где тянутся длинные ряды ларей, бочек, кассел и пифов! Кто-нибудь да делал в мостовых и в стенах те поправки и починки, следы которых подмечены современными наблюдателями! Кто-нибудь да присматривал за узниками, брошенными в подземные темницы, приносил туда обычный тюремный паек, кус хлеба и чашку воды! Кто-нибудь, наконец, да заботился сколько-нибудь о порядке в гигантском доме, стирал пыль с драгоценных ваз, подметал полы и мостовые, стелил ложа, служил за пиршественными столами! Для кого-нибудь да строился великий лабиринт, в течение веков все расширявшийся и разрастающийся! Ведь то была не

величавая гробница, как пирамида Хеопса, по самому своему назначению – мертвая, чуждая современности, обращенная, как символ, к отдаленному будущему, но – жилой дом, приспособленный для всех удобств и для всех наслаждений жизни деятельной, изысканно-роскошной и утонченно-покойной.

Вглядываясь в гигантские руины лабиринта, рассматривая его хитрый и глубокообдуманный план, вникая в подробности уцелевшей обстановки и убранства, следя, шаг за шагом, за открытиями археологов, – нельзя себе представлять эту жизнь во дворце-городе иначе, как шумной, пышной и многообразной. То совершались здесь официальные торжества в большой «тронной» зале, «выходы» государя или приемы иностранных посольств, например, из Египта. Выступали послы заморской земли, в национальных одеяниях, преклонялись перед миносом, приносили ему дары союзного или вассального царя, сверкавшие золотом, серебром, слоновой костью; а местная знать окружала престол своего владыки, как живой венец его славы и могущества[13]. То выходил минос к своему народу, показываясь за стенами лабиринта, перед главным входом, под пышным портиком, стоя, в царской мантии, весь усыпанный драгоценностями, на пестром фоне изразцовой стены и ее фресок; народ восторженно приветствовал государя, обращался к нему со своими жалобами, ждал от него суда и расправы[14]. То в малых покоях происходили заседания совета миноса, где, в кругу своих министров, «канцлера», «визиря» и других сановников, государь решал вопросы войны и мира, давал законы населению страны, подводил итоги государственным и дворцовым расходам[15]. То назначались торжественные богослужения в большом храме, горели перед статуями богов огни, с курильниц возносился фимиам, звучало пение священных гимнов, в длинных коридорах шли пышные процессии или исполнялись ритуальные пляски[16]. То давались спектакли в театре, точнее – в цирковом амфитеатре, полурелигиозные действия, собиравшие в клинья «зрительного зала» все населения лабиринта; может быть, исполнялись и трагедии или комические мимы, но, несомненно, происходили на арене «бои быков», правильнее – «скачки с быками», занимавшие особое место в ритуале эгейской религии[17]. Как современные государи, критские миносы каждодневно должны были нести тяжелое бремя «представительства», и, по всему судя, этикет в лабиринте был не более легким, чем 40 веков спустя в Версале!

Жизнь деловая и богослужения сменялись празднествами. То в пиршественных залах воздвигались громадные столы для дневного или ночного пира, зажигались смоляные факелы и масляные лампы, серебряные блюда гнулись от обильных и изысканных снедей, подавались жареные кабаны, птица, рыба, овощи и плоды, вино текло из больших киафов в малые фиалы, шумели и веселились приглашенные, блистая богатством и новизной своих туалетов; дамы, которые у эгейцев принимали участие в празднествах наравне с мужчинами, выставляли напоказ свои платья с множеством оборок и прошивок, сложные прически, в виде целых сооружений на голове, фамильные драгоценности и прелесть глубоко декольтированной груди; мужчины тоже блистали золотом и драгоценностями, дорогими поясами, перстнями, пряжками и особенно щеголяли длинными черными локонами, завитыми тщательно и причудливо[18]. То, в подходящую пору года, устраивались многолюдные выезды за стены дворца-города, на царскую охоту, в ближние леса и предгорья, дамы на колесницах, мужчины на редких скакунах, со сворами собак, с толпой ловчих, доезжачих-загонщиков, которые заботливо оберегали знатных участников охоты от всех опасностей и трудов, превращая ее в легкую и милую летнюю забаву[19]. Бывали, конечно, и царские смотры войскам, перед стенами лабиринта, бывали состязания верхом или на колесницах, атлетические или гимнастические состязания, кулачные бои, метание дисков и копий, бег взапуски, может быть, состязания певцов и т. п.[20]. В жаркие месяцы лета минос отбывал в свою маленькую виллу, чтобы там, в тиши полусельского уединения, отдохнуть от дел, забыть тревоги и труды миновавшего года и на досуге насладиться всей роскошью и всем богатством, которые достались ему, как законное наследие, от длинного ряда царственных предков.

Как гигантский муравейник, лабиринт был в непрерывном движении. Каждое утро рассыпались по бесчисленным залам и дворикам низшие слуги с метлами, щетками и тряпками; загорался огонь в печах, повара и хлебопеки приступали к своему делу; на конюшнях, на скотном дворе, на псарне хлопотали люди, приставленные к царскому скоту; сменялась стража у ворот и у дверей; начинали стучать молотками каменщики и скульпторы, живописцы несли чашки с красками, слышался визг пилы и скрип гончарного станка. Тем временем жрецы, в длинных одеяниях, совершали достоподобные каждодневные обряды; в канцелярии царя склонялись над счетами и квитанциями или над царскими указами писцы и архивариусы; царские советники собирались в приемных, ожидая выхода Миноса; рядом ждали послы иностранных дворов, частные лица, равные просители, которым была обещана аудиенция. Начинался деловой и трудовой день. А, в своих комнатах, женщины в это время неумолимо просиживали часы у туалетных столиков, советовались с портнихами, покорно подчинялись рукам искусных куаферш, выбирали наряд на сегодняшний день, чернили брови, багрянили губы, наводили румянец на щеки. Это тоже была работа, и не легкая, требовавшая знаний, терпения и много времени.

Потом подходил час трапезы, соединявший отдельные группы за общими столами, за которыми еда оживлялась остроумной беседой, а может быть, музыкой и пляской выученных для того рабынь. Еще после наступал час визитов; изысканно разодетые щеголи, напомаженные, надушенные, с модными, тщательно завитыми локонами, теснились вокруг прославленных красавиц в «салонах» лабиринта; велись живые, светские разговоры, обильно приправляемые клеветой и сплетнями. Наконец, спускалась душная южная ночь, шумы дневной суеты затихали, обитатели лабиринта расходились по своим комнатам, чтобы отдохнуть, кто от тяжелого труда подневольных рабов, кто от утомительных забот светской жизни, с ее сложными правилами этикета и хорошего тона. Тогда богиня любви, та самая, которую эгейцы изображали, как позднее эллины, с двумя голубочками на плечах или над головой, – крыла своим благословенным плащом те и другие опочивальни безмерного дворца и нашептывала над ними свои чудесные заклинания, так сходно звучащие на всех языках во все эпохи земли. И, сорок пять столетий тому назад, как и в наши дни, свершались под этот шепот, под покровом этого плаща, великие таинства страсти, разрешавшие все волнения, тревоги и муки, которые накопились в сердце за долгий день. И в эти часы, в эти мгновения, исчезали всякое различие между современным человеком, с его телефонами, аэропланами и кинематографами, и обитателем критского дворца, привыкшим к «скачкам быков», к изысканным вазам, ко всему обиходу жизни в запутанно-торжественном лабиринте...

Проходили дни, проходили годы, столетия и тысячелетия, на Крите, купающемся в светлых волнах Эгейского моря, все шумела, справляя радостный праздник жизни, великолепная столица могущественного миноса, дворец-диво, город-чудо, и не могли бы его обитатели поверить, что наступят века, когда ученейшие люди нового человечества усомнятся в самом существовании Кносского лабиринта.

3. Хозяева лабиринта

Тот образ хозяев лабиринта, какой выступает перед нами из одного внимательного рассмотрения критской столицы, подтверждается документальными данными: фресками, эгейскими и египетскими, статуарными изображениями, рисунками на саркофагах, на вазах, на геммах, на разных других предметах. И мы вправе привлечь для такой общей характеристики жителей лабиринта не только памятники критских городов, но и археологические находки в других частях эгейского мира, даже за его пределами. При всем различии, какое представляют памятники эгейской жизни разных эпох и разных местностей, все они остаются свидетельствами об единой эгейской культуре. За 25 веков своего

существования она не могла не видоизменяться, и весьма существенно; она не могла не представлять большого разнообразия и не иметь характерных местных отличий на протяжении от Южной Италии (где были колонии эгейцев) до побережья Геллеспонта, от Южного берега Крита до северных областей материковой Греции. Однако все эти изменения и различия сохраняют некоторое внутреннее единство, как это сохраняет, например, новоевропейская культура, при всех особенностях культур французской и русской, английской и испанской. Эгейские памятники – черенки драгоценной вазы, которая разбита вдребезги, но была когда-то цельным, совершенным сосудом. Хозяева лабиринта были высшим воплощением типа эгейца – вообще: что является разрозненным и случайным в других местностях и в другие века, то было соединено и отчетливо выражено в жизни критских столиц, в период их полного расцвета, в начале 2-го тысячелетия до Р. Х.

Разумеется, говоря о «хозяевах лабиринта», приходится иметь в виду верхний слой эгейского общества. Только об его представителях с достаточной полнотой свидетельствуют дошедшие до нас памятники; только в жизни свободных и знатных людей могли, по условиям времени, ярко отразиться основные черты народа; наконец, резкое деление на классы, даже, быть может, на касты – характерно для всей Эгейи. Ниже этого слоя стоял класс купцов и промышленников, о которых мы еще можем составить себе довольно определенное понятие. Но многое в их жизни и психологии выясняется, само собой, из характеристики аристократии: ведь торговля и промышленность служила, прежде всего, ей, руководствовалась ее вкусами, удовлетворяла ее требования. Еще ниже следовала масса «простого народа», уже плохо различимая, при современном состоянии наших знаний, и, наконец, масса рабов, сливающаяся в одно неопределенное пятно, без индивидуальных черт, сходная с такими же рабскими массами иных эпох и иных стран, да, вероятно, и состоявшая из представителей иных национальностей. В конце концов, истинными представителями эгейского мира остаются для нас «цари и герои», а среди них именно «цари» лабиринтов и «герои» критских столиц.

Ученые до сих пор спорят, каково племенное происхождение эгейцев. Пока мы можем оставить в стороне противоречивые решения этого вопроса, сказав, что всего правдоподобнее и осторожнее относить эгейцев к арийской расе, европейского, но не эллинского типа. Такими вырисовываются большинство лиц на фресках, где эгейцы изображали сами себя и где их изображали египтяне, определенно их отличая от своего национального, семитического типа. Таково, например, лицо полуобнаженного юноши, несущего длинный и тонкий, серебряный с золотой оправой сосуд, изображенного на фреске в одном коридоре Кносского лабиринта.

«Тип благородный, чисто европейский, но не греческий, с правильными чертами и чистым профилем, высокий, бракикефальный череп, черные курчавые волосы, смуглая кожа, темные глаза», – так описывает это лицо один из исследователей (проф. Б. Фармаковский). Такие лица и поныне встречаются на Крите, в горных областях и на побережьях. Юноша строен, его осанка благородна, движения полны изящества, хотя, может быть, он не принадлежал к знати, судя по его занятию и отсутствию локонов[21]. Того же характера большинство других лиц, мужских и женских. Везде перед нами, несомненно, европейцы, но не эллины, люди, которым многовековая культура положила на лица отпечаток утонченной сознательности.

Изображения женщин останавливают, прежде всего, своими одеяниями. Мы видим не народные национальные костюмы, только сделанные более богато, из лучшего материала, и не одежды, приспособленные к тем или иным потребностям жизни, а характерные создания тиранической моды, мало считающейся с условиями действительности. Туалеты эгейских женщин, «хозяек лабиринта», подчинены одному закону: красоте. Дамы в критских дворцах одевались так, чтобы согласно со своими представлениями о прекрасном и изящном радовать взоры окружающих и, вероятно, даже изумлять их. Так одеваются и современные дамы, выезжая на бал, на премьеру, на пышный вернисаж. Многие изображения эгейских женщин прежде всего приводят на память, – что и было не раз отмечено, – картинки

современных модных журналов. Одно из таких изображений слывет среди исследователей эгейской старины под многозначительным названием «парижанка». Между тем изображение это относится к началу 2-го тысячелетия до Р. Х. Париж XX в. по Р. Х. и Крит XX в. до Р. Х. как бы совпадают в туалетах представительниц своего «большого света».

Особенно любопытны две фаянсовых статуэтки, одна – найденная в Кносском лабиринте, другая – в Петсофе, на Крите же[22]. Некоторые полагают, что эти статуэтки дают наряд жриц, женщин при исполнении какого-то религиозного обряда. Есть много оснований не соглашаться с таким объяснением[23]. Но, независимо от решения вопроса, костюмы, изображенные на статуэтках, остаются крайне поучительными. Не так важно, надевала ли свой исхищенный туалет эгейская дама, чтобы присутствовать на пиру или на балу, даваемом в лабиринте, или чтобы выполнить некую культовую церемонию, может быть, давно утратившую прежний смысл и превратившуюся тоже в повод к празднеству. Так, в наши дни надевают роскошные платья, в католических странах, девочки для первого причастия, у нас женщины – для пасхальной заутрени, везде невесты – в день свадьбы, чтобы «стоять под вендом». Важно то, что подобные платья шились и надевались, что в них находили красоту, по меньшей мере – торжественность. Кроме того, свидетельства двух статуэток подтверждаются другими, где находим сходные элементы туалета, так что многое в нем можно считать достаточно распространенным.

Петсофская статуэтка стилизована (как большинство созданий эгейского искусства), кажется, даже несколько утрирована. Костюм состоит из широчайшей юбки, на металлических или костяных обручах, и баски, с далеко отогнутым назад воротником *a la Marie Stuart* и с декольте, оставляющим обнаженной всю грудь. По талии перекинут широкий пояс, обернутый два раза и спереди спадающий длинным концом, с бантом внизу, почти до уровня щиколотки. По юбке идут полосы другого цвета, накладки другой материи, образующие «елочки», расходящиеся от трех вертикальных, параллельных полос.

Двигаться в таком платье было никак не удобнее, чем в самых предельных по размерам кринолинах наших бабушек. Прическа у фигуры – целое сооружение из волос, в виде громадного рога, загнутого вперед и раскрашенного в две краски, двумя поперечными полосами.

На кносской статуэтке – туалет иного типа, вероятно, другой эпохи. Юбка гораздо уже и кроена прямыми линиями (тогда как «кринолин» изогнут в форме бочонка). Зато юбка богато украшена: покрыта большим числом поперечных полос, что означает, несомненно, ряд складок, находящихся одна на другую (такой фасон отчетливее виден на некоторых других изображениях); внизу, по подолу; идет красивая прошивка с узором. Верхняя часть тела одета в то, что у наших модниц называется теперь «туникой» («тюник»): кофточку, которая, спереди и сзади, до начала ног, спускается овальными фартучками, а по бокам поднимается к талии; по краям фартучки тоже обшиты прошивкой, с иным упором. Грудь опять глубоко декольтирована; рукава короткие, не доходящие до локтя; талия крайне перетянута каким-либо родом корсета. На голове кносской статуэтки высокая шляпа, в три яруса, со змеями, под которой особый платок, закрывающий уши и Сходные туалеты мы видим на других статуэтках, на фресках, на разных рисунках. По-видимому, в Эгейе долго держалась мода, побуждавшая женщин украшать свои юбки несколькими горизонтальными полосами складок и оборок: иногда вся юбка состоит из ряда (например, шести) складок, находящихся одна на другую, словно бы был надет ряд юбок, одна короче другой; иногда от подола вверх идет ряд оборок, которых можно насчитать до десяти. Точно так же верхняя часть костюма часто спускается, спереди и сзади, в виде современной «тюник», закрывая весь живот или и еще ниже до самого подола; такие «тюник» бывают одинарные и двойные, кроенные овально и углом и т. п., может быть, согласно с капризами моды. Грудь большею частью открыта больше, чем то допускается по современным понятиям. На других изображениях, вероятно, позднейшей эпохи, например, на саркофаге из лабиринта в Агия-Триаде, видна другая мода. Длинные юбки заменяются короткими, позволяющими высоко видеть ноги, как то принято в

наши дни: подол или прямой, с несколькими рядами прошивок, или скругленный, с маленьким разрезом сзади. Изменяется и прическа: вместо монументальных сооружений из волос, являются завитые локоны, с умышленной небрежностью, низко разложенные по голове: вьющиеся кудряшки спадают на лоб, а более длинные пряди спускаются до плеч; иногда прическа дополняется лентами, спущенными на спину и по сторонам[24]. Вообще, история женских мод в Эгейе, по своему разнообразию, могла бы составить предмет особого исследования.

Фрески знакомят нас еще с одной деталью эгейского женского туалета: на них, нередко, отчетливо видна искусственная раскраска лица. Эгейские модницы подводили себе брови, ярко багрянили губы, несомненно, румянили щеки, подкрашивали, кажется, и другие части тела: например, клали пятна кармина на грудь (что особенно явно на одной кносской фреске). Очень вероятно, что и волосы окрашивались в желаемый цвет. У петсофской статуэтки волосы резко раскрашены; на саркофаге из Агия-Триады, у одной из участниц совершаемого обряда, – светлые, льняные кудри, что вряд ли могло быть естественным среди эгейских женщин, сплошь брюнеток. Этому соответствует большое количество найденных при раскопках флаконов и ларчиков для благовоний и притираний. Меньше знакомы с женской обувью: но кое-где видны изображения изящных сандалий-туфель.

Остается добавить, что эгейские женщины широко пользовались украшениями из золота и серебра с драгоценными камнями: браслетами, ожерельями, серьгами и т. д.[25].

Все такие наряды могли создаваться никак не для жизни, занятой домашними работами и присмотром за хозяйством. Это – не туалет жены-матери, кормящей и воспитывающей детей, готовящей обед мужу, хлопочущей на кухне и в огороде: в такой одежде не могла бы царевна Навсикая стирать свое царское белье. Это «костюм для выездов» или «роскошный бальный туалет», как теперь подписывают под рисунками в модных журналах. Изображения эгейских дам эпохи расцвета лабиринтов подразумевают существование многого, без чего были бы невысказаны даже в воображении художника. Такие изображения подразумевают резкое деление общества на классы, так как не всем же в народе была доступна беспечная жизнь модниц; затем, – особый уклад жизни, позволявший женщинам отдавать много времени заботам о своей красоте, обеспечивавший такое времяпрепровождение; наконец, – развитые светские отношения, публичность собраний, празднеств, выездов, на которых женщины могли блистать своими нарядами в мужском обществе.

С другой стороны, такие туалеты подразумевают существование в Эгейе, в ее лучшие годы, высокоразвитой промышленности.

В самом деле: чтобы создать кносские, петсофские и агия-триадские туалеты, в Эгейе должны были существовать фабрики, выделяющие изящные и разнообразные ткани и окрашивающие их в разные цвета; мастерские, вырабатывающие мелкие части женского туалета – ленты, кружева, прошивки, кисти, шнурки, тесемки и всякие другие предметы «галантереи», не говоря уже о нитках, иголках, булавах и т. п.; белошвейки, привыкшие к тонкому материалу, модистки, изготавливающие модные шляпы, башмачники, тачающие красивые сандалии и башмачки, корсетницы, вязальщицы, гофрировщицы, плиссировщицы и т. д.; парфюмеры, поставляющие всякие ароматы, духи, помады, белила, румяна, краску для волос; ювелиры, оправляющие самоцветные камни в золото, продающие браслеты, диадемы, ожерелья, цепочки и другие украшения; также много других мастеров-профессионалов, работа которых чувствуется за изысканной внешностью эгейских дам, начиная с искусных портних и портных, своего рода «Пакенов» и «Бортов» критского мира, кончая, может быть, поставщиками искусственных локонов и поддельных икр. В тоже время, «на дому» у модниц чувствуется присутствие вышколенных горничных, одевавших, обувавших и затягивавших свою госпожу, куаферши, создававшей ее монументальную или намеренно небрежную прическу, массажистки, помогавшей пропитывать тело благоуханиями, может быть, даже «маникюрши» и «педикюрши». В других же комнатах должны были иметься кормилицы и

няни, воспитывавшие детей вместо матери.

Весь туалет эгейской модницы требовал целых часов, проведенных за туалетным столиком, перед зеркалом, при содействии целой толпы рабынь. И, конечно, затянута, расфранченная, надушенная красавица не могла и думать о том, чтобы пойти куда-нибудь пешком или заняться каким-нибудь делом. Если и не приходилось ей распорядиться, чтобы шофер немедленно подал собственный автомобиль, то к услугам ее, наверное, были крытые носилки, с мягкими пуховыми подушками и кисейными занавесками. Покачиваясь на плечах дюжих рабов, с милой улыбкой отвечая на приветствия встречных знакомых, придворная львица XX века до Р. Х. отправлялась, вероятно, на другой конец лабиринта, на *jouffixe* к своей подруге-сопернице.

Там, среди столь же расфранченных дам и столь же изысканно одетых кавалеров, в гостиной, украшенной фресками и горельефами, уставленной дорогими вазами и ценными безделушками, велась летучая болтовня, обменивались светскими новостями, остро злословили об отсутствующих друзьях... Если бы современная парижанка понимала язык эгейцев, она, вероятно, почувствовала бы себя дома в салоне лабиринта.

Эгейские кавалеры были достойными партнерами этих модниц. С костюмами мужчин ближе знакомят нас фрески Тиринфского дворца, – живопись, открытая в последнее пятилетие (1911–1910 г.). Исполненные техникой *al fresco*, с красной раскраской по голубому фону, эти рисунки, как обычно у эгейцев, несколько стилизованы, но все же правдивы и заключают в себе много чисто реалистических черт. Тиринфские фрески относятся ко времени более позднему, чем рассмотренные раньше, но их показания пополняются отдельными свидетельствами из лабиринтов и египетской живописи. В основных чертах тиринфские фрески совпадают с кносскими. По-видимому, в Тиринф моды приходили с Крита, и мы вправе поэтому тиринфские показания распространить на жизнь в лабиринтах. Те черты изысканности и утонченности, какие мы находим в Тиринфе, должны были еще в большей мере существовать в кносском дворце.

В более древней части Тиринфского дворца сохранился фрагмент фрески, изображающий двух идущих мужчин. Их головы обнажены и волосы тонко завиты локонами, ниспадающими на плечи, – мода, которая особенно долго, целые столетия, держалась в эгейском мире; одежда – хитоны с короткими рукавами, охваченные по талии поясами, концы которых спущены до середины бедер. В правой руке у каждого – по два копья. И костюм и убор головы показывают большую заботу о туалете. Это своего рода «петиметры» старого французского двора, для которых неудачно надетый пояс мог составить чуть ли не несчастье всей жизни. По технике исполнения, по характерному перегибу назад верхней части тела, по стилизации рисунок очень близок к кносским образцам. Кроме того, совершенно такое же одеяние мужчин мы находим в рисунках на кубках, найденных в лабиринте. Следовательно, так же приблизительно одевались и «хозяева лабиринта».

В более новой части Тиринфского дворца открыты остатки фриза, изображающего охоту на кабана. Фриз уцелел в значительной своей части, так что можно восстановить всю композицию. Участие в охоте принимают как мужчины, так и женщины[26]. В центре композиции – затравленный кабан, окруженный собаками, кабан, к которому устремляются охотники и охотницы; далее – слуги, держащие других собак на сворах; на краях фриза – колесницы, с лицами, не принимающими непосредственного участия в охоте и являющимися только зрителями и зрительницами. Внешний вид участников – тот же, как на фреске с идущими мужчинами: опять хитоны с короткими рукавами, опять длинные, тщательно завитые локоны. Один из охотников, красивый юноша в таких же, щегольски закрученных локонах, подступив близко к зверю и театрально изогнув тело, наносит последний удар копьем. Форма стоящих по сторонам колесниц – легкая, изящная, с разукрашенными колесами о четырех спицах. Кстати сказать, точно такие же колесницы изображены на гробнице в Агия-Триаде, что дает липшее право распространить тиринфские изображения на

жизнь в лабиринтах[27].

Все характерно в этом фризе: и манера его художественного исполнения, и содержание композиции. Рисунок стилизован, образует некоторое графическое целое: телам и рукам охотников приданы красивые изгибы, дающие графически приятную для глаз линию; размещение фигур изысканно, с намеренным нарушением полной симметрии. Характерно участие в охоте женщин, которые не только остаются ее зрительницами, но, как истинные спортсменки наших дней, и сами берутся за копье. Характерны колесницы, явно предназначенные не для тяжелых переездов, а для катанья по нетрудным дорогам, где не могут поломаться их хрупкие колеса с разукрашенными ободами. Наконец, характерны костюмы и позы охотников, особенно юноши, поражающего зверя. В таких локонах, в хитоне с хитро завязанным поясом, в тесных полусапожках, нечего было и думать о серьезной борьбе с кабаном. Зверь, несомненно, был сначала измучен, загнан, затравлен слугами, как то делалось для изящных кавалеров-охотников при дворе Людовика XIV: от участников требовалась только красивая поза и спортсменское умение. То был пережиток настоящей охоты, нечто вроде стрельбы по тарелочкам в современной Англии. Суровая забава охоты превращена в безопасную *partie de plaisir*.

Заключительные штрихи к этим наблюдениям дают рисунки египетские. Египтяне, как мы увидим далее, рано познакомились с эгейцами, которых называли народами кефтиу, кефтийцами, и оставили их изображение на многих из своих памятников. Это уже свидетельства со стороны, свидетельства беспристрастных наблюдателей, у которых не было причин прикрашивать действительность. Кроме того, всеми признанная наблюдательность египетских художников, их традиционное умение схватывать «натуру», подмечать все самое характерное и выражать его метко, в немногих чертах, позволяют отнести с особым доверием к рисункам египтян. И что же? Глядя на египетские изображения кефтийцев, тотчас и легко узнаем знакомые типы с памятников Кносса, Агия-Триады, Тиринфа. Таковы изображения в гробнице Сенмута, архитектора царицы Хатшепсут (XV в. до Р. Х.), в гробнице Рекмара, первого министра фараона Тутмоса III (1501–1447 г. до Р. Х.), в гробнице сына Рекмара и его преемника по должности, Мен-капр-ре-сенеба, в гробнице Аменехмеба, в пирамиде Сенусерта II и др. В гробнице Рамсеса III (1198–1167 г. до Р. Х.) изображены, между прочим, и корабли кефтийцев.

Интереснейшая из этих картин та, где кефтийцы, т. е. эгейцы, вероятно, именно критяне, изображены приносящими дань фараону (фреска из могилы Мен-капр-ре-сенеба)[28]. Мы видим те же лица, как на национальных эгейских фресках, определенно не семитического типа. Одежда состоит из широкой повязки на бедрах, богато вышитой, иногда украшенной бахромой; у некоторых широкий пояс вокруг талии, конец которого, с кисточкой, спадает по боку, ниже колен; обувь – высокий, на толстой подошве, сапог из кожи. Верхняя часть тела обнажена. Прическа – опять длинные, может быть, искусственные локоны, мелко завитые, спущенные на плечи тремя или четырьмя прядями; у некоторых вокруг головы тонкая перевязь-тесма, род фероньерки. (Сходное одеяние встречается на фресках в Микенах; сходная обувь – на фресках в Орхомене; та же прическа на большинстве эгейских фресок.) Руки у послов заняты; у одного в руках – меч, у другого – жезл, у третьего – пояс с кистями; кроме того, большинство (всех сохранившихся фигур – девять) несет дары, кто на особом блюде, кто в свободной руке или на плече. В числе этих даров: характерные «эгейские» вазы, керамические с орнаментом, медная с крышкой в форме головы быка, сосуд с железной головой собаки, серебряная амфора с золотой инкрустацией, а также серебряная голова быка, серебряная статуя быка, бусы, рога каменного оленя и т. п.[29]. Египетский художник придал изображению гостей Египта благородную осанку и красивые позы. Приблизительно так же представлены кефтийцы на фресках в гробнице Рекмары и др.

На многих эгейских предметах сохранились изображения и целых сцен из жизни. В некоторых случаях содержание вполне понятно. Вот (на микенской вазе) марширует строй солдат: они идут нога в ногу, одинаково прикрываясь маленьким щитом, ровно держа копье, в шлемах с

развевающимися султанами. Вот (на микенской гемме) пляшущие женщины, изгибающиеся сладострастно и явно выполняющие определенное па. Вот упомянутые нами «скачки с быками» (на тиринфской фреске, на вазе из Вафио и др. предметах), – несомненно, религиозный обряд. Вот борьба на мечях, может быть, двух гладиаторов (микенская золотая пластинка); женщины, приносящие жертву богине (саркофаг из Агия-Триады); поимка быка в большую сеть (золотая ваза из Вафио) и т. п. Другие изображения, особенно на геммах, возбуждают сомнение, что именно дано художником: сцена мифологическая, религиозный обряд или просто жанровая картинка. Обычно в этих изображениях предпочитают видеть выполнение религиозных обрядов; нам же кажется, что часто это просто сцена из домашней жизни. Так, например, иные сцены можно истолковать, как посещение гостьей своей подруги, как прогулку в колеснице и т. п. Но, как бы ни объясняли содержание отдельных изображений, все остаются крайне типичными по отдельным фигурам, по приданным им позам, по представленным нарядам. Везде веет один и тот же дух эгейской жизни, насыщенной условностью, этикетом и стремлением к красоте и изяществу.

Конечно, при характеристике эгейской жизни в Эгее по памятникам ее искусства, не надо забывать, что эгейские художники были склонны все стилизовать, но и эта склонность, очевидно, отвечает формам самой жизни. Представлены ли эгейцы послами пред иноземным государем, охотниками ли лицом к лицу со зверем, воинами ли, выступающими на смотре, изображены ли эгейские женщины, исполняющими религиозный обряд, или в обстановке повседневной жизни, или, наконец, просто на портретах, – везде оказывается благородство движений, изысканность жестов, какая-то заученность положений тела, головы, рук и ног, что должно быть следствием привычки, переходившей от поколения к поколению. По-видимому, в эгейской мире существовали строгие правила относительно того, как держать себя в обществе, выработанный и застывший этикет при дворе, вроде византийского, общепризнанный и мало изменявшийся кодекс «хорошего тона» в светской жизни. Немного отгибать спину назад, ровно ставить ноги при ходьбе, красивым изгибом поднимать руки или протягивать их с чуть заметным сгибом в локтях, прямо держать голову, чтобы не нарушать расположения локонов, всему этому (отчетливо видимому на фресках и рисунках) эгейские мальчики и девочки должны были учиться с раннего детства. Танцы, вероятно, входили в курс эгейского воспитания, как необходимейший элемент. В то же время человеческие фигуры на большинстве изображений окружены богатством и роскошью, обстановкой, изысканность которой вполне соответствует изысканности движений и поз.

Пробегая глазами ряд сцен этого отдаленнейшего прошлого, самые поздние из которых не выходят за пределы 2-го тысячелетия до Р. Х., чувствуешь себя в жизни искусственно усложненной, переполненной традициями, красивой в своих внешних проявлениях, созданной вкусом воспитанным и избалованным. Эту жизнь можно назвать праздной, в том смысле, что многим в ней чужды были заботы о «хлебе насущном», непосредственное его добывание, том более – физическим трудом. Но эта жизнь должна была быть наполненной заботами другого рода, – для многих занятиями государственными, для всех интересами духовными, интеллектуальными: вопросами религиозными, философскими, научными, художественными. Не умея еще читать минойские (эгейские) тексты, мы только смутно угадываем чисто умственные интересы эгейцев; но ясно видим, что интересы искусства живо занимали всех. В Эгее искусство, чистое и прикладное, занимало почетное место, и в искусстве в значительной мере выражалась душа эгейцев. По изображениям на фресках и рисунках мы можем судить о внешности эгейцев; их искусство поможет нам заглянуть в их внутренний мир.

4. Эгейское искусство

Ни в чем не выражается так полно душа народа, как в созданиях его искусства. Народ может заимствовать у соседей орудия для разных работ, научные сведения, политические и общественные установления. Но искусство всегда национально. Даже подражая, народ берет из чужих художественных произведений то, что отвечает его вкусу, его уровню развития. Есть определенное мерило, чтобы решить, какой плуг лучше для обработки земли, какая система счисления удобнее, даже какая форма правления предпочтительнее. Но как обставить свой дом, какие поместить на стенах картины, какие выбрать статуи, на эти вопросы отвечает тот «вкус», о котором, по пословице, «не спорят». Народ говорит: «Мне нравится это, а не то», и такими словами решает весь спор. Пусть художники и ремесленники, подчиняясь чужому влиянию, иноземной выучке, создают произведения, идущие вразрез со вкусами народа: такие произведения недолговечны. Только малое число их сохраняется, и то, если во вкусах происходит соответствующая перемена. Большинство гибнет: стихи забываются, картины разрушаются, золото переплавляют для новых созданий, – в том чудовищном подборе, который совершается рядами поколений, в течение тысячелетий. Из эгейского мира до нас должны были дойти только те вещи, которые были одобрены признанием веков, те, которые отвечали понятиям «народа» (в данном случае высшего его класса, которому только искусство и служило в Эгейе) о прекрасном.

Уже самые лабиринты и дворцы на материке Греции, в Микенах, Тиринфе, Орхомене, были созданиями искусства, – зодчества. В запутанности критских «городов-государств», в роскоши и пышности убранства тронных зал, в киклопических камнях «Львиных ворот» тоже сказался дух эгейского народа, искавшего величия и красоты. Но в самой сущности архитектуры есть нечто, придающее ее созданиям некоторую общность, под какими бы широтами, в какие бы времена и у какого бы народа они ни возникали. Масса и тяжесть, линии и площади, математика и механика – везде одинаковы. Кроме того, лабиринты строились на века: поколения за поколениями сменялись в них, не имея возможности существенно изменять дворец по своему вкусу. Напротив, создания «малого» искусства, особенно прикладного, чутко подчиняются индивидуальным требованиям. Такую-то шпильку женщина выбирает для себя самой, никак не считаясь с веками; такой-то кинжал нравится юноше своей инкрустацией, независимо от того, нравился ли этот узор его предкам; такой-то пояс был исполнен по заказу своего владельца так, как ему хотелось, как это шло к его лицу, к его туалету. «Малые» вещи, которые мы теперь подбираем под холмами наносной земли в Кноссе, в Фесте, в Агия-Триаде, среди каменных груд, оставшихся в арголидских и беотийских дворцах, и на месте священного Илиона, – украшали когда-то салоны и спальни эгейских красавиц и «львов сезона». В этих вещах – затаена душа отдельных людей, являющихся для нас представителями эгейской культуры.

Среди археологических находок в эгейском мире особое место занимают

вазы. Их целыми и черепки от них находят в большом количестве на всех местах эгейских поселений. По этим следам всего вернее можно проследить путь эгейского народа в его расселении по земле; эгейцы несли с собой свою «гончарную технику», и каждый этап их продвижения (как полагают, поэтому, из Испании до побережий Эгейского моря) отмечен черепками ваз, оставшимися на местах временных станций. В настоящее время уже возможно восстановить эволюцию вазового искусства у эгейцев от наиболее ранних памятников с преобладанием геометрического орнамента, главным образом зигзага, через позднейшие образцы, когда употребление кисти вызвало переход к орнаменту криволинейному, с особенным пристрастием к спирали, до эпохи высшего расцвета вазовой техники, с многообразием орнамента, образованного из элементов растительного и животного мира, и до последнего периода, когда наступил общий упадок эгейского искусства, в том числе и производства ваз[30]. Но для выяснения народного характера, для понимания души эгейцев, их вкусов и их пристрастий, важны, конечно, лучшие из художественных созданий, венцы творчества. Эпоха расцвета вазовой техники, совпадающая с эпохой расцвета лабиринтов, живее всего знакомите внутренним миром «эгейца».

Наиболее замечательны вазы именно критские, особого стиля, называемого теперь

камарес (по названию пещеры в горном хребте Иды, на Крите, где впервые были найдены вазы такого типа). Вазы камарес исполнены опытными и искусными гончарами, из хорошо промытой глины, на усовершенствованном, чисто работающем станке. Встречаются, впрочем, вазы не только глиняные и фарфоровые, но также из металлов, из камня, из стекла. Стенки гончарных ваз тонки, линии их четки, рисунок украшений безукоризнен: видно, что мастер достигал того самого, чего хотел. Вазам обычно придана не только изящная, но и изысканная форма. Создавая амфоры, киликты, кратеры, гидрии, лекифы, пелики, скифы, пифы, фиалы и другие формы сосудов, ставшие традиционными у эллинов, эгейские мастера умели достигать бесконечного разнообразия. Некоторые вазы вытянуты, как венецианские бокалы; другие причудливо согнуты, нарушая строго геометрическую точность очертаний; третьи, напротив, совпадают своими чертами с безукоризненно вычерченными кривыми: эллипсом, параболой, синусоидой; есть шаровидные, с узким горлышком над формой мяча; есть остроконечные, которые могли стоять лишь на подставке; есть кувшинчики, рюмочки, леечки, флакончики, баночки и т. д. У большинства прихотливо изогнутые ручки, линии которых дополняют сферический рисунок самого сосуда. Самые пленительные дразнят воображение не совершенной гармонией фигуры, а сознательным уклонением от полной правильности форм.

Гончарные вазы камарес обычно лакированы и покрыты сложным писаным орнаментом или целыми миниатюрными картинками (тогда как на более древних вазах орнамент гравированный). Раскраска то белая (как и на древнейших), то желтая, то оранжевая, то красная – разных оттенков по черному фону, реже – темная но светлому. Всего типичнее орнамент, где преобладают спирали и другие кривые (линии), но встречаются также звездочки, прямоугольники, зубцы, ромбы, затем – стилизованные элементы растительного и животного мира, наконец, реалистические фигуры, в том числе и человеческие. Иные орнаменты, по смелости и прихотливости линий, кажутся произведениями самого последнего времени, той, еще не вполне изжитой эпохи, когда в искусство вторгся *style moderne*, по-новому изогнувший наши пепельницы и разрезальные ножи, изменивший узоры наших обоев и неожиданными завитками закруживший бордюры театральных афиш. И вообще, вазы камарес, и своими формами, и своим орнаментом, чаще всего напоминают изделия нового времени, обложки современных книг, выставки немецкого сецессиона, копенгагенский фарфор, проявляя только несомненно большую силу художественной оригинальности и творческого напряжения.

Вот, например, по стороне вазы, от горлышка, но не доходя до низу, сбегает круговая линия, почти (но не вполне!) совпадающая с правильным кругом; внутри круга вписаны другие кривые, неполными спиралями касающиеся окружности, выходящие из одной точки и направленные под разными уклонами; низ вазы украшен параллельными поперечными полосами; свободное пространство в круге оживлено звездочками и пальметками. Или вот со дна шаровидной вазы дерзко вскидываются к ее середине лучевые линии, заканчивающиеся широким, вытянуто-округлым пятном, подобием огромного вопросительного знака, а сверху вазы из сплетения круговых линий получаются, идущие навстречу, секирообразные полушария. Или вот из резко-стилизированных листьев и цветов получается сложный узор, заполняющий всю поверхность вазы, образующий вогнутые ромбы, ограниченные вытянутыми кругами, причем внутренность и кругов и ромбов, в свою очередь, заполнена комбинацией из пяти звездочек, составляющих пятиугольник. Во всех этих линейных орнаментах поражает умение заполнить пространство, дать впечатление сложности при помощи самых простых, в сущности, элементов. Глаз сначала видит определенный узор, потом, пытаясь вникнуть в его систему, запутывается безнадежно; лишь после, усилием мысли, удается восстановить сложно простое построение.

Еще изумительнее орнаменты с элементами растительного и животного мира, заставляющие вспомнить японскую живопись и наше «декадентство», во многом ей подражавшее. Вот

стилизованные линии, сходные с традиционными «лилиями Бурбона»; вот упрощенные цветы папируса; вот условно изображенные лотосы, «ампирные» лавровые венки, скромные девичьи веночки; вот совсем фантастические растения, стебли которых лучеобразно вырастают со дна вазы, чтобы завершиться у ее верха симметрично поставленными символами цветка... На других вазах – стилизация низших морских животных: раковины, улитки, полипы; далее – изображения рыб, дельфинов, птиц; наконец, – фигуры четвероногих, особенно быков, и человека; формы растений и животных переданы условно, не ради реалистичности изображения, но исключительно ради красоты линий, образующих орнамент. Бывают и целые рисунки: какие-то сады спутавшихся между собой растений, садки морских чудищ, переплетающихся хвостами и плавниками, сцены, взятые с арены цирка... Но во всех случаях художники, расписывавшие вазу, не упускали из виду своей основной цели: украсить орнаментом сосуд; рисунок всегда остается в подчинении у формы вазы, следуя за ней и пополняя ее. По гармонии орнамента с формой сосуда лучшие эгейские вазы могут смело спорить с прославленнейшими созданиями Бенвенутто Челлини, Бернара Палисси, копенгагенской фабрики; вазы этрусские остаются далеко позади[31].

Те же свойства орнамента – неисчерпаемое разнообразие, создаваемое из простейших элементов, умение заполнять пространство, графическая красота целого, стилизация образов природы и подчинение украшений общему замыслу мастера, – мы находим и на других эгейских изделиях: в орнаменте на стенах и на саркофагах и в орнаментации различных мелких предметов. Наконец, эти свойства сказываются и в тех произведениях искусства, которые не могут быть отнесены непосредственно к орнаментальным: в живописи и даже скульптуре; и в них эгейцы склонялись к стилизации и графической красоте. Вот, например, два дельфина, написанные на стене Кносского лабиринта, один над другим; верхние плавники нижнего сближены с нижними плавниками верхнего, хвосты обращены в разные стороны, телам придан небольшой наклон в противоположном направлении; в целом получился как бы единый контур, не уничтожающий реалистической правды в изображении животных, но прекрасно графически и орнаментально заполняющий данное художнику место. Еще замечательнее такой же прием в рисунке на фаянсовой пластинке, найденной также в Кноссе: изображены морские животные; в центре две летучих рыбки, – их раскинутые плавники живописно заполняют всю середину рисунка, а изгибы тел образуют две не вполне параллельные кривые, которые зритель невольно продолжает, как две пересекающиеся спирали; боковые стороны рисунка заняты раковинами, спиральные завитки которых гармонируют с линиями рыбьих тел, а вместе с тем составляют естественную раму картины; кое-где добавлены пятна других ракушек, дающих красивые перекрещивания линий. К этому рисунку приближается, по замыслу, стенная живопись, найденная на Меле (Мелосе), где орнаментация достигнута изгибами летучих рыбок в разных направлениях[32].

Стремление к графической красоте замечается у эгейцев и в изображении отдельных фигур или целых сцен из жизни. Фреска из Кносского лабиринта, изображающая обнаженную женщину, как будто совершенно чужда орнаментальным задачам; однако, вычерчивая строгий контур тела, художник больше считался с красотой кривых линий, нежели с анатомией. То же должно сказать о женской головке, оттуда же, исполненной той же характерной для эгейцев техникой: контуром, со слабым выявлением рельефа; это опять дает простор красивому сочетанию линий, которые были бы затемнены сильной рельефностью портрета. В любом эгейском рисунке чувствуется то же пристрастие к графической красоте линий. Наклоны тел, повороты шеи, движения рук, расстановка ног в фигурах, все это имеет в виду не фотографическую верность природе, но графическую красоту; она дополняется и изображением обстановки. Там красота линий достигнута симметрией или тонкой асимметрией в расположении фигур; там – стилизацией образа животного или человека; там четыремя штрихами вожжей, проведенных параллельно; там 16-ю линиями ног у кобылиц с жеребятами, там еще – комбинацией этих двух элементов, – вожжей и ног, – трактованных, как линии, и т. п.[33].

Графика у эгейцев простирает свою власть даже на скульптурные произведения. Несомненно графичен рассмотренный раньше фриз из Тиринфа, представляющий охоту на кабана. На кинжале, найденном в Микенах, изображена инкрустацией охота на львов; суживающееся лезвие ограничивало художника определенным пространством; тем не менее мастер сумел искусно заполнить его и с большой находчивостью, вместо того, чтобы уменьшать фигуры по мере их приближения к острию (что встречается на некоторых эллинских изделиях), придал им соответствующие позы, заставив бегущих животных вытянуться в одну тонкую полосу[34]. На золотом бокале из Вафио чеканные фигуры быков исполнены вполне реалистично; но ряд фигур, обходящих весь сосуд, все же образует графически прекрасный орнамент. То же самое видно на большинстве чеканных произведений, инкрустированных предметов, на стенных рельефах и даже в цельных скульптурах. Такова, например, очаровательная фаянсовая группа из Кносса, представляющая козу с козлятами. Тела детенышей вытянуты мастером даже не вполне естественно, так чтобы получить изысканные кривые, венчаемые наверху волнообразной линией, которую образует рог козы-матери[35].

В некоторой связи с пристрастием к графике стоит любовь к гротеску. Многие художественные произведения эгейцев представляют несомненную утрировку; утрированы разные предметы обихода, цветы, животные и особенно человеческие образы. Мы находим настоящие карикатуры: непомерно маленькие тела с огромной головой, лица с преувеличенно выпяченными губами, преднамеренно вытянутые затылки, и т. п. Иные из этих шуток художника заставляют вспомнить карикатуры Леонардо да Винчи и создания японцев, этих общепризнанных мастеров гротеска. Карикатурными гротесками являются и те загадочные фигурки, которые у исследователей носят обычно название «идолов», грубые и смешные. Наконец, встречаются гротескные изображения и в раскраске ваз, причем особенно часто художники пользовались фигурой спрута восьминога, щупальцы которого давали повод обвить сосуд любимыми кривыми линиями[36].

Самое характерное изображение спрута найдено в Микенах, в виде золотой безделушки[37]. Эгейский художник тщательно вычеканил из золота это отвратительное морское чудовище, не имеющее определенной формы, способное растягиваться и выворачиваться на тысячу ладов, меняясь до неузнаваемости. Изгибы конечностей восьминога позволили художнику использовать красоту кривых линий, завитков и спиралей. Расположение щупальцев скомбинировано так искусно, что все образует одно законченное целое, графически и орнаментально – прекрасное, так как линии заплетены изящно и гармонично, по существу – отвратительное, так как реалистично переданы все особенности животного: присоски на его мясистых лапах, студенистая голова с круглыми выпученными глазами, мешок-тело, являющееся и затылком и желудком вместе. Сочетание красоты и безобразия, драгоценности металла и низменности изображаемого, изощренность замысла и совершенство исполнения делают из этого золотого спрута создание искусства, равное которому трудно подыскать у любого скульптора или ювелира наиболее прославленных эпох творчества. Один этот гротеск доказывает, какими исхищенными ценителями художества были хозяева лабиринта.

Мастерство орнамента, пристрастие к графике, интерес к гротеску – вот показатели той степени зрелости, которой достигла эгейская культура.

На более ранних ступенях развития художник стремится лишь к правдивому воспроизведению зримого. Первобытное искусство, по существу, всегда реалистично. Уклонения к символическому и к условности вызывается в нем не силой, а бессилием мастера. Первобытный художник изображает, например, царя или вождя размерами больше других людей не потому, что такая фигура красивее по своим очертаниям, а по неумению достичь экспрессии «царского» лица или портретного сходства. Точно так же на примитивных рисунках море изображается в виде нескольких волнистых линий только потому, что живописцу не под силу нарисовать целую картину бурной воды. Стилизация у эгейцев совершенно другого характера: это – ступень, следующая за реализмом. Эгейцы стилизуют действительность потому, что в художественных замыслах становятся выше ее. Им важно

уже не то,

что они изобразят, но

как это будет изображено. В самых ранних созданиях эгейского искусства уже замечается это высшее понимание его задач. На Крит, в Грецию, в Трояду эгейцы уже принесли с собой высокое мастерство, пережив период примитивного реализма когда-то раньше, в предшествующие эпохи своей исторической жизни.

Пристрастие к графике является дальнейшим развитием стилизации. Графика есть отвлечение. В природе все – трехмерно и все – так или иначе окрашено. Графика отвлекается от рельефности предметов и от красок, переводит существующее на плоскость и разлагает на линии, в действительности не существующие (ибо линии – только

пределы различной окраски). В вазовых рисунках, на фресках, на геммах, даже, как мы видели, в рельефных и скульптурных произведениях, эгейцы стремились к графической красоте целого и отдельных линий. Притом в своих наиболее совершенных созданиях они искали эту красоту в некотором отклонении от строгой правильности. Во многих случаях появляется нарушение геометрической точности фигуры, намеренная асимметрия, желание избежать однообразия и т. д. Так, например, на одной микенской вазе средняя полоса орнамента постепенно расширяется, будучи ограничена не параллельными кругами; три волнистые параллельные линии на одной критской вазе делят ее на две пленительно неравные половины; на одной кносской гемме центральной фигуре соответствуют по краям, слева – здание, а справа – человеческий образ, и т. п. Избалованный вкус уже не удовлетворялся полной гармонией частей.

Интерес к гротеску вытекает из склонности к нарушению гармонии. Красота в безобразии – естественный шаг после красоты в неправильности. Избалованный вкус притупляется и требуетпряного; отвратительное кажется тогда предпочтительнее прекрасного. Эгейцы оставили много созданий высокой красоты, проникнутых той гармоничностью, которую мы обычно считаем характерной для эллинского искусства. Искание прекрасных форм тела, подчинение подробностей целому, тонкий вкус в сочетании красок, все это присутствует в эгейском искусстве. Но, наряду с этим, эгейцы понимали и любили гротеск, искажение красоты, силу безобразного и отвратительного, что у эллинов отразилось хотя бы в образах хромого Гефеста или «презрительного» Терсита. Надо пройти длинный путь эстетического развития, чтобы найти в безобразии красоту и сделать отвратительное художественным. Гротескные безделушки эгейцев если не «венчают» их искусства, то указывают на его вершины, и чеканный золотой осьминог сверкает на самом верху, над пирамидой роскошных фресок и великолепных рельефов. Гигантские лабиринты заканчиваются маленьким спрутом.

Эгейское искусство открывает перед нами душу народа, – утонченного, избалованного, пресыщенного. Теперь время обратиться к истории эгейского искусства и эгейцев вообще, чтобы увидеть, знаем ли мы, каким путем пришли они к этим вершинам своего творчества. История эгейской культуры должна привести нас к ее истокам.

5. История эгейцев

Многое и поныне остается в культуре эгейцев загадочным, но некоторые основные черты их истории можно установить вполне отчетливо.

В 4-м тысячелетии до Р. Х. на побережьях Эгейского моря появился народ (или народы),

который мы теперь называем эгейцами. Эти пришлецы, очевидно, частью потеснили, частью поработили аборигенов. Эти аборигены, как показали раскопки, принадлежали к первобытным племенам неолитической культуры, тогда как пришлецы принесли с собой безмерно высшие культурные навыки: умели обрабатывать металлы – бронзу, медь, золото, проявляли большое мастерство в гончарном искусстве, имели государственные установления, знали употребление письмен, имея собственный алфавит. Эгейцы основали ряд царств, построили флоты, вошли в сношения с соседними странами, в том числе с Египтом. Наибольшего значения достигло то эгейское царство на Крите, столицей которого был Кносский лабиринт. В конце 3-го и в начале 2-го тысячелетия до Р. Х. морская держава Крита обнимала ряд островов, среди них, по-видимому, и Кипр, была в союзе с малоазиатской Троей, может быть, имела колонии на азиатском берегу. В то же время культурное влияние эгейцев широко распространялось по соседним землям, отражалось даже в Египте и вполне подчинило себе царства на материковой Греции, может быть, также основанные пришлецами – эгейцами, может быть, возникшие самостоятельно.

Эти материковые царства эгейской культуры, в числе их Микены и Тиринф, достигли своего расцвета позже, нежели Крит. Их культура, будучи той же «эгейской» по существу, является младшей сестрой «минойской» культуры Крита и может быть названа «микенской». Около середины XIV в. могущество Критской державы ослабело и первенствующее положение в эгейском мире заняли Аргосские царства, прежде всего – Микены. Их процветание продолжалось еще около полутора столетий, причем в этот период эгейцы производили, – вероятно, в союзе с другими народами, – морские нападения на Египет. К концу 2-го тысячелетия наступил упадок эгейского мира. В XIII в. произошло движение народов с севера на юг, напоминающее позднейшее «великое переселение народов». Полудикские тогда племена эллинов сокрушили эгейские государства, разграбили их города, истребили сокровища искусства. Позднее завоеватели-варвары поддались влиянию более просвещенного, побежденного ими народа. Эллины стали перенимать элементы культуры эгейцев, заимствовали у них религиозные культы, художественные идеалы, технические приемы, запечатлели воспоминания о величии Эгейи и в своих мифах и тем сохранили сущность эгейской культуры для будущих веков.

Точно установить хронологию эгейской истории пока невозможно. Но историки, специально занимавшиеся этим вопросом[38], наметили все же некоторые определенные вехи. Обычно делят эгейскую историю на 3 периода: раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский, из которых каждый подразделяется на три подпериода, первый, второй, третий, так что получается деление на

девять эпох. Первую раннеминойскую эпоху относят к годам от 2900 до 2500 до Р. Х., т. е. ко времени 4-ой, 5-ой и 6-ой династий в Египте; это – эпоха древнейшей культуры киклад, второго слоя (раскопок) в Орхомене, первого в Трое и т. д.; вторую и третью раннеминойскую эпоху относят к годам от 2500 до 2000 до Р. Х., т. е. ко времени 7-ой – 11-ой династии в Египте; в эгейском мире она всего полнее характеризуется вторым слоем в Трое. Первая средне-минойская эпоха совпадает, приблизительно, с правлением 12-ой династии в Египте, т. е. падает на годы от 2000 до 1788 до Р. Х.; она характеризуется позднейшей культурой киклад и так называемой *aphidnakeramik* на материке; вторая среднеминойская эпоха приурочивается к 13-ой династии в Египте, от 1788 до 1660 г. до Р. Х.: это – расцвет техники камарес и время построения первых дворцов в Кноссе и Фесте; третья среднеминойская эпоха соответствует эпохе гиксосов в Египте, т. е. годам от 1675 до 1580 до Р. Х.; в эти годы развивалась ранняя микенская культура. В позднеминойском периоде первая эпоха современна началу 18-ой династии в Египте, а вторая – ее концу, т. е. обе обнимают время от 1580 до 1350 г. до Р. Х.; в первую эпоху возникли вторые дворцы в Кноссе и Фесте; во вторую – дворцы в Микенах и Тиринфе; третья позднеминойская эпоха продолжается, приблизительно, от 1350 до 1200 г. до Р. Х., параллельно 19-ой династии в Египте; в эту пору расцвело позднемикенское искусство и свершилось падение эгейского мира. Едва ли не

самым поздним его цветком была Троя, 6-ой и 7-ой слой которой соответствует этим векам. Около того же рубежа, которым заканчивается история Эгейи, т. е. около 1200 г. до Р. Х., лежит и конец «бронзового века», окончательный переход цивилизованного человечества к железной технике[39].

Таким образом, хронологическая схема устанавливает следующую последовательность явлений. До 4-го тысячелетия до Р. Х., побережья Эгейского моря заняты первобытными племенами неолитической культуры. На их месте вырастает эгейский мир, разделяющийся, во времени, на два главных периода: преобладание Крита до середины XIV в. и могущество Микен до конца XIII в. Культуры этих двух периодов, будучи по существу единой эгейской культурой, называются для различия: первая, старшая – «минойской», вторая, младшая – «микенской». Приблизительно около 1200 г. место эгейцев занимают эллинские племена, и начинается период «дорийский» или «греческое средневековье». Судьбы эгейского мира обнимают, следовательно, более 25 столетий, между XXXVII и XIII вв. до Р. Х., – период, достаточный для того, чтобы проявить все стороны своей цивилизации и достичь высших из ступеней доступного развития, если вспомнить, что немногим больше просуществовал мир Египта, что вся римская история заключена в 12 веков, византийская в 11, а русская не достигла еще и этого предела. Для самых позднейших эгейцев начало их истории терялось в такой же отдаленной древности, как для нас античный мир. Как мы говорим о скульптуре Эллады, так могли говорить эгейцы о своих древнейших художниках.

По вопросу о происхождении эгейцев и их принадлежности к той или другой расовой группе ученые до сих пор не пришли к единогласному решению. Отдельные историки отождествляли эгейцев с самыми различными племенами: с пеласгами, ахеями, эллинами, ливийцами, финикийцами, карами, лелегами и т. п. Эти противоречивые мнения распадаются на две группы: одни защищают «восточное» происхождение эгейцев, другие – «западное». Некоторые из гипотез ныне окончательно отвергнуты наукой[40], и серьезное значение сохранили лишь две: одна, отождествляющая эгейцев (точнее: «минойцев», критян, так как «микенцы» могли быть иного племени) с карами (или «карийцами»), пришедшими в Европу из Малой Азии; другая – ищущая прародину эгейцев на Пиренейском полуострове.

Защитники «карской» гипотезы ссылаются на показания греческих историков, Геродота, Фукидита, Аристотеля, – что кары, в глубокой древности, были замечательнейшим из народов, у которого эллины многому научились; на некоторые названия местностей на Крите, объяснимые лишь из языка каров; особенно же на торжество религиозных символов: бычачьих рогов (boukrania) и двойного топора (labrys), которые были в историческую эпоху символами Зевса Карского, но во множестве встречаются и у эгейцев, например, в Кносском лабиринте, где в одной зале все колонны отмечены знаком «двойного топора» (самое название лабиринт производят от слова «labrys»). Однако эти доводы не заключают в себе ничего решающего; свидетельства греческих авторов – противоречивы, и ничего определенного о прошлом своей страны эллины не знали; географические названия указывают только на пребывание на Крите племени, близкого к карам по языку; тожество религиозных символов – только на общение между Критом и Карией. Заключать из этих соображений тожество критян и каров – нам представляется неосторожным[41].

Более убедительной представляется гипотеза, выводящая эгейцев с крайнего запада, выставленная и развитая, в последнее время, Р. фон Лихтенбергом. Эта гипотеза признает Пиренейский полуостров местопребыванием праарийцев в эпоху оледенения Европы, между палеолитом и неолитом. Как известно, две главные группы арийцев, – по терминологии лингвистов: kentum и satem, – оставили памятники резко различные: для первой группы, так называемой «мегалитической» культуры, характерны большие каменные сооружения, – дольмены, менгиры, кромлехи; для второй – расписная керамика. На Пиренейском полуострове обнаружены следы как мегалитической культуры, так и расписной керамики; из этого должно заключить, что там и жили арийцы до своего разделения.

По миновании ледникового периода арийцы расселились по всей Европе и проникли в Азию и в Африку. Путь расселения именно эгейской ветви арийцев определяется по археологическим находкам расписной керамики, указывающим, что эгейцы шли с Запада на Восток, проникнув и в Малую Азию, в частности в Карию. С арийскими племенами распространялось с Запада на Восток также буквенное письмо, тогда как неарийские народы знали письмо только картинное, в лучшем случае – слоговое: эгейцы принесли с собой на Эгейские побережья именно буквенные «минойские» письма. Остается добавить, что данная гипотеза считает пресловутый «двойной топор» – старинным арийским символом, образом небесного бога, оплодотворяющего мать-землю; в Малую Азию этот символ проник также с запада. В общем, эта гипотеза, – о приходе «эгейцев» с крайнего Запада, с берегов Атлантического океана, – не являясь, конечно, доказанной истиной, представляется нам наиболее вероятной[42].

Но если прошлое эгейцев, до их прибытия на новую родину, остается в области гипотез, то дальнейшую их судьбу можно проследить довольно пристально по объективным данным археологии, а частью и по литературным свидетельствам, именно, – за недоступностью для нас минойских писем, – египетским и греческим. Крайне важным подспорьем в этом исследовании служат данные египтологии, так как между Египтом и Эгейей, в течение тысячелетий, существовали непрерывные и оживленные сношения и, как на египетских памятниках, так и в доступных для нас египетских текстах, сохранился ряд чрезвычайно ценных показаний об эгейцах. Миры эгейский и египетский развивались почти параллельно, как два пышных, гигантских цветка человечества, и изучение одного из них контролирует изучение другого. Но египетская история, как гораздо более, пока, исследованная, естественно должна давать при этом исходные точки.

Сношения между Эгейей и Египтом начались в глубочайшей древности. Уже в слоях раскопок, относящихся к 1-ой раннеминойской эпохе, Эванс нашел сосуды, полированные от руки, с геометрическим орнаментом, белым по черному или бурым по светлому, весьма сходные с египетскими изделиями времен 1-ой династии (т. е. 4-го тысячелетия до Р. Х.). К югу от Кносского лабиринта найдена ваза из сиенита, уже прямо вывезенная из Египта, фабрики эпохи первых династий; в самом дворце – чаша из диорита, такого же происхождения. Затем найдена целая серия ваз из камня, местной, критской работы, но представляющих несомненное подражание египетским образцам, а на древнейших критских печатях также видно влияние египетских «цилиндров». То же влияние отмечено на некоторых критских изделиях (печати из мягкого камня, печати из слоновой кости), относящихся к позднейшим эпохам раннеминойской культуры[43]. Из этого следует, что критяне 4-го и начала 3-го тысячелетий были знакомы с Египтом, вывозили из него разные вещи и подражали его мастерам. Но для того, чтобы предпринимать заморские поездки в долину Нила, должно было обладать хорошим флотом, а также – предприимчивостью и любознательностью; чтобы подражать египетскому искусству, должно было стоять на известной ступени культурного развития. Таким образом, на заре истории эгейцев, мы их видим народом отнюдь не варварским, напротив, – деятельными купцами, смысленными ремесленниками, художниками с развитым вкусом.

От среднеминойского периода сохранились свидетельства противоположного характера: критские изделия, находимые в Египте. Особенно много такого рода памятников в эпоху 12-ой династии, т. е. в начале 2-го тысячелетия (2000–1788 г.). В Кахуне, в гробнице эпохи Сенусерта II, найдено большое число расписанных критских vaz; полагают даже, что Кахун был эгейской рабочей колонией. В Абидосе, в слоях той же эпохи, открыты вазы стиля камарес. С другой стороны, в Кноссе найден скарабей, представляющий имитацию экземпляра 12-ой династии, и разные предметы эпохи 13-ой династии[44]. Следовательно, сношения Эгейи с Египтом не только продолжались, но и развивались. То была эпоха, когда слава ваз камарес, так сказать, «гремела по всему свету». Богатые египтяне добивались украсить ими свои дома, как в наши дни богачи ставят у себя на этажерках копенгагенский

фарфор. Эгейская рабочая колония в Кахуне показывает, что критских мастеров приглашали в Египет, в качестве особенно ловких работников, как в старину у нас выписывали итальянцев. В Кноссе и Фесте уже стояли первые лабиринты, свидетельствующие о мощи критских государей, об искусстве местных зодчих и их обширных познаниях в технике строительства. Крит, в эту эпоху, уже является полноправным членом семьи культурных государств своего времени.

История 12-ой династии в Египте закончилась катастрофой: вторжением гиксосов и порабощением страны иноземному владычеству. Однако сношения с Эгейей не были этим прерваны. В Кносском лабиринте найдена статуя, относящаяся к этой эпохе, и алебастровая крышка с именем царя гиксосов, Хиана. От той же эпохи найдены в Египте кинжалы местного изделия, но представляющие явное подражание эгейским: удержав свою привычную технику работы, египетские мастера точно воспроизвели художественные приемы эгейцев, в позах изображенных на кинжале животных и в характерном эгейском пейзаже. Такой кинжал был найден, например, в гробнице Аоготеп, матери Яхмоса (Амасиса) I, освободителя Египта от гиксосов. Но влияния были взаимны; на кинжале эгейской работы, той же эпохи, мы видим характерно египетский сюжет: диких кошек в заросли папирусов. Несколько позднее появляются на эгейских изделиях и другие чисто египетские мотивы: лилии, излюбленные египетскими мастерами, гиппопотамы, животные, обычные на Ниле, но не встречающиеся на Крите, фигуры сфинксов и т. п.[45].

По-видимому, около времени вторжения в Египет гиксосов, какая-то катастрофа произошла и на Крите; об этом свидетельствуют следы большого пожара в первом, раннем, Кносском дворце. Но в следующие века Кносский лабиринт был возобновлен и перестроен с новой роскошью. В Кноссе утверждаются могущественные миносы, и начинается быстрое возрастание морской державы Крита. Середина 2-го тысячелетия – время высшего расцвета «минойской» культуры.

На Крите, в эту эпоху, существовал целый ряд городов, ведших мировую торговлю. Раскопки[46] обнаруживают поселения, с кривыми, узкими улочками, с многоэтажными домами, беспорядочно лепящимися по склонам скал и холмов, но и с признаками городского благоустройства: улица и площади мощены, по ним устроены каменные желоба для стока воды, имеется водопровод, бани и т. п. Какую обширную торговлю вели такие города, можно судить по тому, что в одном из них (Закро) найдено 500 оттисков печатей, сделанных со 150 оригиналов, служивших торговыми марками, вроде наших пломб. Такого же типа городки открыты на соседних островах, где, следовательно, были колонии и фактории критян: на острове Меле (Мелосе), где у критян были каменоломни мрамора и обсидиана, на Кипре, который одно время, кажется, был в подчинении у миносов, и в других местах. В лабиринтах кипела та сложная и утонченная жизнь, которую мы пытались охарактеризовать. Эгейские изделия были ценны далеко за пределами родины, так что в Египте появились подражания им и подделки под них. Хозяева же лабиринта, со склонностью «баричей» ко всему «экзотическому», выписывали себе египетские изделия или заставляли местных мастеров подражать им. В то же время критская культура проникла в соседние страны и вполне подчинила себе родственные царства материковой Греции, как Микены, Тиринф, Орхомен, где ждали с Крита мод и новых идей, как в XVIII в. вся Европа ждала их из Парижа.

После изгнания гиксосов (около 1580 г.) сношения Египта с Эгейей становятся еще оживленнее, памятников чего особенно много от эпохи 18-ой династии (1580–1350 г.).

В это время усиливается ввоз в Египет эгейской керамики; от времен Тутмоса III (1501–1447 г.) дошли до нас, сделанные египетскими художниками, изображения критян и литературные свидетельства о них, как о народе, связанном с египтянами союзом; в Кноссе найден скарабей царицы Ти, супруги фараона Аменхотепа III (1411–1375 г.); наконец, дворец в Тель-эль-Амарне, построенный либеральным фараоном, религиозным реформатором, Эхнатоном (1375–1358 г.), был расписан эгейскими художниками, очевидно, призванными в

Египет с высоты трона. Могущественный Египет, разросшийся к этому времени в огромную империю и державший одно время в своем обладании значительную часть Передней Азии, смотрел на царство миноса, как на равную себе державу, и сносился с ним через официальные посольства. Добавим, что слава эгейских художников пережила и добрые отношения между двумя народами, самое существование Крита, как независимого государства. Эгейские вещи найдены в Египте, при раскопках в Гуробе, в слоях, относящихся к 20-ой династии (1200–1090 г.); полагают, что в Гуробе также была эгейская рабочая колония, так что фараоны продолжали приглашать эгейских мастеров уже после военных столкновений Египта с эгейцами и после падения лабиринтов, когда в Эгейе уже властвовали иноземцы, и эгейское искусство на родине доживало последние дни[47].

К этому периоду после гиксосов относятся первые письменные документальные данные, какие мы имеем об эгейцах, в египетских текстах. В более ранние века все земли вокруг Эгейского моря означались египтянами под названием «стран великого зеленого моря». Их жители назывались вообще «ха-небу» (ha-nebu), т. е. «северяне», и такое наименование равно применялось ко всем народам, жившим севернее центрального Египта, от Нильской Дельты до русской равнины, Скифии. Морская дорога вдоль берегов Сирии и Малой Азии называлась «кольцо», а путь до наиболее северных стран – «большое кольцо». Но в эпоху после гиксосов, при 18-ой династии, египтяне уже различали среди «северян» отдельные народности. Для означения критян, как жителей западной части северных стран, появилось отдельное слово «кефтиу», «кефтийцы» (keftiou), так как остров Крит стал называться «Кефти» (kefti, буквально, значит – «сзади»).

В гробнице Рекмара, о которой мы говорили раньше, изображены представители всех четырех стран света, приносящие дары фараону: коричневые и черные жители Востока, люди из Нунта (нынешняя страна Сомали); такого же цвета жители Юга, нубийцы; белые жители Севера, семиты из Азии; наконец, красные жители Запада, кефтийцы. Критяне на фреске приносят в дар фараону серебряные и золотые кольца, слитки металла, ожерелья, тазы, вазы. Надпись гласит: «Идут в мире князя кефтиу, склонив голову пред духом его величества, царя обоих Египтов, вечно живущего» и т. д. Изображенные на фреске типы критян и характерные эгейские вазы не оставляют сомнения в том, кто разумеется под «князьями кефтиу»[48].

Другой текст от той же эпохи сохранился на стеле Тутмоса III. Аммон-Ра говорит фараону:

«Я дал тебе разбить Западную страну: –

Кефтиу и Асеби (Азия?) – в ужасе, –

Дал им увидеть твоё величество, как юного быка

Твердого сердцем, рогатого и необоримого»[49].

Выражение «дал разбить» нельзя понимать буквально: у египтян не было военного флота, который мог бы нанести серьезный удар заморскому государству, и никакие другие памятники не указывают на политическую зависимость Крита от царства фараонов. Поэтому полагают (Бузольд, Эд. Мейер, Фармаковский), что подчинение Крита было номинальным, и дары, приносимые эгейцами, – не данью, а условленной платой за право торговли во владениях фараона. Дорожа торговыми сношениями с Египтом, миносы ежегодно отправляли к фараону посольство, вроде изображенного в гробницах Рекмара и его сына, с дарами из наиболее ценимых египтянами критских произведений, в том числе расписных ваз. Что такая плата продолжала поступать довольно долго, подтверждается, между прочим, обломком эгейской

вазы, на котором уцелел картуш фараона Тутмоса IV (1420–1411 г.) и надпись «ваза кефтиу». Изнеженные миносы, владыки «хозяев лабиринта», не склонны были утруждать себя ведением войны и предпочитали в мире наслаждаться всеми благами жизни, деньгами (т. е. «дарами») покупая благосклонность соседних государей.

Обстоятельства переменились, когда в эгейском мире преобладание получили северные континентальные царства. Произошло это в середине XIV в., при условиях, которые пока нельзя еще выяснить с какой-нибудь определенностью. Мы не знаем даже, были ли «микенцы» того же племени, как и «кефтийцы», т. е. критяне. Всего вероятнее, что континентальные царства были основаны при общем продвижении эгейцев на Эгейское побережье. Но возможно, что здесь пришлецы-эгейцы остались только высшим, правящим слоем населения и не были в силах ассимилировать себе население коренное, автохтонов. По крайней мере, по характеру дворцов в Микенах, Тиринфе, Орхомене должно предполагать, что правители не чувствовали себя здесь в полной безопасности, но скорей сознавали, что окружены элементами враждебными, против которых надобно принимать меры обороны. Эти дворцы, в сущности, – настоящие крепости. Так, например, в Тиринфе стены дворца сливаются с отвесными склонами у утеса, на котором поставлены; внутри стен проложены галереи; к дворцу имеется лишь один доступ, вводящий в изгибистый коридор, пересеченный в нескольких местах загородками (постоянными баррикадами); ворота, как и знаменитые «львиные», защищены башнями; во дворе устроен водопровод и цистерны для хранения воды и т. п. С другой стороны, на изображениях, открываемых при раскопках в континентальных царствах, попадаются лица греческого типа. Это также заставляет полагать, что из «эгейцев» осталась здесь лишь военная аристократия, а масса населения могла состоять из эллинских племен.

При всем сходстве культур «минойской» и «микенской», между ними замечаются и немаловажные различия. В континентальных поселениях, где процветала общая «эгейская» культура, строительство отличается характерными особенностями, чуждыми Криту. Центром каждого дома является постоянно упоминаемый у Гомера «мегарон» – обширный покой, зала, по середине с очагом, над которым отверстие для дыма, подпираемое четырьмя столбами-колоннами. В Трое весь дом ограничен таким мегароном с немногими, примыкающими к нему, комнатами. В континентальных царствах несколько мегаронов связываются в одно целое при помощи обходящих их коридоров. Так возникает нечто среднее между примитивным троянским домом и сложным критским лабиринтом. Подобно этому, троянская кладка из мелкого камня и кирпичей заменена в строениях континентальных царств той кладкой из огромных глыб, которую эллины позднее называли «киклопической». Во всем этом видно влияние критских мастеров, которые могли приезжать, может быть, и со своими рабочими, в родственные северные царства, как приезжали в Египет. При всем том в позднейшие периоды роскошь внутреннего убранства дворцов, в Микенах, Тиринфе и Орхомене, не только не уступала пышности лабиринтов, но прямо соперничала с нею.

Большие дворцы в Микенах и в Тиринфе возникли, по-видимому, во 2-ую эпоху позднеминойского периода, в XIV в. Судя по данным раскопок, то были великолепные строения, с пышными, богато разукрашенными фасадами, блиставшие золотом и слоновой костью. Орнаментированные сверху и внизу, колонны, с затейливыми капителями, стояли у входа; орнаментом были покрыты архитравы, фризы и карнизы; стены также были украшены розетками, и может быть, рельефным орнаментом (реставрация Шипье Микенского дворца). Внутри стены были расписаны фресками, частью тоже орнаментальными, частью представляющими целые картины; пол местами был мозаичный; потолок в некоторых комнатах лепной. Пол ванной комнаты в тиринфском дворце состоял из одного громадного монолита, площадью в 12 кв. метров, весом в несколько тысяч пудов (другой такой монолит, весом в 7 1/2 тысяч пудов, образует «притолку» Львиных ворот). Предметы, находимые во дворцах, также говорят о роскоши и богатстве. Среди этих вещей – много созданий высокохудожественных, принадлежащих к лучшим образцам «эгейского» искусства. Однако

неизвестно, являются ли они работой местных мастеров, соперничавших с критскими, или попали на север в виде военной добычи, может быть, после разграбления самих лабиринтов.

Последнее предположение потому вероятно, что северные царства, в противоположность державе миносов, выступают в истории с чертами политики агрессивной, воинственной: «микенцы», даже усвоив «минойскую» культуру, остались завоевателями[50]. С конца 18-ой династии в египетских текстах появляются известия о нападениях «народов великого зеленого моря». Наиболее древние из таких известий найдены в тель-эль-амарнской переписке (середина XIV в.); они повторяются в эпоху Рамсеса III (1198–1167 г.) и переходят в более новые времена. Историки среди имен, которые египтяне дают отдельным «морским народам», видят названия различных племен, игравших позднее роль в истории. Так,

лукки египтян, опустошавшие союзный с Египтом остров Алашия (Кипр), это, по мнению многих историков, – ликийцы, один из народов, усвоивших микенскую культуру;

сирдана (или

шардина), наемные воины того времени, своего рода ландскнехты XIV в. до Р. Х., это – сардинцы;

денуна – данаи;

чаккара – тевкры;

акаиуша – ахеи;

февана – ионийцы;

пуласата – пеласги, а по другому толкованию – филистимляне;

туруша – тирренцы или специально – этруски. Если догадки историков справедливы, надобно предположить, что «микенцы» принимали участие в этих морских набегах, частью как союзники других племен, частью как их руководители. Но буйная рать, сначала послушно шедшая за теми, кто ее вел за добычей, кончила тем, что возмутилась против своих вождей и обратила оружие на них самих. При содействии наемных воинов и племен, привлеченных надеждой на удачные грабежи, микенцы сокрушили царство миносов и нанесли ряд беспорядочных ударов Египту, но потом сами стали жертвой тех грозных сил, которыми думали воспользоваться[51].

Лабиринты в Кноссе и Фесте подверглись нападению, были сожжены и ограблены, приблизительно, в середине XIV в. После того, в течение еще полутора столетия, мы видим расцвет эгейской культуры в континентальных царствах. В Кноссе, по-видимому, сидел наместник одного из северных царей, потому что Крит еще продолжал в эту пору свои сношения с Египтом, и работа критских мастеров продолжалась еще довольно интенсивно. Но в конце XIII в. следует новый удар, новая волна завоевателей. На этот раз критские царства гибнут бесповоротно; всякая Жизнь на месте древних лабиринтов замирает совершенно. Завоеватели-варвары, разграбив дворцы, унеся из них все, что им могло понравиться, по своему блеску или по своей причудливости, не захотели поселиться в гигантских лабиринтах. Вероятно, самые размеры фантастического строения пугали полудиких победителей, привыкших к скромным мазанкам и походным шалашам. Как позднее вандалы раскидывали палатки подле мраморных дворцов Рима и в пышных покоях Палатина, так воины «морских народов», еще дикие эллинские племена, родоначальники будущих Праксителей и Периклов, робко поблуждав по бесконечным переходам, залам и террасам лабиринта, спешили выбраться на вольный воздух, чтобы спокойно заснуть под шатром из воловьих шкур. Никто не хотел селиться в запутанности опустошенного лабиринта; может быть, вскоре стали бояться даже входить в него, сложили рассказы о привидениях, бродящих

по полуобгорелым залам, признали это место «нечистым». Постепенно огромные земляные холмы выросли на месте прежних лабиринтов, оберегая для любознательности грядущих веков остатки орнаментов и фресок и разные предметы, когда-то принадлежавшие миносам и случайно не захваченные грабителями, сгибавшимися под тяжестью доставшейся им невероятной добычи...

Некоторые дворцы на континенте, напротив, пережили этот удар. Меньшие по размерам, построенные по более привычному плану, они, кажется, были использованы вождями завоевателей, превратившими их в свои резиденции. Но, разумеется, уцелели только стены, а весь обиход жизни должен был измениться. Впрочем, в самые последние годы микенской истории во всей микенской культуре замечается быстрый регресс, очевидно, под влиянием наплыва менее культурных элементов, смешивавшихся с населением микенских царств. Между этой регрессирующей микенской культурой и культурой архаической Эллады пропасть оказывается уже гораздо менее глубокой. Если для Крита завоевание конца XIII в. было смертельным ударом, то для континентальной Греции то был более или менее постепенный переход от одних форм жизни к новым. Там Эллада явилась естественной наследницей эгейцев. И дальнейшие известия об эгейцах приходится искать уже в смутных воспоминаниях эллинов об их «седой старине».

Хотя и в неопределенных очертаниях, эллины все же сохранили память о героической эпохе своего завоевательного движения на Эгейю. Так греки помнили, что древнейшее население их страны было не эллинское, называя, как автохтонов, на материке – пеласгов, на островах – каров. Помнили греки о былом величии Микен, Тиринфа и Орхомена. Замок Тиринфа Павсаний считал постройкой ликийских киклопов; «Львиные ворота», уцелевшие в Микенах, также почитались работой киклопов. Купольные могилы Микен и Орхомена (что ныне называются «сокровищницей Атреев» и «Минин») тот же Павсаний признавал чудом света. Платон сохранил рассказы об эгейском городе в Аттике, на месте будущих Афин. Платон же называет легендарного критского Миноса (по мифу, – брат Радаманта, оба – сыновья Зевса и Европы) – «праведнейшим» и «самым царственным» среди царей, причем знает о могуществе Миноса на море, т. е. о морской державе Крита.

Эллинские мифы, под поэтической формой, также таят зерна исторической истины. Согласно с преданием, с Крита перешли в Элладу многие культы: Зевса, Хроноса и Реи – в Олимпию; Деметры – в Элевсин; Эпименида – в Афины; Аполлона – в Дельфы. Основатель Микен, Персей, по мифу, явился с островов. Греки рассказывали, что их музыка (орхестрика) также пришла к ним с Крита. Особенно много сохранилось воспоминаний в мифе о Минотавре и связанных с ним мифах о Дедале, Пасифае, Тесее, Эгее, Ариадне и др. Злой, свирепый, несправедливый тиран критский Минос, в мифе, – олицетворение Крита, господствовавшего над Грецией; Минотавр, полубык – воспоминание о религиозных культах Эгейи; поездка Тесея к Миносу, давшая содержание оде Бакхилида, – символическое изображение исторического факта: освобождения Аттики от вассальных отношений к Криту, и т. п. [52].

Но, конечно, наиболее ярким рассказом остаются сказания о Троянской войне и связанные с ними. Трагики, черпая из них сюжеты своих драм, всего охотнее переносили место действия в Микены, которые представлялись озаренными особым величием и блеском. Недаром постоянным эпитетом Микен было – «золотые». В народном представлении Микены, времен Агамемнона, пастыря народов, были средоточием роскоши и богатства, уже недоступных позднейшей Элладе, стране «бедной», по признанию самих эллинов. В таком же освещении представлены древние царства и у Гомера. Троя и дворец Приама изображены как недостижимый образец пышности. В противоречии с другими мифами и с прямыми утверждениями отдельных стихов, дающих Трое очень небольшую древность, поэмы Гомера постоянно говорят о троянском царстве, как об чем-то уже дряхлом, связанном с глубиной веков и, как пророчество о бренности всего земного, даже того, что кажется предназначенным для бесконечной жизни, звучат слова Гектора:

– Будет некогда день и погибнет высокая Троя...

Троянская война – последний эпизод из долгой борьбы эллинских племен с эгейским миром. Троянское царство было последним оплотом погибающей Эгейи. В Трое еще догорали светлые лучи эгейской культуры, когда они уже погасли и на Крите, и в древних замках Микен и Тиринфа. Полчища Агамемнона, на утлых ладьях пересекшие воды Архипелага, яростно стремились сломить последнюю твердыню векового, наследственного врага. Эллинам необходимо было до конца истребить древнюю цивилизацию эгейцев, чтобы расчистить место для своего национального творчества. Что эгейская жизнь замерла не сразу, доказывается приглашением эгейских мастеров к египетскому двору еще в XI веке; Троя оставалась, как постоянная угроза, как живое средоточие, вокруг которого могли вновь объединиться побежденные микенцы. Эллина (может быть, бессознательно) чувствовали это и напрягли все силы своего народа, чтобы сокрушить царство Приама. Таков исторический смысл похода Агамемнона, объединившего почти все эллинские племена для общегреческого дела. Вероятно, известие о десяти годах осады – мифично, но борьба должна была длиться долго и быть ожесточенной, так как троянцы не могли надеяться на милость победителей. Быть может, есть доля исторической истины и в преданиях о помощи, которую троянцы получали от других народов. В странах, издревле связанных с эгейским миром разнообразнейшими отношениями, частью принявших эгейскую культуру, должны были смотреть на оборону Трои, как на дело не вполне чужое. Эллина, недавние пришлецы, вторгшиеся в земли древней культуры, должны были казаться опасными завоевателями всем членам «древне-восточной» семьи народов. Даже в отдаленном Египте, политики и жрецы, в тиши тысячелетних храмов и в пышности новых дворцов, следили, вероятно, с тревогой за успехами молодого народа, уничтожившего дружественные эгейские царства. И не звучит ли отголосок этой тревоги в предании об том, что Елена, похищенная Парисом, была укрыта в Египте?

Но судьба эгейцев на земле была предрешена всем ходом истории. Троя пала, как пали ранее критские лабиринты, эгейские Микены, дворцы в Тиринфе, Орхомене (на Ифаке)... Агамемнон, Менелай, Одиссей и другие союзные цари повезли с собой на родину богатую военную добычу, – сокровища, накопленные в священном Илионе веками культурной жизни. По дворцам греческих властителей и по домам вернувшихся из долгого похода воинов разлился новый поток эгейских изделий, смешавшись со всем тем, что ранее было награблено на Крите и в микенских царствах. Эти изделия должны были послужить образцами для рождавшегося эллинского искусства. В то же время от эгейцев, частью обращенных в рабство, частью влившихся в состав различных греческих племен, должны были эллина узнать элементарные начала эгейской мудрости, – религиозных воззрений, научных познаний и технических навыков древней Эгейи. Архаическое искусство Греции теснейшим образом примыкает к последнему, упадочному периоду искусства эгейского. Культура эгейцев, хотя и в новых формах, смешавшись с влияниями других стран, прежде всего Египта, и с национальными эллинскими началами, должна была возродиться в культуре античного мира.

6. Эгейя и Египет

Общение между Эгейей и Египтом происходило не только в области торгового обмена, деловых и дипломатических сношений и военных столкновений: между двумя великими

цивилизациями древнейшего мира, несомненно, существовало и оживленное взаимодействие в области идей. Два народа, эгейцы (для краткости мы называем так народы, воспринявшие эгейскую культуру) и египтяне, передавали один другому свои религиозные воззрения, обменивались научными познаниями, подражали в художественных созданиях, заимствовали приемы техники и ремесл. В настоящее время накоплено уже большое количество фактов, свидетельствующих, что существовал целый ряд замечательных аналогий между культурами Египта и эгейской: в религиозных культах, в представлениях о мире, в искусстве, в самом быте, при всей огромной разнице между «восточным», семитическим Египтом и «западной», арийской Эгейей. Зная постоянные, многовековые сношения эгейцев с египтянами, это можно было предвидеть а priori, но некоторые факты наводят на совершенно новые, частью неожиданные соображения.

Художники двух стран, как мы отмечали, подражали одни другим: то эгейские мастера старались повторить египетские изделия, то египтяне подделывались под эгейский стиль. На эгейских вазах мы находим любимейшие мотивы египтян: диких кошек, лилии, гиппопотамов, сфинксов. У египтян мы видим подделки микенских кинжалов, воспроизведение характерного критского пейзажа, повторение эгейского растительного орнамента; может быть, у эгейцев заимствовали египтяне, в орнаменте, также спираль[53] и свастику (крест с загнутыми концами). Архитектура лабиринтов представляет сходные черты с архитектурой египетских дворцов; эллинские предания определенно говорят о двух лабиринтах: египетском и критском. В технике строительства эгейцы, как египтяне, широко применяли так называемый «ложный свод»[54]. Наконец, и египетские пирамиды имеют свою аналогию в эгейских «купольных могилах». Во всех областях искусства, доступных нашему исследованию, эгейцы и египтяне сближались между собой и наперерыв спешили усвоить себе новые завоевания и успехи соседа.

Однако самые замечательные аналогии между мирами Египта и Эгейи относятся к области религиозных верований, к тому культу умерших, который первый приходит на память при одном упоминании о стране фараонов. Что такое Египет в обычном представлении? Это – пирамиды, это – мумии, это – религия смерти, книга мертвых, полагаемая на грудь покойнику, Осирис, судящий в подземном мире, посмертный суд над фараоном, именование кладбища «градом живых». У Гоголя – «говорит Египет: народы, слушайте, я один постиг и проник тайну жизни и тайну человека. Все тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, еще жальче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком! Все пожирает смерть, все живет для смерти!» Не все в этом популярном воззрении вполне соответствует исторической истине, и наука вносит немало коррективов в рассказы античных историков и старых учебников, но есть и много правды в таком понимании египетского мировоззрения. Вопрос о смерти занимал на первом месте египетскую религиозную мысль, и заботы о сохранении тела после смерти заполняли значительную часть жизни в Египте. Хотя и с меньшим упорством, но в том же направлении устремлялась и религиозная мысль эгейцев: и перед ними неотступно стоял вопрос, как сберечь свое смертное тело от тлена, как уготовить покойному такую могилу, в которой он лежал бы, не тревожимый века веков.

Эгейские гробницы по размерам и прочности приближаются к египетским пирамидам, и в эгейских погребениях находят если не настоящие мумии, то тщательно бальзамированные тела покойников, окруженные всевозможными предметами домашнего обихода. Разумеется, это относится к погребениям людей знатных и богатых, но то же самое должно сказать и об Египте, где могилы простолюдинов и их мумии привлекали безмерно меньше внимания, нежели похороны фараонов. Поэтому самые замечательные и вместе с тем самые характерные гробницы Эгейи – те, где сохранились, по-видимому, тела царей, а среди них – так называемые «купольные гробницы». На Крите такие могилы открыты только в их зачаточном виде; полное их развитие мы находим в микенский период, на материке Греции: около самых Микен, в Орхомене, в Аттике, в Фессалии, в Лаконии (близ Вафио). Самая грандиозная и притом наилучше сохранившаяся купольная гробница получила ошибочное

название «Сокровищницы Атрея», данное ей первыми исследователями и удержавшееся позднее.

Находится она неподалеку от Микен, около городской крепостицы. Подобно большинству таких погребений, эта гробница выложена в толще холма, и частью высечена в скале, что также напоминает Египет, где, в позднейшую эпоху, гробницы высекались в скалах (в так называемой «долине царских гробниц»). Размеры «Сокровищницы Атрея» – исключительны, богатство ее убранства превосходит все другие памятники этого рода, по крайней мере из числа донныне открытых: но, по своему устройству, особенностям каменной кладки, расположению помещений, по характеру положенных в гробницу предметов, – она является типичным образцом такого рода сооружений.

«Сокровищница Атрея», как и все купольные эгейские гробницы, разделяется на три главные части, получившие греческие названия: во-первых,

дром (или дромос) – ход, коридор, прорезанный в толще холма; во-вторых,

фол (или фолос) – самое купольное помещение; и, в третьих, маленькая погребальная камера, которая в «Сокровищнице Атрея» высечена в самой скале. Из дрома в фол, т. е. из коридора в купольный зал вели великолепные двери; по их сторонам стояли две колонны, расширяющиеся кверху и облицованные медью, в виде орнамента фестонами; самые двери были также облицованы медью и пышно разукрашены; сверху над дверями был ряд орнаментальных розеток. Перекладина дверей состояла из одного колоссального камня весом больше 7000 пудов (около 120 000 килограммов); над этой перекладкой был фронтон, из разноцветных камней, в который входил равнобедренный треугольник, может быть, заполненный рельефом. В целом эти двери или врата представляли нечто торжественное и роскошное: такой вход должен был вести если не во дворец живого властелина, то во дворец царя почившего, но и по смерти чтимого, как незримый, таинственно пребывающий владыка.

Соответственно с роскошью входа, великолепен был и купольный зал, – как бы тронный зал царя, почивающего рядом, в своей погребальной камере, но могущего выйти, как, бывало, выходил он к приближенным из своей опочивальни. Построен фол из огромных тесаных каменных глыб, техникой ложного свода: концентрические круги каменной кладки последовательно уменьшались кверху, причем каждый новый ряд камней несколько выдавался над предыдущим, низшим. Неровности были затем подтесаны по циркулю, так что получился совершенно гладкий свод, в форме эллипсоида, яйцевидный. По стене, на уровне выше человеческого роста, шли две широких полосы рельефных украшений. Выше их весь свод был украшен концентрическими кругами золотых розеток. Современный человек, попав в «Сокровищницу Атрея», когда она еще не была разграблена и разрушена, скорее всего вообразил бы себя стоящим в каком-то величественном однокупольном соборе, вспомнил бы купол св. Петра, парижского или римского Пантеона... Фол не имел окон, но тем поразительнее было, вероятно, производимое им впечатление при блеске факелов, свет которых сверкал на золоте бесчисленных розеток, но не мог озарить огромности всего купола, так что высь его оставалась во мгле...

Третью часть «Сокровищницы» составляла маленькая погребальная камера. Там лежали тела покойников, удостоившихся погребения в этой торжественной усыпальнице. Тела были набальзамированы, облачены в богатые, царские одеяния, в драгоценных нагрудниках, с браслетами и перстнями на руках; на лица были возложены золотые, портретные маски, – аналогия с египетскими портретными покровами на мумиях. Около бальзамированных тел были разложены разнообразнейшие предметы, как домашнего обихода, так и имевшие символическое значение. Здесь были великолепные кинжалы, покрытые тонкой инкрустацией, – те самые, которые так ценились любителями в Египте; прославленные эгейские вазы; разная утварь, золотая и серебряная; статуэтки богов, изображения храма; натуральное страусовое яйцо; наконец, огромное количество золота в кусках. Это обилие

золота, оправдывающее древнее название «Золотые Микены», и дало повод первым исследователям назвать гробницу близ Микен – «Сокровищницей Атрея», – ошибка крайне характерная: усыпальница была принята за место хранения царских богатств, могилу сочли государственной сокровищницей[55].

Создание «Сокровищницы Атрея» потребовало, конечно, огромного напряжения сил всей страны, сходного с тем, какое было вызвано построением больших пирамид в Египте. Должно было составить первоначально план всего сооружения; затем заготовить материал, – громадное количество камня, из которого были вытесаны отдельные плиты; для перевозки и переноски этих плит, для поднятия на высоту некоторых монолитов, исключительной тяжести, требовался труд тысяч рабочих и наличие особых машин; далее следовали работы землекопов, каменщиков, металлистов и т. п. Целая армия ученых мастеров и чернорабочих должна была долгое время, вероятно, несколько лет, трудиться над сооружением «Сокровищницы»: чертить планы, рассчитывать, делать математические выкладки, выламывать камни, прокладывать для их доставки новые дороги, тесать, складывать, ковать, стругать, штукатурить, красить, – пока, наконец, не было воздвигнуто это чудо сепулькральной архитектуры. «Сокровищница Атрея» еще раз свидетельствует об обширных познаниях эгейцев в математике и механике, об организованности их жизни, об неисчерпаемых силах, которые были в распоряжении их повелителей... Между тем «Сокровищница Атрея», как уже было сказано, не единственное сооружение в таком роде; другие купольные гробницы разбросаны по другим местностям Греции, причем некоторые из этих сооружений также огромны и пышно убраны. А какое количество гробниц должно было погибнуть в тех бурях, которые за 30 веков, прошедших с падения Эгейского мира, потрясли области Эллады: сколько могильников было разграблено, разрушено, занесено землей или просто еще не разыскано!

Все это позволяет провести почти полную аналогию между основными началами религии египтян и эгейцев. Только «культом смерти», подобным египетскому, можно объяснить деятельность эгейцев в построении их купольных могил. Возведение гробниц, вроде «Сокровищницы Атрея», требовало огромной затраты энергии и материальных средств: лучшие художники страны и толпы рабочих трудились над постройкой здания, которое, по окончании, навсегда закрывалось от взоров всех живых; драгоценнейшие вещи и целые богатства хоронились под землей, только затем, чтобы тело покойного царя было окружено роскошью, к которой он привык при жизни. С нашей современной точки зрения представляется неизмеримое несоответствие между целью, назначением сооружения, и средством, трудом, на нее затраченным. Необходимо было, чтобы народные верования, национальная религия, придавали исключительное значение как судьбе мертвого тела, так, вообще, вопросам посмертного существования, чтобы такие сооружения были возможны. Цари, тратившие свои сокровища и употреблявшие свой авторитет на постройку гигантских гробниц, да и самые мастера, работавшие над ними, должны были верить, что совершают нечто особо важное, служат священной цели, выполняют некую религиозную обязанность: иначе никакая власть царя не могла бы населить долины Греции этими таинственными куполами, в которых, замураванными, лежали груды золота и драгоценностей.

В Эгейе, как и в Египте, должен был существовать

культ посмертной жизни. Эгейские купольные гробницы являются полной аналогией египетских пирамид. Как пирамиды, купольные гробницы служат местом, где покоится набальзамированное тело покойного царя. Как пирамиды, эти гробницы требовали огромного труда для своего сооружения. Как в пирамиде, так в эгейской гробнице, вокруг покойного, клались драгоценности, вещи домашнего обихода и символические изображения. Наконец, есть много сходства и во внешности пирамид и купольных гробниц. Те и другие, имея широкое основание, суживаются кверху, по мере приближения к небу; те и другие сложены из больших каменных плит; те и другие имеют узкий входной коридор, маленькую комнатку, служащую собственно местом погребения, и более обширное помещение перед ней. В

купольных гробницах есть еще как бы линейное отображение пирамиды: тот равнобедренный треугольник, который входил, как существенная часть, в орнамент фронтона над дверями в фол, в купольную залу. Известно, что многим другим народам, не исключая диких, свойственно заботиться о сохранении мертвого тела и окружать покойника вещами, привычными для него при жизни, но у египтян и у эгейцев эти заботы достигали размеров исключительных: в Эгее и в Египте «культ смерти» вырос в основное религиозное убеждение, господствующее над всеми другими.

Однако аналогии в религиозных верованиях египтян и эгейцев далеко не ограничиваются одним только этим «культом смерти». Как ни скудны наши познания и представления о религии эгейцев, мы уже можем отметить целый ряд сходств в их верованиях и в их религиозных обрядах с тем, что мы знаем о религии, или, лучше сказать, о религиях Египта. Одной из замечательнейших параллелей является то особое значение, какое придавалось в Эгее, как и в Египте, образу

быка. Известно, что этот образ занимал видное место в религиозных представлениях египтян, разных эпох их истории. Бык для египтян, как и почти для всего Древнего Востока, был символом силы и могущества. В халдоассирском искусстве, например, одно из первенствующих мест занимают изображения крылатого быка. В египетских гимнах фараон весьма часто уподобляется быку: «царь был как бык, мощный, рогатый, необоримый», пели египтяне. Греческий историк, Диодор (1,62), свидетельствует, что при некоторых религиозных обрядах фараоны надевали маску быка (как, впрочем, в других случаях, маски льва, змеи и прочих). В более поздние эпохи истории, в Египте широко распространился культ

аписа, особенного быка, с характерными, установленными священным преданием, признаками; аписы именовались «сыны жизни», почитались сыновьями Осириса, при жизни им воздавались божеские почести, по смерти тело их бальзамировалось «в доме чистоты» и т. п. Такой культ не мог бы возникнуть, а тем более утвердиться, если бы не основывался на издревле шедшем почитании

быка, как священного животного. Палермская надпись (один из важнейших египетских документов) упоминает сакральный[56]

бег аписа; о том же говорит Плиний (N. H., VIII[57]); такой «бег», как мы сейчас увидим, особенно близко подходит к религиозным обрядам эгейского мира. Вообще же можно считать установленным, что египтяне почитали быка не меньше, а, может быть, больше, чем других своих «священных животных» (кошек, ихневмонов, ибисов, ястребов, в отдельных местностях еще – крокодилов, бегемотов, собак, выдр, угрей и т. п.). На Крите, в эпоху минойской культуры, культ

быка был едва ли не господствующим, как бы государственной религией страны. В воспоминаниях эллинов образ быка теснейшим образом сочетался с Критом, в легенде о минотавре и других, связанных с ней. Согласно с мифом, жена критского тирана Миноса, Пасифая, воспламенилась преступной любовью к быку; греческий искусник Дедал построил особую деревянную корову, что дало возможность царице насытить свою противоестественную страсть; плодом такого союза явилось чудовище, полубык, получеловек, Минотавр; тогда Минос приказал тому же Дедалу построить дворец-лабиринт, в котором и был скрыт быкообразный царевич... К этому примыкали рассказы о дани, которую платили Миносу афиняне, о поездке Тесея, об Ариадне, о побеге Дедала, с сыном Икаром, на восковых крыльях с Крита и т. п. Во всех этих мифах можно открыть зерна исторической правды. Эллины могли изобразить критского царевича полубыком, а его отцом считать быка – потому что критские миносы сами именовали себя (как египетские фараоны) «мощным быком».

Бык был национальным богом критского царства[58], и, вероятно, критские предания

рассказывали, что первоначально над Критом царствовал сам бог, т. е. – бык. Минос был постоянным земным воплощением божества,

небесного быка; супругой бога должна была быть

небесная корова, отголоском чего остается, в эллинском мифе, имя Пасифая (Pasiphae), что значит «всесияющая», – образ звездного неба. И, в полном согласии с этими предположениями, над главным входом в Кносский лабиринт стояло именно изображение быка, – верховного бога страны, покровителя царства и предка царствующего государя[59].

Изображение быка весьма часто встречается в Эгейском искусстве: на фресках, на геммах, на вазах и т. д. Среди этих изображений (иногда просто жанровых, как на кубке из Вафио, или орнаментальных) заслуживают особого внимания те, которые служат как бы иллюстрацией к упомянутому Палермской надписью «бегу аписа» и вскрывают перед нами целую область эгейских верований и жизни на Крите. Это – картины (фресковые), рисунки и чеканные изображения, представляющие некую религиозную церемонию, с участием в ней быка. Долгое время исследователи хотели видеть в этих картинах – сцены, взятые с арены цирка, но теперь уже трудно оспаривать сакральный характер представленного на этих изображениях. Так, на одной фреске в Тиринфском дворце, мы видим бегущего быка, на спине которого сидит женщина[60], на вазе, найденной в Агия-Триаде, также изображен скачущий бык с человеческой фигурой на рогах; на фреске в Кносском лабиринте – скачущий бык, через которого прыгает мужчина, а рядом стоит женщина, готовая сделать такой же прыжок, сходные изображения – на фресках в Орхомене, на геммах, на особых пластинках, фарфоровых и золотых[61]. Многочисленность таких изображений и серьезное отношение к ним художников исключает мысль, что здесь представлены забавные упражнения акробатов на арене; трудно принять эти картины и за охотничьи сцены, так как вряд ли на быков охотились на Крите, да и нет надобности, при охоте, прыгать через быка и садиться ему на спину. Все заставляет думать, что на Крите существовал религиозный обряд, при исполнении которого священнослужители (иеродулы) должны были перепрыгивать через свободно бегущего быка, который символизировал собою божество. Быть может, этот обряд был пережитком человеческих жертвоприношений.

Первоначально обожествляемому быку приносились в жертву, отдавались во власть люди (пленные враги или рабы, или особообреченные); с течением времени, вероятно, целых столетий, это жертвоприношение перешло в символический обряд, который еще позднее выродился в цирковое зрелище. Такая эволюция вполне в духе всей истории минойской культуры, в которой мы видим постепенное исчезновение всего не только жестокого и сурового, но даже просто мужественного, в том числе войны, замененной откупом, и охоты, превращенной в безопасные *parties de plaisir*.

Критяне позднейших эпох, хозяева лабиринта, любили присутствовать на древнем религиозном обряде «бега с быком», сакральное значение которого было утрачено и который представлял просто интересное зрелище. Специально обученные жрецы и жрицы, бегуны и прыгуны, на арене театра, в лабиринте, ловко увертывались от разъяренного быка, прыгали ему на спину, или перепрыгивали через него, вызывая восхищение блазированных[62] зрителей. Разумеется, в этой потехе оставалась доля настоящей опасности, и могли быть случаи, когда животное поднимало на рога замешкавшегося иеродула. Но такая возможность должна была только придавать своеобразное очарование всему зрелищу, как именно она придает острый интерес и любимейшей потехе современной Испании: «бою быков». На Крите «скачки с быками» были таким же «национальным» зрелищем, как «бои быков» в Испании, и эгейские художники с таким же усердием запечатлели в своих созданиях любимейшее национальное развлечение, с каким «бои быков» запечатлены на бесчисленных полотнах, гравюрах и офортах знаменитейших испанских мастеров.

Пережитки быкопочитания можно проследить и в исторической Элладе. По свидетельству

Аристотеля (Афинская полития), в Афинах существовал религиозный обряд, совершавшийся ежегодно и состоявший в том, что жена царя-жреца сочеталась браком с Дионисом в

бычьим стойле (boukoleion). Такой обряд может быть объяснен лишь тем, что Дионис символизировался быком[63]. Можно думать, что это почитание быка, как бога, перешло к эллинам от эгейцев. Возможно, что то же самое влияние сказало в мифе о Европе, в котором в образе быка является высший из богов Зевс, и в мифе о Ио, превращенной в телицу. Все это – отголоски древнейшего быкопочитания.

Из других аналогий в религиозных верованиях египтян и эгейцев следует отметить существование в Египте и на Крите «могил богов». Возникновение в разных странах этого понятия, казалось бы, по своему внутреннему строению, противоречивого, вряд ли можно объяснить простым совпадением. Между тем, как в Египте, по свидетельству Плутарха (De Osir.), существовала чтимая «Могила Осириса», так на Крите, в позднейшее время, показывали «Могилу Зевса»; вместе с тем, и в Египте и на Крите продолжали мыслить и Осириса и Зевса – вечно живущими, бессмертными богами. Надо добавить, что в исторической Греции насчитывался целый ряд таких «могил богов»: Диониса – то в Дельфах, то в Фивах, Кроноса – то в Сицилии, то на Кавказе, Кереры, Асклепия, Герма, Арея, Посейдона, Гелия, Селены, Урана и др.![64] Египетский культ богов совпадал с культом мертвых: египтяне чтили убитого и погребенного Осириса; понятия

бог и

мертвец для египтян не исключали друг друга. Не так ли было и для минойцев, чтивших на Крите некую могилу, которую позднейшие эллины признали могилой Зевса? И не сказало ли такое понимание божественного в позднейших верованиях эллинов, искавших по всему свету, от Сицилии до Кавказа, могил, где погребены бессмертные боги?

Новейшие исследования: Ренана, Вилламовица, Фрэзера и др., установили вообще ряд аналогий между религиозными воззрениями египтян и эллинскими культами. Поскольку мы можем искать в верованиях Эллады отзвуки эгейского мира, постольку эти аналогии могут подтверждать мнение об общности религиозных идей Египта и Эгейи. Но, как бы ни решался этот вопрос в подробностях, несомненным остается основной вывод: что существовало глубокое сходство, в отдельных частях – полное совпадение, в религии двух древнейших культурных миров: Египта и Эгейи. Косвенным подтверждением этому служит рисунок на одной фарфоровой пластинке, найденной на Крите. На рисунке изображено совершение какого-то религиозного обряда. Толпятся эгейские юноши, в характерных завитых локонах; в центре – эгейские жрецы, в белых одеяниях, приносят жертву, а в самой середине стоит жрец-египтянин, национальность которого легко узнать по семитическим чертам лица, тщательно переданным художником, и по египетскому одеянию[65]. Принимать участие в эгейском религиозном обряде египетский жрец мог лишь в том случае, если священнослужители обоих народов сознавали, что они служат и молятся одним и тем же богам. Ведь немыслимо было бы, например, чтобы католические патеры стали служить обедню под председательством буддийского жреца, или чтобы магометанские муллы пригласили в мечеть, руководить ими, японских бонз!

Чем же, однако, должно объяснять этот факт: единства религиозных воззрений Египта и Эгейи? Был период, когда историки, впервые ознакомившись с существованием ряда аналогий между Египтом и эгейским миром, спешили сделать из этого тот вывод, что эгейская культура есть только сколок с египетской. Считали, подтверждая это ссылками на ряд отмеченных нами аналогий, что эгейская культура выросла и развивалась под всеобъемлющим влиянием египетской. В эгейской культуре видели не самостоятельное историческое явление, а только видоизменение культуры египетской, подвергшейся различным местным и временным влияниям на почве Крита и Греции. Такое суждение легко объясняется тем, что история Египта была издавна известна европейским ученым и, более

или менее, исследована, а Эгейя являлась чем-то совершенно новым, неожиданным, путала все прежние исторические концепции. Человеческой мысли, даже и научной, свойственна некоторая инерция: прежде чем двинуться по новому пути, она всегда делает попытку остаться на старых позициях. Так и историки пытались первоначально остаться при старых представлениях о центральной роли египетской культуры в древнейшие периоды цивилизации, не вводя в свою концепцию мировой эволюции совершенно нового начала, равноправного Египту: эгейского мира. Однако такая точка зрения, в настоящее время, должна считаться окончательно отвергнутой, и ныне число ее защитников уже крайне ограничено. Признавая факты глубоких аналогий между Египтом и Эгейей, приходится решительно отказаться от объяснения этих фактов

влиянием Египта на Эгейю.

В самом деле, в отношении внешнего обмена произведениями искусства и ремесел, противоположные категории фактов, как мы видели, уравнивают друг друга. Находят, приблизительно, столько же египетских вещей, привезенных в эгейские поселения, сколько эгейских в Египте. Подражания эгейских художников и мастеров египетским также «балансируются» египетскими подражаниями эгейским изделиям. Если в приемах строительства в эгейских дворцах можно усмотреть египетское влияние, то, с другой стороны, эгейские мастера вызывались в Египет, чтобы строить дворцы фараонам. Остаются лишь факты аналогии между религиозными верованиями и представлениями египтян и эгейцев. Однако столько же причин объяснять эти аналогии влиянием Египта на Эгейю, сколько наоборот – эгейцев на египтян. Если бы с Эгейей европейские ученые познакомились раньше, нежели с Египтом, весьма возможно, что нашлись бы историки, которые объявили бы весь Древний Египет простой колонией эгейцев!

И в Египте, и в Эгейе мы нашли, говоря кратко, «культ смерти»; и там и здесь – особое почитание быка; и там и здесь – могилы богов; и египтяне и эгейцы строили гигантские, прочные усыпальницы для бальзамированных тел, – пирамиды и купольные гробницы. Спрашивается: встал ли один из двух народов первым на эти пути и затем повлек за собою своего соседа, подчинив его своему влиянию, или оба народа, египтяне и эгейцы (народы эгейской культуры), самостоятельно выработали аналогичные религиозные воззрения, а потом заимствовали один у другого лишь детали обрядов и верований? Имеем ли мы дело с единым стеблем, давшим веточку в сторону, или с двумя параллельными стеблями, может быть вырастающими, однако, из одного корня?

Аналогии в религии Египта и Эгейи столь же хорошо объясняются

общностью происхождения, как и заимствованиями: почему же верить скорее во влияние Египта на Эгейю, а не в общее влияние, и на Эгейю, и на Египет, какого-то третьего источника? Поставленные так, обе гипотезы – равноправны, но за вторую говорят некоторые соображения, позволяющие не только в нее «верить», но и принимать ее с известной степенью научной

достоверности.

Должно обратить внимание на то, что аналогии между Египтом и Эгейей становятся все более глубокими, чем выше мы поднимаемся по лестнице

идейных проявлений жизни. В ремеслах и технике аналогии брезжат слабым светом, в искусстве – разгораются ясным днем; в религиозных воззрениях ослепляют, как неожиданный поток огнистых лучей. Между тем религия – всегда «святая святых» народа, куда труднее всего проникает чужеземное. Даже малокультурные племена, принимая чужую цивилизацию, решительнее всего обороняют свои верования, «веру отцов и дедов». Нужны были исключительные исторические условия для быстрого торжества ислама, а христианство,

например, встречало упорное сопротивление там, где легко воспринималась культура носителей христианства. Допустить, что черты сходства в религиозных верованиях эгейцев и египтян являются результатом заимствования, значило бы – признать всеобъемлющее влияние Египта на Эгейю. Это значило бы допустить, что, при первом столкновении с Египтом, эгейцы стояли на самой низкой ступени развития, что им в области родной религии защищать было нечего. Древнейших эгейцев, в таком случае, должно представлять примитивными варварами, без разбора усваивающими себе все, что предлагает более сильный, более развитой сосед.

Мы знаем, что древнейшую Эгейю никак нельзя представлять себе стоящей столь низко; мы знаем, что, придя в соприкосновение с Египтом, эгейцы не только сохранили полную самостоятельность во многих областях культурной жизни, но весьма скоро и сами начали оказывать заметное влияние на египтян. Следовательно, эгейцы были в силах сопротивляться иноземному воздействию, и было бы совершенно непонятно, если бы эта сила сопротивления изменила им как раз в самом существенном: в защите родной, национальной религии! Сохранив самобытность в художественном творчестве, удержав самостоятельно выработанные формы общежития, оставшись верными обычаям родной старины в одежде, в обиходе жизни, как могли эгейцы легкомысленно и поспешно отречься от всего, во что веровали предки, забыть родные святыни и покорно принять представления о богах и загробном бытии, идущие от другого народа? То был бы случай, совершенно единственный, не имеющий себе подобного во всей истории человечества.

Но есть еще один факт, который наносит гипотезе «египетского влияния» едва ли не смертельный удар: эгейцы, будучи в постоянных сношениях с египтянами, не приняли их иероглифов, но остались верны своим собственным, национальным письменам! До сих пор эти эгейские, или как их обычно называют, – «минойские», письмена не дешифрованы, но уже собрано достаточное количество надписей, записей и текстов [66], позволяющее уяснить себе общий характер этого письма. Установлены три типа минойских письмен, которые получили название: пиктографический, иероглифический и линейный, причем последний подразделяется на два класса. Пиктографические письмена имеют написание то слева направо, то справа налево; иероглифические – слева направо; линейные 1-го класса – чаще слева направо, 2-го класса – всегда в этом направлении. Почти единогласно историками признается, что письмо это – буквенное, чем оно по существу отличается от картинного и слогового письма восточных народов. Однако письмена второго типа (иероглифические) заключают в себе также идеограммы (может быть, фонетического происхождения) и в некоторых частностях совпадают с египетскими, оставаясь в целом – самостоятельной системой. Именно, в иероглифическом минойском письме есть несколько знаков, которые почти буквально повторяют знаки египетских иероглифов: символ жизни, эмблема царя Нижнего Египта, детерминант человека и т. п. Но эти частные совпадения никак не позволяют говорить о единстве системы письмен: минойские иероглифы все же независимы от иероглифов египетских, органически входят в систему самостоятельного, национального письма. Если бы эгейцы были под таким сильным влиянием египтян, что подчинились даже их религиозным верованиям, отвергнув религию предков, было бы невероятно, что, одновременно с тем, Эгейя не усвоила бы себе и египетский алфавит, детально разработанный уже в древнейшие времена. Если же эгейцы, на заре своей истории, когда они впервые столкнулись с египтянами, обладали уже такой разработанной системой письменности, которая могла успешно выдержать конкуренцию египетской, – столь же невероятно допустить, что Эгейя приняла чужую религию и заимствовала «культ смерти» из Египта. Народная религия не могла слабее сопротивляться чужеземному воздействию, нежели национальная письменность.

На все эти вопросы есть, по-видимому, только один правдоподобный и приемлемый для науки ответ: аналогии в культурах Эгейи и Египта должно объяснить не влиянием одного народа на другой, а общностью происхождения этих культур. Та и другая, развиваясь

самостоятельно в течение тысячелетий, отправлялась от одной и той же исходной точки. Существовал, в незапамятно давние эпохи истории, некоторый х, некоторый культурный мир, который равно оказал свое влияние и на Эгейю и на Египет, дал им обоим первый толчок к развитию их духовных сил. Такое предположение объясняет и то обстоятельство, что религиозная мысль, как египтян, так и эгейцев, пошла по одному и тому же пути и привела к сходным результатам, и те отдельные факты, что в культуре двух народов оказались почти тождественные явления, в частности, – что некоторые письменные знаки египтян и эгейцев совпали. Допуская, что в основе культур египетской и эгейской лежит нечто единое, мы разрешаем большую часть загадок, представляемых историей Эгейи. Мало того: гипотезой о существовании этого х, этого древнейшего культурного мира, властно влиявшего на исторические культуры древности, мы разрешаем и многие другие загадки исторической науки. Отношения между Эгейей и Египтом – только частный случай, когда исторические факты требуют принятия этой гипотезы. Достаточно бегло обозреть другие древнейшие культурные миры человечества, чтобы убедиться, что и их история действительно требует допущения того же, пока неведомого нам, «икса».

7. Пирамиды

Замечательно, что

начало культуры, как эгейской, так и египетской, до сих пор, решительно ускользает от всех исследований историков. Мы уже отмечали, что даже самые ранние создания эгейского искусства отмечены чертами не только культурной зрелости, но как бы некоторого декаданса; объяснить это можно только тем, что эгейское художество, при самом своем возникновении, находилось под воздействием другого, давно перешедшего через грань своей зрелости и клонившегося к упадку. Новорожденную эгейскую культуру пестовали руки няни дряхлой и многоопытной. Некоторые историки, имея в виду эту раннюю зрелость Эгейи, сравнивали ее с Афиной-Палладой, возникшей из головы Зевса в полном вооружении. Такое сравнение можно принять лишь с некоторыми ограничениями, так как в эволюции Эгейи можно наметить несколько последовательных периодов и проследить развитие отдельных элементов от примитивизма к совершенству. Но все же, памятники даже раннеминойского периода, при всей элементарности их обработки, указывают на степень развития, далекую от первобытного варварства. Эгейцы, как мы тоже говорили раньше, пережили первоначальные стадии своего духовного развития где-то за пределами наших наблюдений, вероятно, – на побережье Атлантического океана, откуда выводит их гипотеза Лихтенберга, и пришли на берега Эгейского моря уже в обладании значительным запасом знаний, навыков, умений, с определенными религиозными воззрениями, с определенно сложившимся складом народного духа.

При раскопках в Кносском дворце, после пластов, накопленных многими десятками, если не сотнями, веков, свидетельствующих о примитивной культуре неолита, вдруг сразу открываются стены первого лабиринта. Ниже лежат остатки жизни грубой, дикой, следы жилищ и вещи, которые принадлежали племенам первобытных звероловов, охотившихся с кремневыми копьями и стрелами, а тотчас над этим слоем – мощный фундамент огромного дворца, бронзовые и медные кинжалы, черепки изящных ваз, золотые безделушки, тешившие местных красавиц, предметы роскоши, довольства и усложненной жизни. Так и в истории: на берегах Эгейского моря, после первобытных племен, аборигенов страны, сразу являются эгейцы, народ глубококультурный, имеющий государственные установления, заводящий сношения с заморскими соседями, оказывающий свое влияние на самое царство фараонов. Переходной стадии нет; не автохтоны страны, путем медленной эволюции, достигают высших ступеней развития, но приходит совершенно другое новое племя, уже подготовленное к

восхождению на высшие ступени духовной жизни. От глаз историка опять ускользает таинственный момент зарождения культуры, как в биологических науках ускользает момент зарождения живого организма. Мы осуждены в истории, как в биологии, изучать только развитие, а не возникновение.

Почти то же самое приходится сказать о культуре Египта. Новейшие исследования восстановили длинный путь эволюции египетской культуры, на протяжении четырех тысячелетий. В настоящее время открыты в Египте могилы, относящиеся к доисторической эпохе, на основании которых можно судить о быте тех людей, которые населяли долину Нила задолго до первых фактов, отмеченных египетскими летописями. Мы в состоянии теперь проследить постепенное развитие у египтян научных познаний, технических приемов, вкусов, от той эпохи, к которой относятся грубые фигурки, находимые в древнейших могильниках, до пышного расцвета Фиванского искусства в конце Среднего царства, до высшего блеска египетской культуры во времена «империи» Рамсесидов и до упадка страны фараонов в Саисский период и в века после него... Явилась возможность написать и связную политическую историю Египта, как то сделал американец Брэстед, и историю египетского искусства, как то сделано в блестящем предсмертном труде знаменитого французского египтолога Масперо[67]. Однако специалисты знают, что все же остаются в египетской истории пробелы, и не только по отношению ко второстепенным деталям, но оставляющие нерешенной загадкой наиболее существенные вопросы. Две таких загадки касаются самого начала египетской культуры.

Как это ни странно, но должно признаться, что

происхождение египетского искусства, а с ним всей египетской культуры, до сих пор для науки необъяснимо. Мы хорошо знаем

эволюцию искусства в Египте, от его простейших, древнейших проявлений, до наиболее совершенных созданий позднейших эпох; но зарождение египетского художества, его возникновение из примитивных поделок первобытных насельников страны, не может быть прослежено по памятникам. У нас есть или примитивные изделия, еще чуждые элемента художественности, или, хотя и простейшие, но уже явно художественные создания, из которых потом естественно развивается все искусство Мемфиса и Фив. Посредствующего звена опять нет, как нет его между неолитическими поселениями Крита и Кносским лабиринтом. Мы застаем египтян уже обладающими элементами культуры, зернами, из которых должен был вырасти пышный цвет позднейших веков, но каким путем были получены эти зерна, кто бросил этот сев в благодарную почву египетской души, – мы не знаем.

Вот что говорит по этому поводу такой авторитет египтологии, как Масперо (Ars Una, Египет, стр. 8-10): «Древнейшие могилы, предшествующие исторической эпохе, до сих пор не дали нам ничего такого, что доказывало бы исключительное развитие художественного чувства у первобытных египтян. Предметы, добываемые в могильниках, указывают на любовь к украшениям, к разукрашенной утвари, но совершенно такую же, насколько не высшую, как у большинства полумодернизированных племен... Ничто здесь не может выдержать сравнения с живописью и со скульптурой эпохи северного оленя, находимой в пещерах современной Франции и Испании... И однако, как только от этих, лишенных точной даты, произведений переходишь к созданиям исторических династий, тотчас встречаешь тысячи предметов и памятников, которые, художественностью своего выполнения, дают египтянам, в области искусства, исключительное место среди всех народов Древнего Востока. Там, где раньше были лишь попытки трудолюбивых ремесленников-учеников, зачатки мастерства, не уверенного в самом себе, – внезапно появляются, почти без какой бы то ни было явной переходной стадии, создания истинных мастеров-художников и техника, доведенная до законченности и совершенства. Не должно ли заключить из этого, что, в период между двумя этими эпохами, какой-то, пришедший извне, народ наложил свое влияние на жителей Египта,

принеся им то понимание прекрасного и то умение реализовать его, какими до той поры египтяне не обладали?» Сам Масперо высказывает далее сомнения в справедливости своей гипотезы, но другой, которая могла бы ее заменить, все же не находит.

Факт остается фактом. Даже выискивая черты сходства между грубыми примитивными изделиями доисторических эпох с художественными созданиями времен династических, Масперо принужден сознаться, что – «то, что прежде создавалось чисто инстинктивно, теперь стало являться, как результат сознательно направленной воли». Кто же сумел направить волю египтян к исканию прекрасного и к его осуществлению? Кто полудиких обитателей Нильского оазиса, которые отставали в деле художества от своих современников, ютившихся в пещерах Франции и Испании, превратил в народ художников, быстро занявший первое место среди всех культурных народов ранней древности и сохранивший это положение в течение сорока веков? Что произошло в Египте в ту эпоху, о которой молчит история, но которая непосредственно предшествовала первым, известным нам, историческим фактам?

Традиционная египетская хронология, предложенная еще Манефоном (в III в. до Р. Х.) и, в общем, соблюдаемая и новыми историками, делит египетскую историю по

династиям правивших фараонов. Новейшие исследования выяснили многое о временах «додинастических» (предположительно, раньше 3400 г. до Р. Х.), но все, что сохранилось от этих отдаленных эпох, рисует египтян той поры народом, не ушедшим вперед, сравнительно с другими современными народностями Передней Азии. Напротив, времена первых династий (от 1-й до 6-й, предположительно от 3400 до 2475 г. до Р. Х.) выступают, как эпохи изумительного культурного подъема. Историк Брэстед, признанный авторитет египтологии, не находит слов, чтобы достойно возвеличить этот период, особенно время 3-ей-6-ой династий, говорит о «замечательном развитии материальной культуры в течение этих четырех столетий», о «блеске и могуществе» Древнего Царства, о «небывалой высоте», достигнутой искусствами и ремеслами и т. п., утверждая даже, что эти вершины художественного творчества никогда позднее не были превзойдены самими египтянами (Брэстед, 1,15). Всем памяты три величайшие пирамиды Египта близ Гизе: Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и Менкура. Трудно установить с точностью время их построения, но несомненно, что то была одна из древнейших эпох египетской истории, и традиция, с которой соглашается Брэстед, относит возникновение великих пирамид именно к 4-ой династии, к XXIX и XXVIII столетию до Р. Х. Египтяне времен «додинастических» были небольшим народцем, мало чем выделяющимся среди других, окружающих восточное побережье Средиземного моря и долину Двуречья; египтяне начала 3-го тысячелетия до Р. Х. оказались способны на архитектурный подвиг, равного которому не знала вся древность и повторить который сам Египет позднее уже был не в состоянии.

На основании памятников можно проследить, как вырабатывалось в Египте строительство пирамид. Первоначально то была невысокая квадратная «мастаба»; потом, через наложение следующих, все уменьшающихся этажей-слоев, возникла форма «ступенчатой пирамиды»; наконец, с заполнением ступеней и возведением остроконечной вершины, была установлена полная пирамидальная форма. Однако знакомство с этим историческим процессом ни в коем случае не объясняет, почему именно в эпоху 4-й династии пирамиды вдруг получили размеры, небывалые дотолем и не повторенные в будущем. И раньше, до фараонов 4-ой династии, уже сооружались полные пирамиды; но они были безмерно меньше, чем каменные горы, воздвигнутые Хеопсом, Хефреном и Менкурой. Позднее, после 4-ой династии, египтяне также продолжали строить пирамиды, позднейшие фараоны также выказывали притязание обессмертить свое имя созданием гигантских каменных усыпальниц для своей мумии, но все следующие пирамиды тоже безмерно меньше Хеопсовой, не могут идти с ней, по размерам, ни в какое сравнение. Разница подавляла сознание, египтяне позднее отказывались верить, что это они – сами, их предки, воздвигли каменные чудеса в бесплодной пустыне. Строители великих пирамид, в историческом Египте, почитались существами божественного происхождения, а самые Гизехские пирамиды – созданием

сверхъестественных сил.

Как бы подробно ни восстанавливали мы эволюцию пирамидального зодчества, все же загадкой останется тот факт, что

вдруг для Египта явилась возможность создать одно из семи «чудес света»: на берегах Нила, в большой отдаленности от мест, где можно добывать потребный для строительства материал, возвести искусственные горы из гигантских каменных глыб по определенному, строго выполненному, плану, с замечательным, вполне достигнутым, техническим совершенством. Вдруг рождаются в Египте фараоны, задумывающие такое небывалое предприятие; вдруг появляются зодчие, дерзающие на такой подвиг и оказывающиеся способными его осуществить успешно; вдруг открываются сношения с далекой заморской страной (Пунт), откуда, особым флотом и по вновь проложенным дорогам, везут нужный материал, добытый в специальных каменоломнях; вдруг находятся сотни тысяч рабочих рук, покорных единой воле; главное же, – вдруг строители оказываются во всеоружии необходимых математических, чисто геометрических и разного рода технических познаний, без которых немислимы подобные сооружения, а в распоряжении тех же строителей оказываются приспособления для перевозки тяжелых глыб на протяжении тысячи верст, всевозможные инструменты для рубки и тески твердого камня, мощные машины для подъема страшных тяжестей на высоту сотых этажей, мастерские для выработки медных листов, которыми были облицованы стороны пирамид, и многое другое подобное. Египтяне сразу проявляют себя народом высококультурным, обладающим огромными познаниями, большим техническим навыком и неизмеримыми средствами; великие пирамиды встают к небу, на диво всем будущим путешественникам, вплоть до современных туристов... Но проходит одно столетие, полтора столетия, и так же

вдруг, так же внезапно, отважное строительство кончается. Никто из позднейших фараонов не решается соперничать с Хеопсом. Египет, как государство, растет, крепнет, превращается в империю, включившую в свои пределы значительную область Передней Азии и часть Эгейских островов; египетская культура расцветает ярко и пышно, подчиняя своему влиянию окрестные страны; наука и искусство в Египте делают гигантские шаги вперед; но подвиг древних строителей остается непревзойденным. В XXIX веке до Р. Х. египтяне

могли строить великие пирамиды, в последующие века –

не могли. И хочется повторить вопрос Масперо: «Не должно ли заключить из этого, что в период между двумя этими эпохами (т. е. между „додинастической“ и эпохой после первых династий) какой-то пришедший извне народ наложил свое влияние на жителей Египта, принес им то понимание, в данном случае, великого и то умение реализовать его, каким до той поры египтяне не обладали?»

Разумеется, историки не могли не обратить внимания на тот поразительный факт, что величайшие пирамиды были построены в древнейший период. История, по выражению одного критика, «стоит вверх ногами»: на заре своей цивилизации египтяне оказываются более могущественными, нежели во дни расцвета! Но все попытки объяснить этот факт были до сих пор решительно неудовлетворительными. Легко сказать, – как и говорит большинство историков, – что в эпоху 4-ой династии Египет был централизованным государством, и фараоны могли располагать силами всей страны, впоследствии же распался на ряд феодальных княжеств, и фараон утратил свою абсолютную власть. Такое объяснение будет совершенно произвольным: что Египет позднее пережил распадение на феодальные, полунезависимые области, это – нам известно на основании разных документов; но что Египет был, при 4-ой династии, сильно централизованным царством, это – выведено только из самого существования великих пирамид. Получается «порочный круг», «*circulus vitiosus*»: от существования великих пирамид заключают к централизованности древнейшего Египта, а потом этой централизацией хотят объяснить возможность возникновения великих пирамид в

древнейшем Египте![68] В действительности же, никакие объективные данные не позволяют нам заключить, что в самом Египте, времен первых династий, имелись силы материальные и, особенно, духовные, достаточные для построения Гизехских чудес. Эти силы мы принуждены искать вне Египта, в стороннем влиянии, так как великие пирамиды, в египетской истории, стоят совершенно особняком. Надо добавить, что самое приурочивание их к именам определенных фараонов, особенно же – к определенным годам, крайне гадательно. Ошибка в датировке возможна на несколько веков, а такая перестановка времени значительно изменила бы все соображения об условиях, при которых возникли Гизехские пирамиды...[69] Поэтому всего справедливее со стороны историков было бы сознаться, что ничего определенного о построении больших пирамид им неизвестно.

Однако и гипотеза «стороннего влияния» вызывает некоторые возражения. Если даже допустить, что Египет, в ту отдаленную эпоху, подчинялся воздействию «пришедшего извне народа», остается необъяснимым, почему этот народ направил свои силы и силы покоренного Египта на воздвижение каменных гор в долине Нила. Зачем владыки завоеватели тратили время и огромные средства, строя в далекой колонии гигантские гробницы для местных царей? Или, если предположить, что великие пирамиды были возведены самими египтянами, только

после испытанного воздействия со стороны другого, более культурного народа, почему это воздействие дало такое неожиданное направление замыслам и стремлениям древнейших египтян? – На эти вопросы приходится отвечать вопросами же: что такое пирамида? зачем вообще ее строили? каково ее конечное назначение?

Обычно пирамиды считаются огромными могилами. Но, как бы мы ни преувеличивали египетский «культ смерти» и желание египтян сохранить тело умершего царя, все же есть несоизмеримая несообразность между целью и употребленными для того средствами (как мы уже отметили то по поводу эгейских купольных гробниц). Цель – сохранение мумии фараона; средства – двадцать лет работы, сотни тысяч, а вероятнее, миллионы привлеченных к делу рук, заново проложенные дороги для перевозки материала и, как результат, каменные чудеса-горы. Неужели египтяне, во всем остальном скорее народ-практик, не умели достичь цели, – сохранения мумии, – более простыми средствами? Ведь стали же они довольствоваться позднее, в эпоху империи, т. е. высшего расцвета власти фараонов, гораздо более скромными, хотя все же великолепными, гробницами, высеченными в скалах! Не могли же египтяне, времен 4-ой династии, не понимать, что надежно сберечь мумию царя возможно и без тех грандиозных затрат и трудов, каких потребовала пирамида Хеопса.

Противоречие бросается в глаза и было замечено уже давно. Ряд писателей уже высказал мнение, что основное назначение пирамид было гораздо более возвышенное, нежели служить прочной могилой. Это мнение прекрасно выражено К. Д. Бальмонтом, который лично бывал в Египте, видел пирамиды, думал над ними, прочел едва не все, написанное о них. «Египтологи, – говорит Бальмонт, – единогласно утверждают (это, однако, преувеличение:

не единогласно), что пирамиды – не более, как царская гробница, огромный каменный уют для мумии фараона. Да позволено мне будет думать, что египтологи утверждают совершенную неправду. Присутствие саркофага в пирамиде не есть указание решающее. Присутствие гробницы какого-нибудь христианского царя в христианской церкви разве превращает церковь в кладбище и разве делает собор исполинским склепом? Пирамида божественна; она – храм безгласного моления, она – вечный знак устремления души от человеческого к сверхчеловеческому, она – зодческий псалом, завершительным стихом своим, завершительным острием своим, касающийся Неба...

Молитвенный, храмовой характер пирамид совершенно очевиден... Пирамида есть четырехкратно повторенный треугольник, возносящийся в Небо. Троичность была священна для египтянина, как она священна для христианского сознания. Мы говорим: Бог-Отец,

Бог-Сын, Бог-Дух Святой; египтяне молитвенно говорили: Осирис, Исида, Гор. Священна для египтянина и четвертичность. Четыреугольник есть священный знак бога Фта, Открывателя. И круг, разделенный на четыре части, есть священный знак матери звезд, богини неба, Нут...» (К. Бальмонт, Край Озириса, М. 1914, стр. 125 и ел.).

Говоря иначе, пирамиду можно рассматривать, как некий гигантский символ. Строители пирамид хотели в некотором внешнем знаке, способном пресуществовать тысячелетия, запечатлеть определенное учение, имеющее, в своей основе, столь распространенную в древности, символику чисел. Те, которые строили пирамиду, или те, которые побудили ее воздвигнуть, почитали это учение, – вероятно, в те времена тайное, эзотерическое, – высшей истиной, сокровенным познанием сущности вещей, т. е. самым драгоценным, чем только может обладать человек. Ради сохранения этого учения, ради того, чтобы передать его грядущим поколениям, стоило, конечно, принести какие угодно жертвы, принять на себя какой угодно труд. В самом деле, если человек уверен, что он обладает

истиной истин, тайным знанием, которое в конце концов разрешает все загадки, все вопросы о жизни и смерти, о земном и божественном, о сущности бытия и элементах вещества, – неужели такой человек поколеблется сделать все, для него возможное, чтобы только сберечь эту тайну, не дать ей погибнуть, сохранить ее для будущих времен? Книги могут исчезнуть, устное предание забыться, верования исказиться до неузнаваемости, но каменный символ пирамиды будет стоять века и сотни веков, вечно. Народ-учитель воздвигал или заставлял воздвигнуть пирамиды, как свое завещание народу-ученику. «Когда нас уже не будет с вами, – как бы говорили строители пирамид египтянам, – когда все, слышавшие наше живое слово, уже будут давно лежать в могилах, – грядущие поколения по этим каменным буквам сумеют восстановить основы нашей мудрости, и по ним пылливый ум, восходя от малого к большому, возвысится до познания всех тайн вселенной!»

Идея, воплощенная в пирамидах, – та самая, которой позднее учил эллинов Пифагор, именно, как учению, воспринятому от египетских жрецов. Та же самая, по существу, идея оживала потом во всех мистических учениях древности, средневековья и нового времени, вплоть до наших дней, когда у нее тоже находятся свои, и вовсе не малочисленные, адепты. В пирамиде затаены те основные числовые отношения, которые играют такую большую роль в пифагорействе и новейшем «окультизме». Мы находим в пирамиде числа: 2 – две диагонали основания, 3 – стороны треугольников, 4 – стороны квадратного основания, 5 – пять точек, четыре при основании, одна при вершине, 7 – четыре и три, 8 – восемь ребер, 9 – трижды три, 12 – трижды четыре, и т. д. Иначе это истолковывается: святая троица (Осирис, Исида, Гор), или священный «тернер» посвященных; четыре стихии, четыре страны света или священный «кватернер» посвященных; семь планет, семь цветов радуги, семь основных музыкальных звуков; двенадцать знаков зодиака и т. д. Вместе с тем пирамида таит в себе идею вечного устремления от земли к небу. Таким образом, пирамида есть каменный символ, в котором изложены заповеди некоего религиозно-мистического учения, как бы то же, чем была Моисеева «скрижаль» с десятью заповедями, только безмерно увеличенная в размерах и понятная всем племенам, на каком бы языке они ни говорили[70].

В пирамиде хранился прах фараона. Это делало пирамиду священной и для непосвященного и тем верное оберегало ее от всякого на нее посягательства. Но помещение мумии в глубине пирамиды было лишь второстепенным делом. С одной стороны, это давало объяснение народу, зачем строят пирамиду, с другой – это позволяло как бы использовать гигантское сооружение для ближайшей цели. Но сами «строители пирамид» должны были знать, что именно они делают, какой идее служат; построение пирамид (первых, великих) было религиозным подвигом, служением Истине, как богу, выполнением повелений тех властителей, которые были окружены ореолом почти божественного величия. Без такой психологии вряд ли какой бы то ни было фараон решился бы предпринять подобное неимоверно трудное дело и согласился бы 20 лет угнетать весь свой народ на каторжных работах по воздвижению своей могилы. А работники, трудившиеся над возведением

бесчисленных каменных этажей, хотя и не сознавали ясно назначения пирамиды, должны были верить, что выполняют дело священное, трудятся «бога для»: только это могло дать миллионам рабочих терпение для завершения их беспримерного в истории подвига.

Конечно, отсутствие каких-либо «документальных» данных оставляет толкование пирамиды, как религиозного символа, только гипотезой. Но эта гипотеза получает сильную поддержку в том факте, что Гизехские пирамиды – не единственные на земле. Пирамиды Египта – не таинственное исключение, но только наиболее яркий пример того исторического явления, которое наблюдается в ряде других стран и у ряда других народов. Притом, поразительным образом, явление это хронологически оказывается везде более или менее одновременным. Мы находим пирамиды на разных концах земного шара, и время построения их всюду падает приблизительно на ту же эпоху, к которой (положим, предположительно) относят «великие пирамиды» Хеопса, Хефрена и Менкура: начало 3-го тысячелетия до Р. Х. Эта «перекличка пирамид», это совпадение зодческих замыслов у различных племен, не может не наводить на серьезные раздумия. И гипотеза «каменных символов» становится уже близкой к «вероятности».

Мы видели аналогию египетских пирамид в купольных гробницах Эгейи, имеющих, над входом, даже линейное «отображение» пирамиды, в форме равнобедренного треугольника. Но уже не подобие, а в полной мере пирамиду мы вновь находим на другом конце земли, в девственных лесах Центральной Америки. В этом «Новом Свете», казалось бы, столь чуждом Египту, перед путником тоже высятся, среди тропических стволов и опутавших их лиан, каменные горы пирамидальной формы. Правда, мексиканские пирамиды имеют местные отличия: их сразу можно отличить от египетских, так как у большинства вершина срезана и обращена в площадку для жертвоприношения; но общий замысел строения тот же самый: та же символика чисел, воплощенная в камне, то же устремление от земли к небу, и в довершение сходства, та же, как в Египте, ориентация пирамиды по меридиану данной местности. Восток и Запад сталкиваются в единой идее. Гизехским пирамидам откликаются, через океан, пирамиды американские.

Какой же народ и в какую эпоху воздвиг каменные горы в лесах Мексики и в степях Юкатана? Испанцы, открывшие и завоевавшие Америку в конце XV века, нашли в Мексике культурное государство ацтеков, у которых были большие города, была своя наука и свое искусство, зачатки литературы, и были большие богатства, груды золота, награбленные предками. Пораженные таким зрелищем, испанцы-конкистадоры не стали вникать в историю ацтеков: важнейшим делом для завоевателей казалось – покорить эти царства испанской короне и захватить в свои руки собранные золотые запасы. Как известно, это и удалось успешно Фердинанду Кортесу, разрушившему царство Монтецумы, и его последователям. Только позже, изысканиями миссионеров и ученых, выяснилось, что царство ацтеков, в сущности, – молодое: оно насчитывало едва пять столетий своего существования. Зато стояло оно на развалинах действительно древнего культурного мира, – царства или царств народа

майев. Эти майи, жившие культурной жизнью в Центральной Америке задолго до появления там ацтеков, и были строителями мексиканских и юкатанских пирамид.

Ныне история Америки до Колумба, в общих чертах, выяснена. Американские и европейские (преимущественно – французские) ученые сумели, по скудным, дошедшим до нас данным, восстановить все основные перипетии в судьбах племен, населявших Новый Свет в течение 3–4 тысячелетий до Р. Х. Мы знаем, что ацтеки и сапотеки, – точнее, племена нагуа, к которым принадлежало и племя, основавшее позднее царство ацтеков, – вторглись в Мексику с Севера, приблизительно, в середине IX в. нашей эры, т. е. в эпоху европейского средневековья. Нагуа нашли в этой стране издревле существующую цивилизацию и высококультурную жизнь: ряд великолепных городов, с торжественными каменными дворцами и храмами, мощные дороги, водопроводы, библиотеки, разнообразные создания искусств и ремесл, народ, ведущий развитое сельское хозяйство, обширную сухопутную и

морскую торговлю, причастный всем интересам умственной жизни. Майи занимали эти страны уже в течение тысячелетий, хорошо обработали поля, проложили пути по девственным лесам, завели большой флот для заморских сношений; в то же время майи разрабатывали науку, имели прочные государственные установления и подчинялись национальным традициям, успевшим, за долгие века, пустить крепкие корни в душе народа.

Одним словом, майи, в эпоху своей гибели, в IX в. по Р. Х., были старым культурным народом, стоявшим гораздо выше по своему развитию, нежели современные им народы далекой Европы[71]. Под натиском полудиких кочевников, майи, давно утратившие воинственность, принуждены были медленно отступать. Завоеватели захватывали майские города и разрушали их, майи же основывали новые царства, далее к югу, преимущественно на Юкатане, но лишь для того, чтобы и вновь построенные столицы также сделались добычей хищных грабителей. Борьба длилась столетия, но ко времени прибытия в Америку испанцев науга сокрушили последние следы независимости майев. Жалкие остатки прежде великого народа держались лишь кое-где на Юкатане; в Мексике майи были почти истреблены или обращены в низшее сословие пастухов и землепашцев. Зато ацтеки, под влиянием более культурного, побежденного ими народа, в свою очередь, цивилизовались, переняли у майев начатки их науки, вообще усвоили, до некоторой степени, их культуру, хотя и внесли в нее сильную примесь национальной жестокости (человеческие жертвоприношения и т. п.). Постепенно царство майев исчезло под новым, выросшим на его месте, царством ацтеков, которое одно и было принято конквистадорами за представителя всей древнеамериканской цивилизации.

Однако, говоря о культуре древней Америки, должно разуметь никак не цивилизацию ацтеков, все же довольно скудную, но древнюю культуру майев. Первый удар был нанесен ей, как мы сказали, в середине IX в. нашей эры. Но от этой даты приходится провести длинную черту в глубь прошлого, чтобы определить начало майской цивилизации и время ее наивысшего расцвета. К сожалению, письма майев до сих пор не дешифрованы, и майские книги, хранящиеся ныне в музеях Америки и Европы, все еще остаются тайной для науки; но некоторые знаки и особенно система счисления у майев определены уже с полной достоверностью. Это дает основание для некоторых хронологических вычислений. Заметим, кстати, что мудрая система счисления майев давала им возможность изображать числа любой величины (что было недоступно, например, для древних эллинов), и что майи обладали крайне совершенным календарем, не позволявшим ошибиться даже на один год в течение тысячелетий. Благодаря всему этому, мы точно знаем, что один из храмов майев, в Мексике, на котором сохранилась соответствующая надпись, был воздвигнут в 3750 году, считая от майской эры (нам неизвестной).

Нет причины думать, что храм, на руинах которого прочтена эта надпись, был одним из новейших, что он был построен перед тем самым временем, когда майи должны были уйти из Мексики под натиском науга. Но даже относя построение этого храма к IX в. нашей эры, мы получим (вычитая 800 из 3750) самое начало 3-го тысячелетия до Р. Х., как ту эпоху, от которой майи вели свое летосчисление. Очень вероятно, что данная эра была чем-нибудь вроде «основания города» у римлян или «первой олимпиады» у эллинов. Если даже эта дата и была вычислена впоследствии искусственно, как дата «сотворения мира» – у древних евреев, все же остается тот факт, что сами майи считали свое историческое бытие тысячелетиями, причем древнейший период их истории падал на 3-е тысячелетие до Р. Х., эпоху, когда в Европе достигали своего расцвета города-лабиринты на Крите и египетская цивилизация в долине Нила[72].

Наука не дает еще средств точнее определить время возникновения майских дворцов, храмов и пирамид. Но, по аналогии, мы знаем, что ничто в мире не появляется внезапно. Вероятно, и майи пережили длинный путь культурного развития, прежде чем пришли к тем величественным сооружениям, развалины которых поныне поражают взоры любопытного туриста. И вряд ли мы очень ошибемся, отнеся расцвет майской цивилизации на 2-ое

тысячелетие до Р. Х., на те времена, когда критские миносы и египетские фараоны соперничали между собою в блеске и величии своих царств. К этой эпохе можно, конечно, приблизительно, приурочить наиболее замечательные руины Уксмаля; к более позднему времени – не менее замечательные развалины Паленке, в Никарагуа[73]. Надо добавить что развалин этих – огромное количество, как и должно ожидать в стране, где в течение 25 веков жил культурный народ. Мощная тропическая растительность служит естественной хранительницей руин. Как в Египте древние храмы были сохранены под горами песка, так в Центральной Америке их сберегли деревья и лианы, опутывающие непроницаемой чащей остатки грандиозных сооружений древности. Сила растительности такова, что всего через год, много через два, после того, как руины бывают раскрыты любознательным археологом, они оказываются вновь под непроглядным завесом ветвей, листвы и цветов.

Под этой надежной охраной пролежали десятки веков в девственных джунглях Центральной Америки разнообразнейшие предметы, по которым мы можем теперь, до некоторой степени, восстановить быт древних майев. Здесь находят куски и черепки драгоценной утвари, тонкой и изящной работы, статуи и рельефы, фрагменты фресковой живописи, вещи, как служившие в домашнем обиходе и свидетельствующие о жизни богатой и усложненной, так и служившие для религиозных обрядов и указывающие на культ развитой и давно ставший традиционно-неизменным; наконец, здесь же были найдены, в довольно большом числе, книги майев, частью иллюстрированные, чтение которых когда-либо прольет в науку потоки неожиданного света. Но наиболее замечательным остаются все же руины самых строений, по-видимому, дворцов и храмов. Эти руины, как останки лабиринтов и как египетские пирамиды, доказывают прежде всего солидные познания майев в математике и в технике. Так, например, майи любили покрывать стены своих зданий запутанным рельефным орнаментом, часто помещенным на большой высоте от земли, что было бы невозможно без заранее обдуманного плана всей постройки, без должного навыка в строительстве и без некоторых машин и приспособлений. Знали майи и уступчатый свод, тот самый, который употребляли эгейцы в своих купольных гробницах. Наконец, майские пирамиды говорят нам не только о совершенстве зодчества, но, по некоторым деталям постройки, обязательно повторяющимся, и о серьезных познаниях в астрономии.

Может быть, наиболее яркое представление о том, чем были майи, дает одна деталь их зодчества. В рельефный орнамент, украшающий стены дворцов, майи часто вправляли огромные горельефные человеческие лики. Эти каменные маски не наложены сверх штукатурки стены, но составляют, своим основанием, необходимую часть самой кладки, – следовательно, входили в первоначальный план здания. Исполнены эти гигантские личины с редким совершенством, с полным знанием анатомии человеческого лица и с большой художественной экспрессией. Поныне туристы, пораженные, останавливаются перед этими памятниками седой древности Нового Света. Где-нибудь, в непроходимой чаще мексиканского леса, вдруг восстает перед путником громадная белая стена, и с нее, высоко от земли, глядит вниз изваянное лицо некоего неведомого нам царя или героя давно погибшего народа. Говорят, что есть горькая скорбь в выражении лица большинства этих масок, которые смотрят на нас как бы из глубины тысячелетий...

Но, как ни удивительно, что на американском материке, не имевшем на исторической памяти никаких сношений с культурными центрами Старого Света, могла выработаться и пышно расцвести самостоятельная цивилизация, это еще не представляет никакой загадки. Можно восхищаться неистощимостью человеческого гения, на разных концах земли торжествующего свои победы над природой и ее тайнами, но самая эволюция духовной жизни майев с первого взгляда представляется совершенно естественной и аналогичной тому, что мы знаем о народах нашей части света. Более внимательное исследование, однако, открывает здесь черты, которые всего труднее было бы ожидать а priori. Именно, исследование культуры майев открывает в ней целый ряд сходств и аналогий с культурами Старого Света – египетской, эгейской, месопотамской, этрусской, индусской. Не только майские пирамиды

повторяют собою пирамиды Гизехские, но в быте майев, в их верованиях, в системе их наук и в приемах их художеств – находятся и подробности и основные явления, которые буквально совпадают или крайне сходны с тем, что мы видим в Египте, на Крите, на берегах Евфрата. Такое открытие делает из майев историческую загадку. По-видимому, между Старым Светом и Центральной Америкой, на всем протяжении ведомой нам истории до Колумба, не было никаких сношений, ни прямых, ни косвенных[74]. Народы Америки никаким путем не могли быть осведомлены о том, что совершается у народов Азии, Африки и Европы. Откуда же возникли эти аналогии и сходства в культурах мексиканской и средиземноморской? Неужели должно всецело отнести их на долю случая, введя в историю понятие определенно антинаучное? Или же должно искать *tertium comparationis*, некую третью величину, которая, не будучи ни Старым Светом, ни Новым Светом, могла быть в сношениях и с тем и с другим? Иначе говоря, не должно ли искать тот таинственный «икс», который уже был выдвинут аналогиями между Эгейей и Египтом?

Поставленный вопрос приобретает еще большую остроту, если обратить внимание, что египтянами, эгейцами и майями не исчерпывается семья народов, культуры которых, в древнейшие времена, уже оказываются связанными между собою тайными аналогиями. Мы в третий раз встречаем пирамиду, опять в Старом Свете, на холмах и в долинах Этрурии; там же стоят триумфальные арки этрусков с такими же горельефными масками, какие помещены на стенах майских дворцов; календарь майев обнаруживает родство с летосчислением вавилонян; орнаменты, обычные в Центральной Америке, повторяются на постройках древнего Кавказа; майские письма – в книгах древнейшей Индии; черты китайского искусства отражаются в произведениях народов аймара, населявших когда-то современное Перу, в Южной Америке, и т. д. Беглый обзор всех древнейших культур человечества покажет единство начал, лежащих в их основании.

8. Исторические аналогии

В том обширном периоде истории, который, по привычке, все еще означает одним общим названием «древность», мы принуждены теперь различать, кроме отдельных, резко разграниченных эпох, два основных деления: во-первых, историю эллино-римского мира, то, что недавно считалось всею древностью, или «классическую древность»; во-вторых, историю предшествовавшего времени, только за последнее столетие открытую науке, или «раннюю древность». Эта «ранняя древность», в которую входит история Египта, Эгейи, Вавилонских держав, всего «Древнего Востока» и всего «Древнего Запада», идет, приблизительно, от XIII в. до Р. X. в глубь времен и обнимает тысячелетия 2-ое, 3-ье, 4-ое, может быть, 5-ое и 6-ое до Р. X. Она отделена от классической древности явным рубежом, на котором с мировой сцены сходят одни народы и цивилизации, чтобы уступить место другим, развивающим иные начала и ставящим себе иные цели. Но, погибая, ранняя древность исчезла, конечно, не бесследно: она оставила свое наследие, которым воспользовался эллино-римский мир, и по отношению к нему древнейшие народы земли были учителями и завещателями.

В настоящее время наука уже достаточно разработала историю ранней древности, особенно ее последнего периода, от XIII по XX век до Р. X., чтобы можно было отчетливо представить себе условия жизни тех эпох. Мы знаем, что народы и государства 2-го и 3-го тысячелетия до Р. X. отнюдь не жили, как то предполагалось ранее, замкнутой, обособленной жизнью, а, напротив, находились в постоянных и оживленнейших между собою сношениях. Они вели организованную международную торговлю по традиционным сухопутным и морским путям; правительства сносились друг с другом письмами и посольствами; образовывали военные коалиции, заключали договоры, устанавливали границы, пошлины, права

чужеземцев и т. п.; частные лица посещали чужие страны, то как странствующие купцы, то как любознательные путешественники; художники и ремесленники заимствовали у своих зарубежных собратьев приемы работы, стили и образцы; ученые обменивались новейшими открытиями в области науки и т. д. Наиболее сильные государства составляли «концерт держав», воле которого принуждены были подчиняться царства меньшие, а те, в свою очередь, вступали в союзы, чтобы сообща бороться с могущественными соседями.

«Тель-эль-Амарнский архив» (о котором нам приходилось упоминать неоднократно) позволил нам заглянуть в великодержавную политику фараонов, XIV в. до Р. Х., воочию увидеть международную жизнь 2-го тысячелетия и убедиться, что она, по существу, близко напоминает политические отношения современности.

При всем том, последние 10–12 веков ранней древности, XX–XIII, были ознаменованы целым рядом потрясений, приведших в движение всю Переднюю Азию и еще более способствовавших смешению и сближению между собою народов. Вавилонская держава, в XVIII в., подверглась нашествию коссеев, постепенно ослабла и, к концу периода, была покорена ассирийцами, молодым воинственным народом. Египет, столетие спустя, в XVII в., подпал под власть диких гиксосов, которые владели страной фараонов больше столетия и были окончательно вытеснены лишь в конце XVI и начале XV века. В этот же период, на верхнем Евфрате, утвердилась держава народа митани, достигшая своего высшего могущества в XV в. и павшая в XIV в., под ударами хеттов. Эти хетты, движение которых началось еще за три столетия ранее, одно время играли очень важную роль в истории Передней Азии. Заключив союз с царством Кадеш, в котором историки видят остатки изгнанных из Египта гиксосов, хетты вели великодержавную политику и могли соперничать с сильнейшими из государств. Периимчивые и способные, хетты быстро цивилизовались, выработав своеобразную культуру из смешения начал египетских, халдо-вавилонских, сирийских и национальных, повели обширную торговлю, к чему обладали особенными склонностями, и сделались деятельными посредниками между Западом и Востоком. При посредстве именно хеттов, элементы эгейско-египетские проникали далеко в глубь Азии, в Элам, на Кавказ, в Индию и еще дальше, до самого Китая. В XV веке фараон Тутмос III нанес хеттам сильный удар и обратил их царство в вассала Египта: но окончательно сокрушено значение хеттов было только в XIII в., после побед неутомимого завоевателя Сети I. В те же эпохи, параллельно, разыгрывались драмы меньших народов и государств; Элама, хабири, яфетидов, евреев, финикийцев и др[75].

Естественно, что в таком водовороте событий одни и те же семена разносились далеко по миру, давая сходные всходы на разных концах земли. Вот почему непосредственным влиянием одних народов на другие, прежде всего, можно и должно объяснить сходные черты и аналогии в культурах различных рас и племен, действовавших в эпохи ранней древности. Совершенно неизбежно, что в быте, в религии, в государственных установлениях, в научных познаниях, в художествах и мастерстве решительно всех народов 2-го и 3-го тысячелетия усматриваются явления близкие или тождественные. Но при всем том, одних подражаний и заимствований все же оказывается недостаточно для объяснения всех «исторических аналогий», установленных наукой. Мы видели это на примере Эгейи и Египта, еще разительнее – на примере Старого Света и культуры американских майев. К тому же выводу приводит изучение и других культур, расцветавших в течение «ранней древности».

Всего больше собрано пока фактов по связи культур эгейской и египетской с культурами Передней Азии: мало-азийскими и халдо-вавилонскими. Так, замечено, например, что и у эгейцев и у семитов Двуречья (Месопотамии) особо чтилась одна и та же богиня пола и что эгейские изображения этой богини совпадают с вавилонскими идолами Истар (и финикийской Астарты); что у эгейцев и в Передней Азии существовал один и тот же культ Богини-Матери, позднее получивший большое значение в Римской империи; что эгейцы поклонялись богу грома и молнии, передав этот культ эллинам в образе Зевса Громовержца, тогда как бог-громовник был высшим божеством у большинства малоазийских племен (добавим, что

тот же культ римляне заимствовали у этрусков, с именем Юпитера Гремящего, Juppiter Tonans), и т. д. Подобные же аналогии отмечены в обрядах (почитание «двойного топора», распространенное как в Эгейе, так по всей Передней Азии), в быте, в искусстве и т. п.[76]. Таких фактов известно уже так много, что некоторые историки готовы были считать всю эгейскую культуру сколком с вавилонской, и эта теория даже пользовалась одно время успехом в науке[77].

В настоящее время мнение о вавилонском влиянии на Эгейю и вообще на Запад сильно поколеблено и едва ли не опровергнуто окончательно. Формулируя новые научные взгляды, проф. Фармаковский пишет: «О влияниях Востока на Запад должно судить более осторожно. Многое, в чем усматривали в микенской культуре влияние Востока, оказалось в Европе более древним, чем те азиатские памятники, на которые ссылались для доказательства». Возникло даже противоположное мнение, по которому вся культура Передней Азии развивалась под воздействием эгейцев. Защитники этого последнего воззрения ссылались, между прочим, на культуру филистимлян, во многих отношениях близкую к эгейской. Пророк Иеремия (XLII, 4) прямо называет филистимлян «остаток острова Кафтора», т. е. Кипра, где были эгейские колонии, и о том же говорит пророк Амос. Полагали, что филистимляне были народ эгейской культуры, переселившийся в Сирию и распространивший оттуда крито-микенские начала. Эта гипотеза, разумеется, не выдержала критики, так как непомерно преувеличивала значение небольшого народца. Тем не менее данные археологии остались неопровергнуты; вновь открытые, древнейшие европейские памятники все же свидетельствовали, что замеченные историками аналогии в эгейской и вавилонской культуре никак не следствие подражаний Западу Востоку. Эгейцы, прежде чем пришли в соприкосновение с вавилонянами, уже знали ту же «богиню пола», вавилонскую Истар, поклонялись богу-громовнику, чтили символ «двойного топора» и т. п. Причины этих аналогий приходилось искать глубже.

Разумеется, часть сходств с правдоподобием объясняется совпадением. Одинаковые причины вызывают и одинаковые следствия. Так, например, первобытным народам, под какими бы широтами они ни жили, свойственно обожествлять такое грозное небесное явление, как гром и молния. С другой стороны, кое-что все же может быть оставлено на долю заимствования. Вполне допустимо, например, что одинаковое устройство дома, с мегароном посередине, у эгейцев и малоазиатских племен занесено в Азию теми же самыми филистимлянами, переселившимися с Кипра на материк. Уже труднее истолковать полное тождество в изображениях богини пола, Истар, с голубочками или с храмом, если исключена возможность прямого подражания. Еще страннее, что эгейцы, придя на берега Греции и на острова Архипелага, уже чтили символ «двойного топора», в то же время почитавшийся в Малой Азии. Вообще, рассмотрев ближе весь ряд отмеченных аналогий, историки принуждены были сознаться, что, после всех истолкований, получился некоторый «остаток», уже не объяснимый ни заимствованиями, ни случайным совпадением. Такой остаток может быть объяснен только допущением какой-то третьей силы, находившейся вне Эгейи и вне Вавилонии.

Однако народы Двуречья так тесно были связаны со всеми событиями в истории Древнего Востока, что такой вывод не вполне доказателен. Всегда можно допустить, что некоторые факты из истории Вавилонии ускользнули от внимания науки, и что, будь они известны, необъяснимые аналогии оказались бы результатом прямого воздействия вавилонян на эгейцев[78]. Гораздо убедительнее такие же аналогии, подмечаемые в культурах народов, которые жили в стороне от больших дорог ранней древности и, следовательно, от великих потрясений 3-го и 2-го тысячелетий. На Запад от Месопотамии, Эгейи и Египта таков древний культурный мир

этрусков в Италии. Не так еще давно в науке был распространен взгляд, согласно которому этруски считались выходцами из Малой Азии, приплывшими, по совершенно непонятной причине, около 1000 л. до Р. Х., на Аппенинский полуостров. Ныне это мнение опровергнуто свидетельствами египетской письменности: у нас есть памятники эпохи Рамсеса II, т. е. XIV в.

до Р. Х., в которых упоминается, притом как издавна знакомый, народ

туруша, название, скрывающее, несомненно, tyrranoi эллинов и etrusces римлян. Современная наука признает этрусков если не автохтонами Италии, то давними ее поселенцами, пришедшими скорее с Запада, с берегов Атлантического океана, откуда пришли и эгейцы. Хронология этрусской истории еще не установлена: может быть, этруски расселились по Италии лишь немногим позднее того, как эгейцы заняли свое новое местожительство; во всяком случае, во 2-м тысячелетии до Р. Х. этруски уже прочно сидели в Италии и обладали уже высоким уровнем национальной культуры[79].

Этруски были в сношениях с египтянами, торговали с ними, поставляли им наемных воинов, но все это уже в последние века ранней древности. Между тем аналогии в культуре этрусков с египетской и, отчасти, эгейской относятся опять преимущественно к области религиозных представлений и культов, т. е. восходят к первым периодам сознательной жизни народа. У этрусков, как у египтян и эгейцев, мы находим вновь то, что называли «культом смерти». Этруссские кладбища занимают обширные пространства и украшены с замечательной роскошью. И на этих кладбищах возвышаются не только совершенные подобию эгейских купольных гробниц, но и подлинные пирамиды, здесь, в третий раз, после Египта и Мексики, встающие перед историком. Этруссские гробницы и эгейская «Сокровищница Атреев», по выражению одного исследователя, «строены словно по одному и тому же плану, одним и тем же архитектором». По описанию античных авторов, существенную часть этрусской «гробницы Порсенны» (не сохранившейся до нашего времени) составляла настоящая ступенчатая пирамида со срезанным верхом, где была устроена площадка для жертвоприношений, как на пирамидах майских. Ныне эта «гробница Порсенны», в древнем Клузии, представляет собою огромный курган, 250 метров в окружности, с целой сетью подземных коридоров, переходов и комнат, т. е. полную аналогию с критскими лабиринтами.

Позднейшим образцом этрусского пирамидального зодчества является уцелевшая до наших дней «гробница Горациев и Куриациев», в Альбано, где мы видим уже вполне законченную пирамиду. Кроме того, многие этрусские памятники, имеющие сами по себе ту или иную форму, заканчиваются наверху маленькой правильной пирамидой. Таких маленьких пирамид особенно много в Орвиетто. В хор с гизехскими и майскими пирамидами, таким образом, сливают свой голос и пирамиды этрусские.

Помимо пирамид и купольных гробниц, этрусская культура представляет и другие сходства с Эгейей и Египтом, отчасти – с культурой майев. Этруски в архитектуре пользовались техникой «ложного свода» и свои города окружали стенами такой же стройки («пеласгическими» или «киклопическими»), как дворцы в Микенах и Тиринфе. Общественный строй этрусской жизни, с его делением на замкнутые сословия, напоминает строй жизни в Египте и, сколько нам то известно, в эгейских государствах. Что в своей живописи этруски отличали фигуры мужчин и женщин теми же самыми красками, как египтяне, – это могло быть результатом прямого подражания. Но можно ли видеть заимствование в том, что на своих триумфальных арках этруски любили помещать такие же горельефные маски, какие украшают стены майских дворцов? Наконец, существует множество явлений римской культуры, аналогичных египетским, которые, правда, могли быть переняты римлянами непосредственно из Египта, но могли перейти в Рим и от этрусков, так как быт их нам еще недостаточно известен.

Мы могли бы продвинуться и еще дальше на Запад. Мало исследованная культура

друидов в древнейшей Галлии (Франции) снова дает несколько любопытных аналогий с удаленными от нее культурами Востока. Археологические находки на Пиренейском полуострове (в Испании и Португалии) тоже наводят на различные важные соображения (например, дают повод искать там прародину и эгейцев, и этрусков). Но древнейшая история Запада пока не достаточно изучена. Очень вероятно, что будущим историкам предстоит

сделать много неожиданных выводов на основании фактов, которые откроются для них тщательным исследованием ранней древности на европейских берегах Атлантического океана; однако в наше время осторожнее не пользоваться еще скудными материалами, относящимися к этой области. Здесь всё – только догадки и многообещающие намеки...

Обращаясь в противоположную сторону, на восток от эгейского побережья и Египта, мы тоже встречаем в ранней древности ряд культурных центров, связанных разнообразными аналогиями с рассмотренными раньше. Как известно, не так давно, благодаря, главным образом, поистине гениальным прозрениям акад. проф. Н. Я. Марра, для науки открылся как бы новый мир: культура яфетидов на Кавказе и в областях древней Армении. История получает возможность наблюдать эту культуру именно во 2-м тысячелетии до Р. Х., но она, несомненно, – гораздо древнее, и начало ее теряется в 3-м, если не в 4-м тысячелетии. Акад. Марр показал и доказал, что, во всяком случае до возникновения второй Вавилонской державы, в области Кавказских гор и вокруг озера Вана уже существовала старинная и мощная культура народов не-арийского, не-семитического и не-монгольского происхождения; по аналогии с названиями «семиты» и «хамиты», акад. Марр дал этим народам название «яфетиды». Изучение яфетидской культуры еще только начинается, но уже теперь дало науке немало крайне ценных выводов. Для нас яфетидские царства интересны, как культурный мир, находившийся, подобно Этрурии, в «стороне от больших дорог ранней древности», но во многом обнаруживающий свою несомненную связь с другими средиземноморскими культурами[80].

Пока еще трудно восстановить хронологию яфетидов. Но несомненно, что их царства уже клонились к упадку, следовательно, уже давно пережили и считали в далеком прошлом времена своего расцвета – в XII в. до Р. Х., в эпоху войн халдского царя Туглат-Палассара (около 1100 г. до Р. Х.). По надписям этого царя мы знаем, что он совершил ряд походов на царство Наири, расположенное вокруг Ванского озера и далее на Северо-Восток, к массиву Кавказских гор, – царство, своеобразная культура которого была поздним цветком культуры общейяфетидской. Проводя от этой даты линию в прошлое, мы получаем, подтверждаемую данными археологии, эпоху конца 3-го и начала 2-го тысячелетия до Р. Х., т. е. опять те же времена, когда расцветали города-лабиринты на Крите. Из других надписей халдских и ассирийских царей мы узнаем названия других яфетидских царств, и среди них, как особо значительное, царство Урарту, позднее отождествляемое, конечно, географически, с Арменией. Процветание этих царств предшествовало халдо-вавилонскому могуществу, и различные косвенные данные позволяют заключить, что был период, когда яфетидские народы стояли в центре всего умственного движения современности, на далекое пространство, вплоть до берегов Иордана и до семиречья в Индостане.

Акад. Марр, в своих изысканиях, шел преимущественно филологическим путем. В VIII в. до Р. Х., в эпоху так называемого Киммерийского движения народов, царства Урарту, Наири и др. были завоеваны пришедшими из Европы фригийцами, народом арийской расы. Из слияния побежденных племен яфетидского корня и завоевателей арийцев возникли новые народы, в том числе армяне, а из смешения языка побежденных автохтонов с языком пришлых победителей возникли новые языки, в том числе армянский. Филологический анализ древнейших армянских говоров позволяет установить, какие идеи, представления и названия были настолько утверждены в языке местным населением, что были восприняты и пришлецами завоевателями, и какие, наоборот, были принесены в Азию из Европы. Такой анализ показывает, что в древнеармянских диалектах, яфетидского происхождения слова, означающие: небо, землю, воду, душу – дыхание, глаголы, выражающие душевные аффекты, названия растительного мира, термины обработки земли и строительства, именованья металлов, в том числе золота, серебра, меди, названия животных, связанных с культом, как бык, овца, вообще термины религии; далее – коренные армянские слова (а не вошедшие в язык позднее из языков персидского и сирийского) для понятий счета, числа, некоторые числительные и большинство терминов родового быта. Напротив, слова чисто арийского

происхождения мы находим в области военного дела, каковы названия оружия, воинов, и в области государственного строя и управления.

Все это позволяет заключить, что яфетиды, в культурном отношении, далеко превосходили покоривших их фригийцев. Народ, создавшийся из смешения победителей и побежденных, удержал в своем новом языке яфетидские корни почти для всего отвлеченного, духовного; арийские же термины для дела войны и правления могли быть приняты только потому, что фригийцы образовали в новом народе класс правителей и сословие воинов. С другой стороны, тот же филологический анализ показывает, как глубока и разно-стороння была яфетидская культура в эпоху борьбы с фригийцами: религия, семейные отношения, строительство, отвлеченные понятия числа, различие душевных движений и т. п., – для всего этого в языке яфетидов существовали подходящие термины, которым фригийцы не в силах были противопоставить более удобные или более тонкие[81].

Данные археологии подтверждают эти филологические выводы, но вместе с тем показывают, что культура яфетидов тоже не стояла особняком в современном ей мире[82]. К числу археологических находок последнего десятилетия, говорящих особенно красноречиво, принадлежат бронзовые обивки поясов, в большом количестве найденные при раскопке могильников в Елисаветпольской губернии (близ Калакента и Калабека), но также и в других местностях Кавказа, – близ Майкопа, в области Вана и т. д. По-видимому, такие пояса были широко распространены по всему Кавказу, и ряд данных (характер стиля, род предметов, находимых одновременно и т. п.) заставляет относить время их изготовления к 2-му тысячелетию до Р. Х. Сделанные из бронзы (что также указывает на «бронзовый век», предшествовавший «железному»), эти обивки покрыты богатым гравированным орнаментом, который, по стилю, по мотивам, по трактовке отдельных фигур, связывает эти кавказские изделия с искусством Эгейи и Египта. Самая форма поясов – та самая, какую мы видим на статуэтках позднеминойской культуры. В орнамент входят очень часто – излюбленная эгейскими художниками спираль, обычные у них розетки и фестоны, наконец, и крест с загнутыми концами (свастика). В целом это – точно такие же пояса, какие выделялись в Микенах, встречаются в Египте, найдены в руинах хеттских поселений (на статуе, изображающей одного хеттского царя X в.). Вполне возможно, что троянско-эгейский царевич Парис, когда похищал Прекрасную Елену из дворца отсутствующего царя Менелая, был подпоясан таким самым поясом, какие носили яфетидские вельможи на отдаленном Кавказе.

Но украшения поясов состоят не из одних геометрических форм – разного рода кривых линий, спиралей, зубцов, крестов, розеток; в орнамент входят также элементы растительного и животного мира, еще более подчеркивающие связь яфетидского мира с Эгейей и Египтом. На поясах нередко изображаются лошади, покрытые особой попоной-панцирем, с металлическими чешуйками и бляхами; точно такие же боевые панцири на лошадях изображаются на рисунках хеттов и египтян. Обычны в орнаменте поясов мотивы быков и птиц; те же мотивы повторены на вазах с Кипра, где процветала «позднеминойская» культура. На саркофагах того же Кипра встречается мотив сопоставления льва и змеи; этот же мотив воспроизведен и на поясах. Но всего изумительнее – изображения животных фантастических. Так, кавказские художники изображали то зверя с двумя головами на двух концах тела, то зверя, хвост которого заканчивался треугольными листками или змеиной головой, то еще зверя, у которого концы ног были не с когтями и не с копытами, а с головами грифонов. Совершенно такие же звери изображены на некоторых памятниках доисторического Египта, а очень на них похожие – на цилиндрах хеттов, на изделиях эгейцев и в искусстве этрусков. Изображение чудовища на одной эгейской пластинке, считаемое Минотавром, близко напоминает зверя с одного из кавказских поясов. Трудно допустить, чтобы «игра воображения» привела художников двух разных стран к одним и тем же фантастическим образам.

Гораздо вероятнее, что кавказские мастера или имели перед собою эгейские и египетские изделия, или что и египто-эгейцы и яфетиды следовали одним и тем же, третьим, образцам.

Недавно также, в Закавказье, обратили на себя внимание археологов огромные каменные рыбы-чудовища, называемые армянами «вишапы»; их находят, в довольно большом числе, в области Вана. Совершенно таких же рыб-драконов выделывали скульпторы древнейшего Египта. Армянин, видя в музее древнеегипетские изваяния, не может не воскликнуть: «Да ведь это – наши вишапы!» И Рамсес Великий, и Тигран Великий, одинаково, должны были считать этих рыб-чудовищ созданием своих предков. Рядом с «вишапами» часто находят оригинальные каменные плиты с изображением распластанной и перекинутой шкуры быка. Идентичные плиты опять встречаются в искусстве Египта, 3-го тысячелетия до Р. Х., эпохи Нар-Ме-Ра; у эгейцев же бык и все, относящееся к быку, имело значение религиозного символа. Так называемые «могилы великанов» на Алагязе (гора против Арарата) во многом заставляют вспомнить эгейские гробницы. В 1912 г., в Елисаветпольской губ., был найден один из красивейших поясов с орнаментом из ромбов, образованных спиралями. А около Вана (на возвышенности Топраккале) собраны обломки фриза какого-то храма с точно таким же орнаментом из ромбов, образованных спиралями. Но, рядом с этими ромбами, на фризе изображены фигуры быков, виноградные гроздья и листья, пальметки и цветы лотоса. Лотос – обычный цветок в Древнем Египте, мог быть воссоздан кавказским художником лишь под чужим влиянием. И если до сих пор не открыты на Кавказе изображения сфинксов, то это, может быть, простая случайность, так как сфинксы довольно обычны у подножия колонн в искусстве хеттов, к которому особенно близко художество яфетидов.

Остается напомнить библейский рассказ о Ноевом ковчеге, остановившемся на вершине Арарата. Быть может, в легенде скрыто зерно исторической истины: то было воспоминание о той исключительной роли, какую играли «царства Араратские» (тоже библейский термин) в культурной жизни ранней древности. По представлениям Библии, весь род человеческий вновь расселился по земле с Арарата, и, следовательно, оттуда разлилась вся земная цивилизация. Еврейские сказители, так видоизменившие халдейские предания о всемирном потопе, должны были помнить, что когда-то с Арарата лился к ним свет просвещения, что оттуда ждали они откровений науки и искусства. Народы, жившие вокруг Арарата, – яфетидские племена, – представлялись древнейшим евреям, как самые просвещенные среди всех других. Халдейские цари, сокрушив царства Наири и Урарту, разрушили один из древнейших на земле очагов цивилизации, и, вероятно, будущие раскопки на побережьях Ванского озера принесут науке столь же неожиданные откровения, как ожидаемые археологические открытия на другом конце земли, на крайнем западе Европы.

Как ни скудны пока данные, относящиеся к яфетидской культуре, они с несомненностью устанавливают ее связь с другими культурами Средиземноморья. Как во всех предыдущих примерах, связь эта только частью может быть объяснена прямым подражанием и заимствованиями. Воздвигая каменные плиты с распластанной шкурой быка, яфетиды, вероятно, не отдавали себе ясного отчета, что они делают; они подчинялись древней традиции, побуждавшей чтить (небесного) быка и шедшей из того же источника, которым было внушено быкопочитание минойцам. В образах «вишапов» и других фантастических чудовищ отразились предания глубокой древности; и яфетиды, и египтяне, и эгейцы, по традиции, повторяли эти причудливые изображения, уже не понимая их смысла, что и сохранило их идентичность на протяжении тысячелетий. Точно так же, в общности основных элементов орнамента, у кавказских народов и в эгейско-египетском мире (например, в пристрастии к фигуре спирали) нельзя не видеть, рядом с подражанием, традиционного воспроизведения образцов, освященных седой стариной. Конечно, художники и ремесленники отдаленного Кавказа могли учиться по образцам всемирно прославленного египетского искусства и по высокоценным произведениям эгейцев; но то было бы роковое совпадение, если бы, подражая, яфетидские мастера брали непременно самые существенные и самые древние черты чужого художества. Другие исторические примеры, в сходных случаях, показывают иное (например, подражание римского искусства греческому), и правдоподобнее искать единый общий исток яфетидского искусства и искусства эгейско-египетского.

Мир яфетидов – не единственный культурный мир этого типа, лежащий восточнее Месопотамии. Сходные выводы дало бы нам также рассмотрение культуры Элама и особенно древнейшей Индии. Но всего замечательнее, что те же «исторические аналогии» отмечены новейшими исследованиями и в культурах Дальнего Востока, у народов, расселившихся по берегам Тихого океана, т. е. у китайцев, японцев, племен Индокитайского полуострова, Малакки, некоторых островов Полинезии (острова Пасхи) и западного берега Южной Америки. Недавно появившаяся блестящая книга португальского ученого Феноллозе устанавливает, как отныне неопровержимый факт, что древнейшая, по его терминологии, «Тихоокеанская» культура захватывала огромное пространство, оказывая могущественное влияние на все народы, окружающие Тихий океан, и находясь в таинственных соотношениях с культурами Средиземноморья. Сам Феноллозе[83] склонен находить в культурах эгейской, египетской и эллинской следы непосредственного влияния на них культуры Тихоокеанской... Весьма вероятно, что исследователь, увлеченный своими, бесспорно, любопытными открытиями, заходит в своих выводах слишком далеко. Но что Дальний Восток не был чужд единству древнейших культур человечества, это теперь может считаться доказанным.

Таким образом, весь «Старый Свет», древнейшие культуры трех материков, Европы, Азии и Африки (в ее северо-восточной части), оказались связанными таинственными нитями «исторических аналогий». Но мы уже видели, что эта связь продолжается дальше: она перекидывается в «Новый Свет», захватывая народы Центральной Америки, майев, а через них и ацтеков. Книга Феноллозе прибавляет к этому связь Тихоокеанской культуры с древнейшей культурой Южной Америки[84]. Уже общность культур Старого Света, как мы видели, не может быть полностью объяснена взаимным влиянием народов друг на друга; присоединение же к этой семье народов американских настоятельно требует иного толкования. В этом факте загадка истории встает во весь свой рост, и историки или должны удовольствоваться скромным «ignotus» («нам это неизвестно»), или пойти навстречу отвергаемой ими старинной традиции о культурном мире, еще более древнем, нежели «ранняя древность». После беглого обзора культур «Старого Света», близость к ним культуры древнемексиканской становится особенно разительной: обнаруживается, сколькими разнообразными нитями древнейшая Америка была соединена с миром Средиземноморья, отделенным от нее непреодолимыми, в те времена, глубями океана.

В ряду аналогий Старого и Нового Света пирамиды занимают, конечно, первое место. Как мы уже говорили, между пирамидами Гизехскими и Мексиканскими есть местные различия. Мексиканские пирамиды, по большей части, не завершены: у них срезана верхушка, обращенная в площадку для религиозных церемоний. Но такие же усеченные пирамиды встречаются и в Египте и весьма распространены у этрусков. Мексиканские пирамиды, по высоте, уступают великим пирамидам 4-ой династии. Но эти громады являются исключением и в Египте; напротив, этрусские пирамиды, по размерам, вполне подходят к майским. Кроме того, на берегах Нила, в стране по преимуществу плоской, каменная гора представляет зрелище необычайное, привлекающее особое внимание; иначе было в Мексике, где проходит ряд горных хребтов, с пирамидальными пиками в несколько тысяч футов высоту, и в Италии, с ее Апеннинскими. Египетские пирамиды служили усыпальницами фараонам; этрусские пирамиды также воздвигались большей частью над гробницами; в майских пирамидах лишь изредка находят мумифицированные тела царей. Но мы уже называли, что служить гробницей было второстепенным назначением египетских пирамид: они были символами тайного учения. Рядом с этими, более кажущимися, нежели действительными отличиями, легко объяснимыми особенностями стран и народов, сколько неоспоримых и существенных сходств! И в Египте, и в Этрурии, и в Мексике, на четырехугольном основании возводятся четыре треугольника, обращенные вершинами к небу: символ вечного устремления души от земного в высь. И там, и здесь воплощение в камне первичных чисел: 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12... Эти числа являются внешним выражением целого мироздания и, вероятно, тесно связаны с астрологическими религиозными представлениями, составляя вывод из многовековых наблюдений над звездным небом[85]. Как египетские пирамиды, так и майские всегда

обращены одной определенной стороной на Восток и вообще ориентованы по меридиану данной местности. Внутри пирамид, и в Старом и в Новом Свете, устроены ходы и комнаты, в общих чертах, – по сходному плану. Техника постройки везде – одинаковая. Самое же важное то, что и для египтян, и для майев, и для этрусков пирамида – здание священное, особого рода храм, соединенный с идеей божества, и божества именно небесного, звездного.

Однако пирамиды – не единственная аналогия в культуре майев с культурами Старого Света. Мы упоминали, что в зодчестве майи пользовались, как египтяне, эгейцы и этруски, техникой «ложного свода». Специалисты находят поразительные совпадения в орнаменте майских строений с орнаментом египтян и эгейцев. Между прочим, майи употребляли, как элемент орнамента и как некий символ, тот же самый знак, который получил широкое распространение в Эгейе и был известен в Египте и на всем Востоке: крест с загнутыми концами (свастику). Испанцы-конкистадоры были крайне поражены, увидя на руинах древних зданий в завоеванных ими землях этот символ христианства, утвержденный народом, который никогда ничего не слышал о Христе. Первые проповедники христианства в Мексике пользовались тем уважением, каким был окружен этот символ у туземцев, чтобы доказывать всемирное значение крестной смерти Спасителя.

Далее, в письменах майев есть знаки, буквально совпадающие с знаками древнейшего санскрита: достаточно поставить рядом эти буквы, чтобы тожество стало несомненным. Один египетский медицинский папирус содержит методы лечения (снятия катаракта с глаза), совершенно одинаковые с методами ацтекских врачей, которые, по их признанию, заимствовали их у майев. Наконец, различные предметы, найденные в руинах майских городов, так называемые «американские древности», представляют множество сходных черт с памятниками «ранней древности» в Старом Свете: там – в орнаменте, там – в приемах ваянья, там – в самой форме сосуда, там – в употребленном символе и т. д. Но особенно поразительно, что календарь майев может быть удовлетворительно объяснен только на основании вавилонского счета времени. Вот что пишет по этому поводу один из лучших знатоков древней Вавилонии, Гуго Винклер: «В астрономических памятниках старого мира мы но имеем свидетельства о пользовании Венерой (планетой) для календаря, т. е. для установления циклов (исправляющих неравенство года солнечного и лунного). Наоборот, мексиканский счет времени – установление которого составляет содержание дошедших до нас больших кодексов – покоится исключительно на ней. Стоит только всмотреться в эту систему, чтобы увидеть, что она покоится на подобных же принципах (как вавилонская) и является, поэтому, составным элементом древневосточной, недостающие части которой она дополняет... Основой, „годом“, служит у мексиканцев период времени в 260 дней. Этот период объясняется, если разложим его на 13x20 единиц, которые можно сравнить с нашими неделями и месяцами. Число 20 указывает на связь с вавилонским лунным строем. Подчеркивая запретное на Востоке число 13, мексиканцы выдвигают на первый план звезду Венеру (Люцифера). Это значит: мексиканская система связывает обе в лунно-солнечной системе принятые системы календаря. Число же 260, относящееся к мексиканской системе, является, по-видимому, и основным числом, по которому считались библейские доисторические времена, а именно времена патриархов (Бытия, V, 11)».

Подобное истолкование этих, несколько запутанных, вопросов завело бы нас слишком далеко. Достаточно здесь отметить, что календарь майев, по авторитетному свидетельству, оказывается теснейшим образом связанным с астрономическим исчислением времени у вавилонян. Тот же историк приводит еще несколько сходных указаний на связь звездной науки Вавилона с фактами, открытыми в древнейшей Центральной Америке. Автор даже делает решительный вывод: «Вавилония была учительницей всего мира: не только старый мир, но и древние американские культуры

неведомыми путями получили оттуда свое знание». Присоединиться к такому выводу мы, конечно, не можем, потому что пути, по которым вавилонское знание могло проникнуть к майям, поистине «неведомы». История не позволяет думать, чтобы существовали какие бы

то ни было сношения между древней Месопотамией и древней Америкой. Поэтому, принимая установленные немецким ученым факты, мы обязаны искать им иное объяснение. Не «Вавилония была учительницей всего мира», но должны были существовать какие-то другие «учители», которые равно сообщили свои знания и Вавилонии и Мексике, и Старому и Новому Свету.

Последний вывод всего нашего обозрения – опять тот же самый. Та общность начал, которая лежит в основе разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур «ранней древности»: эгейской, египетской, вавилонской, этрурской, яфетидской, древнеиндусской, майской, а может быть, также Тихоокеанской и культуры южноамериканских народов, не может быть вполне объяснена заимствованиями одних народов у других, взаимным их влиянием и подражаниями. Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может правдоподобно объяснить замечательные аналогии между ними. Должно искать за пределами «ранней древности» некоторый «икс», еще неведомый науке культурный мир, который первый дал толчок к развитию всех известных нам цивилизаций. Египтяне, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями нашей, современной цивилизации. Кто же был их учителями? Кого же можем назвать ответственным именем «учители учителей»?

Традиция отвечает на этот вопрос. – Атлантида.

9. Атлантида

I. Традиция

Откуда идет традиция об Атлантиде?

Для нас древнейшим, письменным свидетельством остаются два диалога греческого философа Платона (429–347 г. до Р. Х.), т. е. сравнительно очень поздняя запись, IV в. до Р. Х., отделенная от самого бытия Атлантиды несколькими тысячелетиями. Платон, однако, ставит свои сообщения под авторитет гораздо большей древности. Об Атлантиде он рассказывает в двух своих разговорах: «Тимей» и «Критий». В обоих рассказ вложен в уста некоего Крития, но и тот передает предание не от своего лица, а как пересказ того, что, три поколения назад, сообщал и тогда же записал мудрец Солон. А Солон, в свою очередь, утверждал, что почерпнул свои сведения у египетских жрецов, когда жил и учился в Египте. Таким образом, традиция об Атлантиде возводится у Платона к египетским записям, которые могли преемственно восходить до 2-го и 3-го тысячелетия до Р. Х., ибо уже тогда египетская письменность достигла широкого развития. Все это дает эпоху, гораздо более близкую к тем временам, когда могли сохраняться достоверные устные предания об Атлантиде.

Что же рассказывали Солону египетские жрецы? – Быть может, самое замечательное – то, с чего они начали и что не имеет прямого отношения к Атлантиде. Египетские жрецы сообщили любопытному греку факт, ныне считаемый за неоспоримую историческую истину, но в свое время не известный ни Солону, ни Платону, записавшему его рассказы, ни позднейшим ученым, издателям и комментаторам Платона, – именно, что эллины являются свежим цветком на древе человечества и что задолго до событий, о которых повествуют их народные предания – мифы, в Элладе уже стояли сильные государства и жил просвещенный народ. Что это, действительно, было так, европейская наука убедилась лишь недавно, после

открытия эгейской культуры. Теперь мы знаем, что до прихода в Грецию эллинских племен, в Микенах, в Тиринфе и в самой Аттике, на родине Солона, процветала богатая и сложная цивилизация эгейцев. Но сами эллины ничего определенного об эгейцах не помнили, считали древнейшими насельниками Эллады мифических пеласгов, приписывали роскошь «золотых» Микен своим предкам. Итак, сообщение египетских жрецов начиналось с настоящего откровения. Это ни в коем случае не измышление Платона, который явно передавал древнее предание, сохраненное все равно Солоном или кем другим, не понимая подлинного значения этого предания, как не понимали его, до последнего времени, и европейские ученые. Но если сообщение начиналось с истины, – есть основание с известным доверием относиться и к дальнейшим словам египетских жрецов.

Указанное сообщение содержится в диалоге «Тимей»[86]. В нем некто Критий (главное действующее лицо диалога) передает мнение своего деда, по имени тоже Критий, что Солон оказался бы величайшим из эпических поэтов, если бы всецело посвятил себя поэзии, а не занимался ею только между делом[87]. «Славы его, говорил Критий старший, тогда не превзошел бы ни Гесиод, ни Гомер, ни кто другой среди поэтов». Особенно восхвалял Критий-старший ту поэму, сюжет которой Солон привез из Египта, но которой он не закончил. Она должна была повествовать «о величайшем из подвигов, когда-либо совершенных Афинами». По словам Крития, «этот подвиг должен был бы остаться и самым знаменитым, но время и смерть тех, кто его совершил, не позволили преданию дойти до наших дней». Последнее объяснение, конечно, неубедительно: иначе все древние подвиги должны были бы изгладиться из памяти людей. Дело в том, что ни Солон, ни предполагаемый Критий, ни даже Платон не знали, что в ту эпоху, к которой относили они «величайший из подвигов афинян», Элладу населяли еще не эллины. Предание, сохранившееся в Египте, могло относиться к Аттике, но никак не к предкам «афинян». Героем подвига должно было быть одно из эгейских племен, жившее в Аттике, на месте будущих Афин. И не «время» было причиной, чтобы предание о подвиге забылось среди эллинов, а то, что оно принадлежало иной расе. Может быть, в летописях эгейцев известие о древнем событии и было записано, но эллины уже не умели читать минойских письмен. Вот почему Солону пришлось через Египет узнавать факты из древнейшей истории родной ему Аттики.

В связи с таким (кажущимся) неведением афинян о национальной старине, Платон и заставляет египетского жреца сказать Солону: «Вы, эллины, всегда останетесь детьми, эллин никогда не будет старцем. Вы все молоды душой, у вас нет никаких поистине древних преданий и никакой науки древней по времени». Напротив, египтяне, по словам жреца, действительно древний народ; по разным причинам, Египет уцелел от мировых потопов («которых было несколько», говорит жрец) и других стихийных катастроф. Поэтому в Египте сохранились свидетельства об истинно древних событиях. «Все, что мы знаем, утверждает жрец, о славных, великих и вообще замечательных событиях у вас (т. е. у афинян) или в других странах, все это у нас записано и хранится с древнейших времен в наших храмах». К числу таких, издревле записанных известий, сохраняемых в храмовых библиотеках и архивах, принадлежит и сообщение о «величайшем подвиге» афинян, который Солон хотел сделать сюжетом своей эпопеи. Этот подвиг – не что иное, как

победоносная борьба с царем Атлантиды. Итак, Платон всячески настаивает, что источники его сведений восходят к эпохе, близкой к самому событию, являются чуть ли не летописью, веденной современником[88].

По вычислению жреца, собеседника Крития, Саис в Египте был основан через 1000 лет после Афин. От основания Саиса, согласно с храмовыми архивами, прошло (до дней Солона) 8000 лет. Итак, первые Афины (эгейский город на месте Афин, в Аттике) были построены, по египетским данным, около 9600 г. до Р. Х., – дата, для нас вряд ли приемлемая. Но жрец далее говорит, что за эти девять тысячелетий афиняне совершили много славных подвигов, память о которых также записана в священных книгах (египтян), тот же подвиг, который пленил Солона, был одним из последних перед катастрофой, уничтожившей древние

(первые, эгейские) Афины. Это рассуждение позволяет нам значительно сократить число тысячелетий и, принимая рассказ жреца (или Платона), не выходить за исторические пределы 4-го или 5-го тысячелетия до Р. Х. Впрочем, египетские историки вообще были слабы в хронологии. Единой эры в Египте не было принято, счет велся по годам правления фараонов, и даже в истории самого Египта крайне трудно установить точные даты. Поэтому нельзя удивляться неопределенности в вычислении времени, когда произошло столкновение древних Афин с царем Атлантиды.

«В наших книгах сказано, начинает жрец свой рассказ, какую мощную армию сокрушили Афины, надменно напавшую на всю Европу и Азию, придя из-за Атлантического моря (океана). Ибо это море было тогда пригодно для мореплавания, и был перед проливом, который вы (афиняне) называете Столбами Геракла (Гибралтарский пролив), остров, больший, чем Либия (Африка) и Азия, взятые вместе. С этого острова легко можно было переправиться на другие, а с них на твердую землю (материк), окружавшую это море. То, что находится за проливом, похоже на гавань с узким входом, но это – подлинное море, и окружающая его земля – подлинный материк. На этом острове, Атлантиде, властвовали цари, с великим и дивным могуществом; под их властью был весь остров и многие другие острова, как и некоторые части материка. Помимо того, по сю сторону (Гибралтарского пролива), они царствовали над Либией (Африкой) вплоть до Египта, и над Европой, вплоть до Тиррении (т. е. до Тирренского моря, до Этрурии, иначе – над Испанией и Францией). Вся эта власть объединилась в одну, чтобы поработить одним ударом нашу страну (Египет), вашу (Грецию) и все народы, живущие по сю сторону пролива. Тогда-то проявилась пред всеми доблесть и мощь вашего города (Афин). По своему значению и превосходству в делах военных, Афины получили главное начальство над всеми эллинами (эгейцами). Но так как племена не могли (немедленно) принять участие в борьбе, Афины одни пошли на великую опасность и, победив врагов, заслужили трофеи: кто еще не был поработан, тех Афины спасли от рабства, а всем другим, живущим, как и мы, по сю сторону Столбов Геракла, великодушно даровали свободу. Позднее, при великом землетрясении и потопе в один день и одну роковую ночь, остров Атлантида исчез в океане. Поэтому море в том месте стало недоступным для плавания, по причине огромного количества ила, оставшегося на месте (опустившегося на дно) острова».

Таков рассказ в «Тимее». Из него можно извлечь следующие важнейшие факты: в Атлантическом океане, между Европой и другим «материком» (Америкой), существовал большой остров (эллины представляли себе Азию и Африку гораздо меньше их действительных размеров, так что определение: «больше Либии и Азии, взятых вместе», означает просто «большой остров». Народы, населявшие этот остров, властвовали над соседними, над частью Америки (культура майев), над Западной Африкой (культура иорубов, о которой далее) и над Западной Европой, именно над Испанией (откуда, вероятно, были родом эгейские племена) и над Францией (друидическая культура) вплоть до Италии (культура этрусков). Различные царства Атлантиды сделали попытку распространить свое владычество далее на Запад, для чего образовали военный союз, но были побеждены народом, населявшим Грецию. Позднее Атлантида, во время какого-то великого катаклизма, погибла, опустилась на дно океана, который стал с того времени недоступным для мореплавания. В рассказе этом нет никаких внутренних противоречий и, по существу, он не только вполне приемлем для историка, но даже бросает свет на многие темные вопросы древности, каковы, например, аналогии в культурах эгейцев, этрусков, друидов, майев и т. д.

В другом диалоге Платона, оставшемся незаконченным, «Критий», от лица того же Крития-младшего, излагается уже не рассказ египетского жреца, а поэма Солона, написанная со слов этого жреца. Самые события переданы совершенно так же, как в «Тимее». «Согласно с египетским преданием, говорится в „Критий“, возникла общая война между народами, живущими по сю и по ту сторону Столбов Геракла. Во главе первых (народов европо-азиатского мира) стояли Афины, и они одни окончили всю войну. Во главе других – цари острова Атлантиды. То был остров больший, чем Либия и Азия, который опустился на

дно вследствие землетрясения, так что на его месте в океане встречаются лишь ил, останавливающий мореплавателей и делающий море недоступным (для кораблей)». Это ядро рассказа окружено обширными добавлениями. По обычаю греческой эпопеи, начинается поэма с деяний богов, поделивших между собою всю землю, причем Атлантида досталась Посейдону. Затем идет подробнейшее описание Атлантиды, ее географического положения, физического строения, ее флоры, фауны, ископаемых богатств, наконец, ее населения и обзор истории Атлантиды. Именно на исторической части диалог обрывается, и наиболее любопытная его часть, – ближайшие по времени события, – осталась недописанной, как недописана была и поэма Солон. В описание Атлантиды вставлено описание Афин и их государственного устройства, в ту же эпоху, причем в этом последнем описании многое вполне соответствует тому, что мы знаем об эгейцах и их культуре. Так, например, город Афины представлен в виде огромного «общего дома», что напоминает критские лабиринты, сказано, что женщины были равноправны с мужчинами, что вполне в нравах эгейцев и т. п. Эта вторая проверка сведений, сообщаемых Платоном, дает новый повод отнестись с некоторым доверием к его известиям об Атлантиде.

Приступая к описанию Атлантиды, Платон предупреждает, что как название самого острова, так и все другие собственные имена в его рассказе – не подлинные, а перевод на греческий язык. Дело в том, что египтяне, которые первые писали историю Атлантиды, перевели атлантские имена на свой язык. Солон не видел надобности сохранить египетские названия и вторично перевел их по-гречески. Так возникли чисто греческие слова «Атлантида» или «Посейдония» (как также называли остров по его первому властителю, Посейдону), имена греческих божеств, Посейдона и др., выбранные в соответствии с названными египетскими богами и т. п. В дальнейшем рассказе все названия – также греческие: Евенор, Левкиппа, Евмен, Автохтон и др. Особенно много этих имен в первой части описания, где излагается миф о Посейдоне и его потомстве, заселившем Атлантиду и основавшем, с течением времени, на ней 12 царств. Только один раз Платон приводит подлинное, «атлантское» имя «Гадейр», добавляя: «в греческом переводе – Евмен». Специалисты-филологи находят в имени «Гадейр» семитический корень, давший финикийское название одного растения.

Описывает Платон Атлантиду уже в том ее состоянии, какого она достигла после нескольких тысячелетий культурной жизни, когда на острове было уже много отдельных царств, множество богатых городов и огромное население, исчисляемое миллионами. По-видимому, описание имеет в виду последнюю эпоху в истории Атлантиды, незадолго до ее гибели. Ввиду важности этого описания, мы приведем его, по возможности целиком, за исключением только некоторых подробностей.

«Многое, говорит Платон (или Критий, или Солон, или, наконец, египетский жрец, рассказывавший Солону), приходило к атлантам (так называет Платон жителей Атлантиды) извне, ввиду обширности их власти (т. е. из чужих краев и из колоний в Африке и Европе); но остров сам производил почти все, нужное для жизни. Во-первых, все металлы, твердые и легкоплавкие, годные для обработки, в том числе тот, который ныне мы знаем лишь по названию: орихалк (точнее: орейхалк); залежи его находили во многих местах острова; после золота то был самый драгоценный из металлов[89]. Остров доставлял для ремесел все нужные материалы. Жило на острове большое количество домашних животных и диких зверей, между прочим, много слонов (об этом последнем факте – дальше). Всякого рода животным остров давал обильное пропитание, как живущим в болотах, озерах и реках или на горах и в равнинах, так и этим (слонам), хотя они огромны и прожорливы. Производил и доставлял остров все ароматы, ныне произрастающие в разных странах, корни, травы, сок, текущий из цветов и плодов. Имелся там также плод, дающий вино (виноград), и тот, который служит пищей (хлебные злаки), вместе с теми, которые мы тоже употребляем в пищу, называя общим словом – овощи; были еще плоды, дающие одновременно питье, пищу и благовония (кокосовые орехи?), плоды с корой, трудно сохраняемые и служащие для забав детей (какие-либо орехи?), сладкие плоды, которыми мы пользуемся на закуску, чтобы

оживить аппетит, когда желудок уже наполнен[90]. Таковы были божественные и удивительные богатства, какие, в неисчислимом количестве, производил этот остров».

После такого физико-географического описания Платон продолжает: «При таких щедротах почвы, жители строили храмы, дворцы, порты и гавани для судов и постарались украсить свой остров следующим образом...» Далее идет описание столицы Атлантиды и ее политического устройства настолько точное и подробное, что трудно отказаться от мысли, не взято ли оно из отчета какого-нибудь путешественника-очевидца. У Платона не было поводов измышлять это описание, так как оно не нужно для целей диалога (изобразить идеальное государственное устройство, своего рода «Утопию»), и многие черты в описании слишком характерны, чтобы быть измышленными. При чтении остается впечатление, что в распоряжении Платона был богатый и интересный материал, соблаздивший философа: он не устоял перед соблазном и увлекся пересказом, даже в ущерб стройности своего диалога. Иначе трудно объяснить длинную вставку, прерывающую ход мыслей Крития. Еще раньше (пересказывая миф о Посейдоне и некоей Клейто, его супруге, которые были первыми владыками Атлантиды) Платон сообщил, что вокруг царского дворца было вырыто три концентрических рва, наполненных водою (канала), так что дворец стоял как бы на внутреннем островке. Эти три, огромных по протяжению, канала образовывали естественно четыре части твердой земли; 1) остров, где стоял дворец, 2) круговую полосу земли («вал» или «плотину») между третьим, наименьшим, каналом и вторым, 3) такую же полосу между вторым каналом и первым, наибольшим, и 4) полосу земли от первого канала до моря или в глубь страны[91]. Теперь Платон продолжает: «Первой заботой жителей было перекинуть мосты через каналы, окружавшие древнюю столицу, и установить таким образом сообщение между царским дворцом и остальной страной... От моря до внешней ограды города был выкопан канал, шириною в 3 плеора, глубиною в 100 подов и 50 стадий в длину[92]. Чтобы в канал можно было войти прямо из моря, как в гавань, был оставлен вход, пригодный для самых больших кораблей. Через пространства земли, которые разделяли между собою каналы (окружающие город), были прокопаны, рядом с мостами, проходы, достаточно широкие для прохода триеры (большого корабля). Так как с каждой стороны этого прохода земля поднималась достаточно высоко над уровнем моря, то были перекинуты с одного края на другой крыши, позволявшие кораблям плыть под прикрытием. Наибольшие из круговых проходов, те, которые сообщались с морем, были в 3 стадии ширины, как и часть земли, шедшая за ними. Два следующих окружения, один – воды, другой – земли (т. е. следующий, второй, канал, и полоса земли между ним и третьим каналом), имели, то и другое (т. е. и вода в канале и полоса земли), по две стадии. Последний (третий, самый меньший) канал, окружавший остров, был только в одну стадию ширины. Наконец, самый остров, где находился дворец, имел в диаметре 5 стадий».

«Этот (внутренний) остров, пространство земли и прокоп, имевший 1 плеор в ширину, были кругом обнесены каменной стеной; в стене были устроены башни и входные крытые ворота, под которыми был проход в море. Для этой постройки пользовались камнями белыми, черными и красными, которые добывались из самой толщи острова, и из двух сторон, внешней и внутренней, валов (плотин). Вместе с тем, были выкопаны для кораблей внутри два глубоких бассейна, которым самые скалы служили крышей. Из этих сооружений одни были сделаны из одного рода камней, а в других, чтобы придать им естественное украшение, смешивали цвета для удовольствия глаз. Вся внешняя стена была, в виде покрытия, облицована медью; второе окружение – листовым оловом, а берега (внутреннего) острова – поясом из орихалка, сверкавшим, как огонь».

Платон переходит к описанию дворца. «Цари, преемственно владевшие дворцом, говорит он, непрерывно его украшали, причем каждый старался превзойти своего предшественника, так что нельзя было видеть это здание, не изумляясь величине и красоте работ... Посреди кремля был храм Посейдону и Клейто, старинное святилище, окруженное стеной из золота. В нем, по преданию, они (Посейдон и Клейто) зачали и родили 10 родоначальников царских

династий (10-ти царств, на которые делилась Атлантида). Поэтому ежегодно 10 провинций (царств) государства приносили этим божествам в дар новину (первый сбор плодов). Храм Посейдона (т. е. местного бога морей) имел в длину стадию, в ширину 3 плеора и соответствующую высоту. Но в его внешности было что-то варварское. Весь храм снаружи был выложен серебром, кроме акротерий (украшения над фронтоном), а они были из золота; внутри свод был покрыт слоновой костью, украшенной золотом и орихалком. Было там много золотых статуй. Одна изображала бога, правящего с высоты колесницы шестеркой крылатых коней; статуя была так велика, что ее голова касалась храмового свода. Вокруг сидело 10 nereid (т. е. местные низшие богини моря) на дельфинах... Было еще много других статуй, принесенных в дар частными лицами. Вокруг храма стояли золотые статуи царей и всех цариц, происходивших от 10 сыновей Посейдона, и другие, принесенные в дар царями и гражданами, как из города, так и из подвластных ему стран. Алтарь был по величине и по работе достоин этих чудес, и весь дворец соответствовал величию государства и богатству украшений в храме».

«Два неисчерпаемых источника, продолжает свое описание Платон, удовлетворяли все потребности (города): один горячий, другой холодный, замечательные по приятности и целебной силе воды. Кругом были построены дома и посажены деревья, красиво расположенные по берегу канала. Для купанья были водоемы, открытые и, для зимнего времени, закрытые; были особые – для царской семьи и для частных лиц; еще другие – отдельно для женщин, и еще – для лошадей и вьючных животных; каждый из них был расположен и украшен согласно своему назначению. Вода, выходящая из этих водоемов, была направлена для орошения леса Посейдона, где плодородие почвы производило деревья удивительной высоты и красоты; остальная вода была проведена вдоль мостов по акведукам на полосы твердой земли (между каналами). На этих полосах твердой земли или валах, которые образовывали как бы тоже острова (ибо были заключены между водой каналов), находились храмы многим богам, сады, гимназии, именно, ристалища для мужей – на одном, для коней – на другом. На середине большего из этих островов находился большой ипподром, шириною в стадию, а что до длины, то дорожка для лошадей составляла весь круг острова. С той и с другой стороны поднимались казармы для воинов. Войско, на которое особенно рассчитывали, имело, однако, свое местопребывание на первом из круговых островов, самом близком к кремлю, а избранный, преданный отряд жил в самом кремле, подле дворца. Внутренние гавани были покрыты кораблями и снабжены в полном порядке нужными приспособлениями и провизией.

За городом, за пределом трех каналов, трех оград и образованных ими портов, была еще круговая стена. Она начиналась у моря и, идя по кругу наибольшей ограды и ее порта на протяжении 50 стадий, закрывала в той же точке вход в канал со стороны моря. Это пространство было наполнено множеством домов, близко стоявших один от другого. Канал и наибольший из портов были покрыты судами и купцами, приезжавшими со всех концов света, коих толпа производила днем и ночью смесь всех языков и постоянный гул». (Это ли, заметим в скобках, не рассказ очевидца!)

После описания столицы Платон переходит к описанию всей страны. «Остров (Атлантида), говорит он, был очень возвышен над уровнем моря, и берег поднимался недоступным обрывом. Кругом столицы простиралась равнина, окруженная горами, доходившими до моря. Поверхность равнины была гладкая и ровная, форма – продолговатая: с одной стороны в ней было 3000 стадий, а от центра до моря – 2000 стадий. Вся эта часть острова была обращена на юг и защищена от северных ветров. Окружающие горы превосходили, по рассказам, числом, высотой и красотой все, что можно видеть ныне. По равнине было расположено много селений, весьма богатых и очень населенных. Она орошалась озерами и речками и была покрыта лугами, представлявшими прекрасные пастбища для животных диких и домашних. Многочисленные и разнородные леса давали разнообразный материал для всякого рода работ и поделок. Вот что природа и долговременные старания царей (т. е.

культура) сделали из этой счастливой равнины».

«Ее форма была длинный четырехугольник, с почти правильными сторонами; в тех местах, где правильность (фигуры) была не совершенная, природа была исправлена тем, что был выкопан ров, окружавший всю равнину. Что до глубины и ширины этого рва, то трудно повторить то, что сообщают, при сравнении с другими работами рук человеческих. Передам лишь то, что мне самому (т. е. Солону) говорили. Ров был глубиною в плеор, шириною везде в стадию, а длина его обнимала всю равнину, т. е. равнялась 10 000 стадий. Этот ров принимал в себя все воды, стекавшие с гор, и описывал круг кругом равнины; два его края примыкали к столице, и отсюда он изливался в море. От одной стороны этого рва исходили другие в 100 подов, перерезывавшие равнину по прямой линии и впадавшие в ров, соседний с морем; эти меньшие рвы были отделены один от другого пространствами в 100 стадий. Еще другие рвы, пересекавшие первые наискось и направлявшиеся к городу, служили для сплавки леса с гор и для перевозки других продуктов страны, смотря по времени года. Притом, каждый год снималось две жатвы, ибо земля была оплодотворяема зимою дождями, а летом орошаема водою из каналов». (Описанные рвы, которые образовывали на равнине правильную сеть, были, очевидно, системой орошения, дававшей полям влагу в жаркие месяцы года.)

Далее у Платона следует исчисление народонаселения Атлантиды. Он исходит из того контингента войск, какой могла поставить страна. «Было установлено, говорит он, что каждый участок равнины выбирал и поставлял одного начальника, а каждый такой участок имел 100 стадий, и всего считалось 60 000 участков (образованных пересечением каналов). Жители гор и других частей государства были, говорят, неисчислимы. Их также разделили, сообразно с местностями и селениями, на отдельные участки, из коих каждый имел своего начальника. Каждый из начальников поставлял одну шестую часть боевой колесницы, дабы число колесниц было 10 000. Они поставляли, кроме того, двух лошадей с их всадниками, запряжку двух лошадей без колесницы, воина, вооруженного малым щитом, другого для управления лошадьми, двух тяжеловооруженных пехотинцев, двух лучников, двух пращников, двух легковооруженных пехотинцев, воинов, вооруженных камнями, других – дротиками, по три каждого рода, и четырех моряков для флота в 1 200 судов. Такова была военная организация страны, главного царства. Что касается 9 других провинций (вассальных царств), то каждая имела свои особые установления». (Если подсчитать цифры, даваемые Платоном, окажется, что главное царство Атлантиды могло выставить армию в 1 210 000 человек, – количество, которое не может изумить в наше время, но которое представлялось непомерным в эпоху, когда писался диалог.)

Последнюю часть описания составляет краткое изложение конституции Атлантиды. «Каждый из 10 царей имел в своем участке (царстве) власть абсолютную над людьми и большею частью законов; он мог, по своему усмотрению, налагать всякого рода наказания и даже приговаривать к смерти. Что касается общего правления островом (Атлантидой) и отношений между царями, то здесь действовала воля Посейдона (т. е. традиция, идущая из глубокой древности), сохраненная в законе и вырезанная первыми царями на орихалковой колонне, которая находилась в середине острова, в храме Посейдона. Цари собирались на совет, поочередно, после истечения пятилетия и шестилетия, дабы чередовалось четное и нечетное число [93]. На этих советах обсуждались общегосударственные дела, рассматривалось, не нарушил ли кто-нибудь (из царей) закон, и судился его поступок. (Здесь следует подробное описание самого обряда суда, которое мы опускаем.) Свои решения цари писали на золотой дощечке, которые вешались на колоннах храма, чтобы они служили памятником потомству. Было много других законов, относящихся к отдельным царям; вот главнейшие. Им было запрещено воевать друг с другом; все должны были соединяться против того, кто попытался бы изгнать из его царства одного из царского рода; должны были все соединяться и для того, чтобы, как их предки, сообща судить о войне и других важнейших делах; высшая власть должна была всегда оставаться за прямым потомством Атланта

(предполагаемого старшего сына Посейдона и Клейто); главный царь не мог приговаривать к смерти никого из своих родственников без согласия большинства всех царей и т. д.».

«Такова была, говорит Платон в последней из написанных глав диалога, огромная мощь, которая возникла в этой стране и которую божество направило против нас (поход атлантов на Элладу). В течение многих поколений, пока жители Атлантиды сохраняли нечто от своего божественного происхождения, они повиновались законам и чтили божественное начало, общее им всем; их души, привязанные к истине, открывались лишь для благородных чувствований; их благоразумие и умеренность блистали во всех обстоятельствах и во всех их отношениях между собою. Не зная других благ, кроме добродетели, они мало ценили богатство и без труда почитали бременем золото и множество преимуществ такого рода. Не обольщаясь радостями богатства и не теряя власти над собой, они придерживались умеренности во всем; они прекрасно понимали, что согласие с добродетелью увеличивает прочие блага и что слишком настойчиво ища их, теряешь и добродетель с ними. Пока они (атланты) следовали этим началам и пока божественное начало в них господствовало, все им удавалось. Но когда божественная сущность начала изменяться в них по той причине, что так много раз соединялась с человеческой природой, и человеческое взяло верх в них, они, не будучи в состоянии выносить полное благополучие, стали вырождаться... Тогда Зевс, бог богов, кто правит согласно со справедливостью, и от кого ничто не скрыто, видя развращенность этой расы, когда-то столь добродетельной, захотел наказать ее... Он собрал всех богов в небесном святилище, находящемся в центре мира, откуда он правит всем, относящимся к роду живых, и собравшимся сказал так...»

На этих словах диалог обрывается. По-видимому, окончание не утеряно, но вовсе не было написано Платоном. Дальше, после эпической сцены совещания богов, в духе Гомера, должен был следовать рассказ о походе десяти соединившихся атлантских царств на Запад, с целью покорить своей власти Египет и Элладу, и о борьбе с атлантами древнейших жителей Аттики («афинян», по терминологии Платона). Этот рассказ мог сохранить драгоценнейшие сведения, дошедшие через египетскую традицию, как об атлантах и их военной организации, так и о древнейших эгейцах материка... К сожалению, этого рассказа мы не имеем и никогда иметь не будем. Остается довольствоваться тем, что нам дано. Описание Атлантиды, сделанное Платоном, включает в себе множество подробностей, крайне характерных и представляющих величайший интерес. Необходимо рассмотреть их внимательно, чтобы решить, что в описании приходится отнести на долю вымысла, и что можно считать отголоском, хотя бы искаженным, исторической правды.

II. Критика традиции

Огромный авторитет Платона заставил, конечно, давно обратить внимание на его сообщение об Атлантиде. Мнения комментаторов диалога разделились. Но лишь немногие согласны были видеть в рассказе философа передачу чужого материала: большинство склонялось к мысли, что все описание Атлантиды – миф, измышленный самим Платоном; отвергали не только существование египетского жреца или египетской книги, давшей материал для рассказа, но и существование поэмы Солона. Короче, рассказ об Атлантиде признавался сказкой, и таково поныне преобладающее мнение в науке. Нам, однако, кажется, что оно подлежит пересмотру, что есть много оснований смотреть на сообщение Платона совершенно иначе. В противность большинству историков, мы считаем два диалога Платона, «Тимей» и «Критий», важными

историческими свидетельствами, сохранившими для нас весьма древнюю традицию, в основании которой лежат исторические факты.

Рассказ об Атлантиде, правда, не является чем-либо исключительным в сочинениях Платона. У него встречаются и другие описания фантастических стран, облеченные в форму мифов. Но ни один из таких рассказов не обставлен, подобно описанию Атлантиды, ссылками на источники. Платон, как бы предвосхищая будущие сомнения и возражения, заботится указать на происхождение своих сведений с наибольшей точностью, какую только знали античные историки. Притом дважды, в двух равных диалогах, Платон повторяет одни и те же указания: предание об Атлантиде пересказывает Критий-младший; этому Критию сообщил предание его дед, Критий-старший; а тот, в свою очередь, узнал его от Солона; наконец, Солон слышал предание от египетского жреца. Этого мало: устный рассказ подтверждается письменными свидетельствами. Египетский жрец черпал из «священных книг, хранящихся при храмах», т. е. из храмовых архивов. Солон, услышав рассказ, тотчас его записывал, Критий читал и перечитывал эти записи Солона. Таким образом, речь идет не о рассказе по памяти, в котором многое может быть спутано, а о предании литературном, восходящем к записям едва ли не современников.

Далее, другие мифы Платона все – гораздо фантастичнее. Это и естественно: создавая поэтическую сказку для иллюстрации своей философской мысли, Платон не имел причины обуздывать воображение. Он придумывает, например, известную аллегория о людях, сидящих всю жизнь скованными в пещере, – очень красивую, истинно символическую, но безусловно невероятную, немыслимую в реальной жизни. Совершенно иного характера рассказ об Атлантиде. В нем нет ни одной чисто сказочной черты, ничего, чего не могло бы быть в действительности. Мало того: даже рассказы путешественников того времени зачастую гораздо менее правдоподобны. Среди греков ходили самые невероятные вымыслы об отдаленных странах, и этим фантастическим сведениям нередко давали место в своих книгах историки, географы и натуралисты. Достаточно вспомнить, что писали, вскоре после Платона, историки Александра Великого об Индии и других землях Центральной Азии! Между тем в рассказе об Атлантиде – трезвое описание явлений, среди которых нет ни одного, которое было бы само по себе невозможно.

Наконец, как уже было отмечено, предположение, что весь рассказ вымышлен Платоном, опровергается его началом, где явно идет речь об эгейцах. Было бы невероятно, если бы Платон, дав волю своей фантазии, нечаянно совпал бы с исторической истиной. Платон, как и все греки, ничего не знал об эгейских царствах, которые на почве Греции предшествовали эллинским. Поэтому у Платона не могло быть никаких оснований к тому, чтобы вымышлять сильное государство в Аттике за много веков до начала греческой истории. Напротив, египтянам, которые находились в постоянных и оживленных сношениях с эгейцами, были хорошо знакомы их государства. Таким образом, весьма вероятно, что сведения Платона происходят действительно из египетских источников. Остается добавить, что самая манера речи Платона указывает на пересказ чужих слов. Платон несколько раз повторяет: «Как говорят», «то, что мне сообщали», сам критикует передаваемые сведения, говоря, например, что им трудно верится и т. п. В других диалогах Платона этого нет, или, по крайней мере, нет в такой определенной форме.

Но всего убедительнее доводы внутренние, почерпаемые из самого описания и из полного соответствия его всем другим отрывочным сведениям и догадкам, какие у нас есть относительно Атлантиды[94]. Достаточно принять, как гипотезу, как предпосылку, что традиция права, что существовал в глубокой древности, предшествовавшей Египту и Эгее, великий культурный мир, оплодотворивший все древнейшие цивилизации Запада и Востока, чтобы все подробности в рассказе Платона получили свой смысл и свое объяснение. Многие из того, что самому Платону кажется сомнительным, что он передает с оговорками, делается понятным и естественным при таком предположении. Данные, сообщаемые Платоном (или, вернее, египетскими храмовыми архивами), удивительным образом согласуются с тем, что мы должны были бы а priori ожидать от тех, кого называли «учители учителей». Исторические несомненные факты подтверждают рассказ Платона, а этот рассказ объясняет исторические

факты и дает ключ к целому ряду исторических загадок. Если допустить, что описание Платона – вымысел, надо будет признать за Платоном сверхчеловеческий гений, который сумел предугадать развитие науки на тысячелетия вперед, предусмотреть, что когда-то ученые историки откроют мир Эгейи и установят его сношения с Египтом, что Колумб откроет Америку, а археологи восстаноят цивилизацию древних майев, и т. п. Надо ли говорить, что, при всем нашем уважении к гениальности великого греческого философа, такая прозорливость в нем нам кажется невозможной и что мы считаем более простым и более правдоподобным другое объяснение: в распоряжении Платона были материалы (египетские), шедшие от глубокой древности.

Начнем наш анализ с географического положения, даваемого Платоном Атлантиде. По его словам, остров лежал за Гибралтарским проливом, следовательно, между Европой и Америкой. Об Америке Платон не мог ничего знать. Между тем он определенно говорит, что с острова Атлантиды можно было переправиться к Западу, на материк, т. е. именно в Америку. Если бы Платону было нужно измыслить остров Атлантиду исключительно для изображения фантастической страны с идеальным государственным устройством, не было бы никакой надобности придумывать, кроме самого острова, еще какой-то западный материк. Явно, что описание составлено не одной игрой воображения, но на основании определенных данных. Позднее мы увидим, что данные геологии подтверждают предположение, что в недавние сравнительно времена в Атлантическом океане, между Европой и Америкой, находился обширный кусок суши, позднее опустившийся под воду. Теперь же отметим только то обстоятельство, что географическое положение Атлантиды прекрасно объясняет аналогии, отмеченные в культурах Старого и Нового Света. Расположенные в одинаковом расстоянии от Европы и от Америки, жители Атлантиды могли равным образом оказывать влияние на ту и на другую. Берега Пиренейского полуострова, где находилась прародина эгейцев, и берега Мексики, где жили древнейшие майские племена, были одинаково доступны атлантам.

Влияние Атлантиды на оба материка предполагает существование у атлантов хорошего флота. В описании Платона определенно сказано, что в гавани столицы атлантов находились «корабли со всех концов земли» и что военный флот Атлантиды состоял из 1200 судов. Косвенно это сообщение подтверждается тем фактом, что испанцы еще застали у ацтеков большой флот из хорошо оснащенных судов. Культура же ацтеков была только тенью культуры майев, которая, в свою очередь, должна была быть ничтожна в сравнении с культурой атлантов, «учителей» майев. Кроме того, самое положение Атлантиды, острова, находящегося между двумя большими материками, должно было естественно вызвать у местных жителей развитие мореплавания. Было бы странно и противоречило бы всем историческим примерам, если бы островные жители не были хорошими моряками. (Напомним, что Атлантида была именно остров, хотя и большой.[95])

Описание флоры и фауны Атлантиды, сделанное Платоном, вполне соответствует тому, что можно ожидать от субтропической страны, лежавшей, по-видимому, к северу от экватора, и своей северной оконечностью доходившей до широты Лабрадора. В растениях, описанных Платоном, можно найти много, поныне произрастающих в Северной Америке[96]. Некоторое сомнение может возбудить только упоминание о лошадях и слонах, которых, как известно, в Америке, до привоза их из Старого Света, не было. Однако это упоминание скорее оказывается подтверждающим истинность описания, нежели колеблющим его.

Действительно, к эпохе прибытия в Америку испанцев, лошадей в ней не было. Но археология теперь доказала, что в предшествующие эпохи лошадь в Америке водилась, и что разные виды ее вымерли на американской почве, сравнительно, в недавние периоды. Кроме того, Атлантида все же – не Америка, и ее фауна могла отличаться от американской. Не было в исторические эпохи в Америке и слонов, но в предшествовавшие геологические периоды они тоже водились в Новом Свете. Кроме того, Платон определенно указывает, что у атлантов были колонии в Африке, классической стране слонов. Далее мы увидим, что новейшие археологические открытия подтверждают предположение об атлантских колониях

на западном берегу Африки, в области современной Гвинеи. Слоны же легко переносят перевозку: так, например, их много, слонов, было в войске Ганнибала, во время его похода в Италию; позднее римляне постоянно ввозили слонов в Италию и т. п.

Из металлов, перечисляемых Платоном, останавливает внимание таинственный орихалк. Было сделано много предположений об том, что должно разуметь под этим названием. Кажется, вопрос разрешается весьма правдоподобно, если допустить, как мы уже говорили, что орихалк это – алюминий. Античной древности алюминий был неизвестен (и вообще изучен и получен «в свободном состоянии» только в XIX веке), поэтому египтяне и могли говорить об нем, как о металле, известном лишь по названию. Правда, ныне для получения алюминия пользуются силою электрического тока. Но мы не знаем ни того, не располагали ли атланты простейшими электрическими машинами (есть предположение, что их знали в древнем Египте), ни того, нет ли иных способов добыть алюминий. В виде же соединений алюминий распространен повсюду и входит в состав очень многих горных пород. Алюминий по твердости близок к цинку, по блеску не уступает серебру, но гораздо легче его и весьма легко поддается обработке. Алюминию можно придать любую форму, он ярко блестит, не изменяется от влажности, издает при ударе ясный звук и т. д. Одним словом, алюминий вполне подходит к тому, чтобы считаться в числе «благородных» металлов и соперничать с золотом и серебром.

Из всего этого следует, что географическая часть описания Платона не включает в себе внутренних противоречий и отвечает тем требованиям, какие мы можем предъявлять теоретической Атлантиде. Совершенно то же придется сказать об описании столицы атлантов и политического устройства их страны. По рассказу Платона, столица Атлантиды, которой традиция дает название Города Вод (по изобилию в ней каналов) или Города Золотых Ворот (по внешней стене, облицованной золотом), – и окружавшие ее сооружения достигали размеров исключительных. Это не должно нас останавливать. Не везде ли, не во всех ли древнейших культурах, в которых мы отмечаем таинственное влияние «учителей учителей», на заре истории встречаются именно грандиозные, превосходящие всякое ожидание сооружения? В Египте таковы великие Гизехские пирамиды; в Эгейе, на Крите, города-лабиринты, на материке Греции – купольные гробницы; в Вавилонии – храм Бэла и замечательная система орошения, превратившая Месопотамию, ныне пустыню, в цветущий сад; у этрусков – cloaca maxima (большая клоака) в Риме, построенная в эпоху, когда Рим был под властью этрусков, сооружение, по утверждению Моммсена, требовавшее еще больше труда, нежели великие пирамиды; в Мексике – гигантские храмы с горельефными ликами и т. д. Бесспорно, сооружения Города Вод – еще величественнее. Но не сказано ли, что «ученик не больше своего учителя!». Народ, под влиянием которого в отдаленном Египте вырастали пирамиды Хеопса и Хефрена, мог у себя «дома» создать еще большие чудеса зодчества и техники[97].

Удивительнейшее сооружение атлантов – их система каналов. После прорытия каналов Суэцкого и Панамского, каналы Атлантиды не представляют собою ничего сверхъестественного. Это сооружение даже менее поразительно, чем, например, железная дорога, прокладываемая ныне на вершину Юнгфрау в толще самой горы, или проектный тоннель под Ламаншем! Чтобы прорыть каналы Атлантиды, нужно было достаточное число рабочих рук (вероятно, рабов) и достаточное количество времени: тем и другим атланты могли обладать в любом количестве. Может быть, каналы проводились целыми веками, из поколения в поколение; потом дополнялись, расширялись, поддерживались, потому что от них зависело плодородие страны. По описанию Платона, каналы превращали главное царство Атлантиды в некоторую гигантскую Голландию, а столицу – в гигантскую Венецию. Вся страна была обведена кругом широким каналом и потом перерезана перекрещивающимися каналами, как шахматная доска, на 60 000 участков. Столица была окружена тремя круговыми каналами, очень широкими и глубокими, вполне судоходными, а каждый такой канал обнесен стеной, облицованной металлом. Все это несколько не

сверхъестественно, но должно было быть очень красиво. Издали, с моря, Город Золотых Ворот сверкал своими окружениями. Наибольший круг стены, обитый медью, «горел как жар»; внутри блистала вторая стена белым блеском листового олова; в самой середине, «как огонь», сияла стена из орихалка, и, наконец, в центре, с высокого кремля, пылал храм Посейдона, выложенный серебром с куполом из золота. Вероятно, то было единственное зрелище на фоне высоких гор внутри страны и яркой зелени священных рощ, которые украшали круговые острова столицы.

Описание самой столицы также не выходит из рамок возможного. Это – тот же Кносский лабиринт, только увеличенный во много раз. Если допустить, что Город Золотых Ворот стоял несколько тысячелетий (а все побуждает думать так, когда и критские лабиринты насчитывали по 10–15 веков), размеры, богатства и пышность столицы атлантов уже не кажутся чрезмерными. Город обстраивался исподволь, столетие за столетием, и как бы незаметно достиг своей исключительной величины. Конечно, этот город был больше всех известных нам столиц древности: больше Вавилона, Ниневи, Мемфиса, Фив, самого Рима; может быть, превосходил и современные города, – Париж, Лондон, Нью-Йорк. Эти соображения не могут служить доводами против существования Города Вод. Вспомним, как в XVIII веке Гиббон принужден был доказывать своим современникам, что в древнем Риме могло насчитываться миллион жителей: такая цифра казалась невероятной европейцам XVIII века! Может быть, сооружения XXI века превзойдут постройку атлантов, и нашим потомкам столица Атлантиды перестанет казаться чудом.

Впрочем, что же изображает в ней особенно чудесного Платон? Великолепные купальни? внутренние порты для кораблей? ипподром с «беговой дорожкой» во много верст? огромные дворцы? Все это немногим превосходит «висячие сады» Семирамиды, Луксорский храм, Колизей, Пантеон Агриппы и другие, частью уцелевшие до нашего времени, частью исторически засвидетельствованные здания. Наиболее поразительным сооружением в Городе Вод был храм Посейдона. Он имел в длину стадию, т. е. около 600 футов или 85 сажен: размеры меньшие, чем Кносского лабиринта, и, во всяком случае, вполне приемлемые. Храм был выложен золотом и серебром, а его свод (купол) – слоновой костью с золотом и орихалком. Но конквистадоры нашли в Мексике, в царстве Монтецумы, такое количество золота, которое делало вполне возможным подобные украшения: ацтеки мерили золото огромными ковшами и сдавали его испанцам грудями. Громадна была статуя Посейдона, описанная Платоном, но и она приближается по размерам к статуе Зевса Олимпийского, изваянной Фидием. Целый лес других статуй, наполнявших храм и окружавших его, по рассказу Платона, воздвигался столетиями: поколение за поколением прибавляло сюда новые фигуры... Характерно, наконец, замечание Платона, что во внешнем виде храма было «нечто варварское»: греческий философ явно описывает не свои идеалы, а нечто такое, на что сам смотрит со стороны, что он критикует, как данное извне.

Остается исчисление народонаселения Атлантиды. Еще лет сто тому назад во времена Наполеона, цифры, сообщаемые Платоном, могли представляться чрезмерными. Современная война далеко опередила их. В наши дни армии в миллион двести тысяч человек уже не кажутся слишком большими. Да и в древности Ксеркс вел на Элладу большее войско. Чтобы выставить армию в 1 200 000 воинов, стране достаточно обладать населением миллионов в 20–25, т. е. быть, по современным понятиям, вовсе не особенно населенным государством. Что же касается до военной организации Атлантиды и до ее «конституции», изложенной в диалоге, то для наших целей – не существенно, справедливы или нет были сведения Платона. Может быть, они, действительно, восходили к тексту на колонне в Посейдоновом храме; может быть, были измышлены греческим философом или египтянами, – во всяком случае, сами по себе эти основные законы никак не могут свидетельствовать против бытия атлантского царства. И вообще во всем описании нет ни одной черты, которая обличала бы преднамеренный вымысел: одно – более веропродоподобно, другое – менее, но все могло быть и все согласно с нашими априорными представлениями об Атлантиде...

Мы вправе представлять себе жизнь в древней Атлантиде, последних периодов ее существования, как утонченную жизнь высококультурного государства, перешедшего через рубеж своего высшего развития и уже клонящегося к упадку. Века за веками цари Атлантиды упрочивали порядок в своей стране и украшали свою столицу. Каждый царь воздвигал в храме Посейдона статуи своему предшественнику и бывшей царице; граждане, по обету, также ставили рядом статуи великим людям своего народа и жертвовали во храм разные драгоценности. Поколение за поколением художников трудилось над возвеличением города: строились дворцы, башни, общественные и частные здания; стены домов украшались фресками, в залах блистали скульптурные группы, тысячи золотых, серебряных и алюминиевых безделушек было рассеяно всюду; изделия из слоновой кости, из морского жемчуга, из самоцветных камней довершали блеск убранства в домах и пышность одеяний. Мировая торговля влекла в Атлантиду сокровища со всех концов земли. Из Африки, где у атлантов были свои колонии, везли слонов и чудесные местные плоды; из подвластных стран Западной Европы – серебро, которым была так богата древняя Испания, египетские изделия, драгоценные эгейские вазы; из Центральной Америки – золото и продукты благословенного климата Мексики, может быть, маис; сама Атлантида, со своих бесконечных пастбищ, с бесчисленных нив, оплодотворяемых правильным орошением, из горных недр, богатых всевозможными минералами, – поставляла все, потребное для жизни, и все, желанное для роскоши. Страна, почти не знающая войн, богатела, ее селения множились, ее население возрастало...

Далеко с моря сверкал перед приближающимися моряками дивный Город Золотых Ворот, опоясанный своими блестящими стенами, на которых горела медь, блистало листовое олово и, «как огонь», вспыхивал орихалк. Как чудовищный костер или как гигантский маяк, возвышался в центре огромный купол храма Посейдона, поставленного на высоком холме – Храм Прозрачного Света, как его называет предание. Жители всемирной столицы наслаждались всеми благами земли, перед которыми даже жизнь в критских лабиринтах показалась бы, вероятно, бедной и скудной. В гимназиях обнаженные юноши упражнялись в беге и борьбе; на ипподромах, по кругу целого острова, летели беговые колесницы; в мраморных водоемах купальщики услаждали себя хрустально-чистыми струями целебного источника; воины маршировали перед прочными и поместительными казармами... В то же время неустанно продолжалась жизнь духовная: скульпторы ваяли свои статуи, живописцы писали свои картины, поэты слагали свои песни, в тиши библиотек мудрецы склоняли головы над фолиантами, содержащими все науки мира... А паруса всех народов стремились по грандиозному каналу к центру вселенной, к средоточию знаний, художеств и богатств, к чудесному Городу Вод. Он казался поставленным навсегда. Мощь его чувствовали и в отдаленном Египте, и в критских дворцах миносов, и на другом конце земли в чертогах майских владык; может быть, внимали повелениям царей Атлантиды и «маги» Вавилона, и повелители яфетидских царств, и даже «сыны солнца», богдыханы Срединной империи... Атлантида, силой своего умственного превосходства, своим величием, своей древностью, своим непререкаемым авторитетом, царила над всеми народами и царствами земли, как над своими вассалами и учениками.

Предание, дважды сообщаемое Платоном и повторяемое некоторыми другими источниками[98], говорит, что Атлантида погибла под влиянием какого-то гигантского катаклизма, в один день уничтожившего целый материк со всеми его городами, с миллионами жителей... Что это свершилось именно «в один день и одну ночь» (как утверждает Платон), разумеется, сомнительно. Но что подобный катаклизм мог произойти, в сравнительно недавнюю эпоху, это подтверждают данные геологии. Измерения дна Атлантического океана доказали, что как раз в том месте, где традиция помещает остров Атлантиды, находится подводное плоскогорье, остаток обширного континента, опустившегося под воздействием вулканических сил. Как известно, подобные возвышения и опускания почвы продолжаются и до наших дней, а в прошлые тысячелетия совершались гораздо чаще и в гораздо больших размерах. Платон добавляет, что на месте погибшей Атлантиды образовалось огромное

скопление ила, сделавшее мореплавание по океану невозможным. В связи с этим сообщением можно поставить те «моря Саргассо», – скопления водорослей, – которые поныне встречаются в Атлантическом океане морями и которые, действительно, еще недавно затрудняли движение судов. И если, действительно, «гибель Атлантиды» была не медленно совершившимся процессом, а стремительной катастрофой, что-либо подобное «скоплению ила» Платона непременно должно было образоваться на месте исчезнувшего материка. Эта деталь также может быть отголоском исторического факта.

Таким образом, научная критика не только не подрывает доверия к диалогам Платона, а, напротив, подкрепляет значение их, как исторического свидетельства. Сообщения греческого мыслителя оказываются в согласии с такими данными науки, какие он, в свое время, предвидеть не мог. Геология, как наука, в дни Платона еще не рождалась; между тем геология вполне подтверждает, что на месте, указанном в диалогах, мог и даже должен был прежде находиться большой остров. Современная география оправдывает показание Платона, что за Атлантидой, т. е. далее на Запад, лежала «твердая земля», – Америка, существование которой не подозревали греки. Наше более широкое, чем в древности, знакомство с земными минералами делает естественным известие, что в распряжении атлантов был какой-то орихалк, обладающий свойствами «благородных» металлов, – известие, которое сам Платон передает с некоторым недоверием. Успехи техники нового времени доказывают, что не было ничего сверхъестественного в сооружениях Города Золотых Ворот и его окрестностей, в то время как Платон едва решается повторить рассказ об этих сооружениях, опасаясь, что ему не поверят. Данные ботаники и зоологии, палеонтологии, минералогии, даже лингвистики еще раз свидетельствуют о правильности сообщаемого философом. Наконец, самым сильным доводом в пользу истинности его рассказа остается свидетельство о сильных государствах, стоявших в Греции до прихода в нее эллинов, т. е. прямое указание на эгейский мир, совершенно забытый классической Элладой. Те, кто считают Атлантиду басней, выдуманной Платоном, как иллюстрация-аллегория к его учению (кстати спросить: какому?), по меньшей мере должны объяснить изумительный факт, что, давая простор фантазии, сочиняя сказку, философ нигде не только не впал в противоречие с самим собою, но и не сказал ничего такого, что противоречило бы позднейшим выводам науки!

Единственно, что остается сомнительным в сообщениях Платона, это – его хронология. Повторим, что такова участь всех хронологических сведений, почерпаемых из египетских источников. К сожалению, в этом пункте современная наука пока не в силах прийти на помощь преданию, пополнить и исправить традицию своими данными. Между тем это – один из кардинальнейших вопросов всей «проблемы Атлантиды», и от его решения, в значительной мере, зависит успех дальнейших разысканий. Если бы у науки была твердая хронологическая база, если бы нам была известна хотя бы только та эпоха, к которой должно приурочивать «гибель Атлантиды», – мы уже могли бы придать имеющимся у нас фактам систематичность и многое, о чем теперь говорим лишь гадательно, обосновать с полной точностью. Напротив, одним из наибольших затруднений для того, чтобы принять влияние Атлантиды, как исторический факт, остается невыясненность того времени, когда они могли иметь место. Эгейя, Египет, культура майев, этрусков, яфетидов, все это – явления исторических эпох; Атлантида отодвинута в доисторическое прошлое. Между ранней древностью и древностью атлантов зияет пропасть в несколько тысячелетий, которую необходимо заполнить, чтобы установить связь между двумя мирами.

Если принять теорию Лихтенберга о прародине эгейцев на Пиренейском полуострове, необходимо допустить, что там, на крайнем Западе Европы, арийские племена и испытали на себе воздействие атлантской культуры. Но на Запад арийцы были оттеснены оледенением европейского материка: следовательно, ледниковая эпоха, притом, вероятно, ее последний период, есть та эпоха, в которую Атлантида была еще жизнеспособна и деятельна. Это дает нам так называемый *terminus post quem*, предел,

после которого мы должны помещать факт гибели Атлантиды. С другой стороны, эгейцы пришли на побережья Эгейского моря, приблизительно, в 4-м тысячелетии до Р. Х.; начало египетского календаря падает на конец 5-го тысячелетия (4241 г. до Р. Х.), а в начале 3-го тысячелетия великие пирамиды уже стояли на берегу Нила; майи вели свое летосчисление с начала 3-го тысячелетия (3750 г. до построения храма, воздвигнутого не позже IX в. по Р. Х.). Все это, как и другие сходные сопоставления, дает нам *terminus ante quem*, предел,

раньше которого должна была совершиться катастрофа. Итак, гибель Атлантиды приходится помещать между концом ледникового периода в Европе и 5-м тысячелетием до Р. Х. Опираясь на цифры, сообщаемые Платоном, некоторые авторы (из школы теософов) приурочивают, поэтому, гибель Атлантиды к X тысячелетию до Р. Х., даже точнее – к 9654 г. до Р. Х.[99] Но обоснованность такой даты крайне сомнительна, и правильнее – удовольствоваться неопределенным выражением: «раньше L-го века до нашей эры».

Специалисты-геологи сильно расходятся в определении продолжительности ледникового периода или, вернее, ледниковых периодов в Европе. В то время, как Рюто, например, кладет на 4 ледниковых периода 140 000 лет, Пильгрим увеличивает цифру почти вдесятеро (1 290 000 лет). Существование человека на земле засвидетельствовано даже в периоды доледниковые (может быть, вплоть до эоценовой эпохи). Наконец, для древнейших памятников человеческой руки антропологи считают возраст в 50 000 лет – исчислением очень скромным. Все это позволяет, не утверждая ничего, допускать глубочайшую древность атлантической культуры. Чтобы заполнить ту «пропасть между двумя мирами», о которой мы говорили, мы, может быть, и должны приблизить катастрофу, погубившую атлантов, к историческим эпохам, перенести ее с X-го тысячелетия на IX–VI тысячелетие до Р. Х.; но это не препятствует самое развитие и процветание Атлантиды продолжить на десятки столетий в прошлое от этой грани. Если культура Египта, чтобы совершить весь круг своей эволюции, потребовала 40 веков, культура Эгейи заняла 25 веков, и даже отцветшая быстро античная культура длилась не меньше 17–18 веков, то мы вправе приписывать атлантической культуре еще более широкое и, вместе с тем, медленное развитие. Числа, вроде 5 или даже 10 тысячелетий, не могут остановить на таком примере. Быть может, истории человечества предстоит раздвинуть свои пределы не на десятки веков, с чем уже мирятся историки, а на десятки тысячелетий. Может быть, во времена не только мамонтов, но и мастодонтов, на нашей планете уже ярко блистал факел духовной жизни, человеческая мысль уже пылливо вникала в загадки вселенной, люди уже чтили наветы истины, добра, красоты, и слабые руки уже воздвигали памятники, бессмертные вложенной в них силой творчества.

III. Поиски Атлантиды

Хотя наука нового времени относится к традиционным известиям об Атлантиде отрицательно, тем не менее литература по этому вопросу – огромна. Ее составляют разнообразнейшие комментарии двух диалогов Платона, своды других известий, в которых можно видеть хотя бы намеки на Платонову Атлантиду, отчеты о путешествиях, предпринимавшихся с целью открыть ее следы, и т. п. Все эти сочинения естественно распадаются на несколько групп: отдельно стоят трактаты, появившиеся до открытия Америки, и – после Колумба; особо должно выделить работы, написанные по строго научным методам – от произвольных домыслов и фантазий, каких появлялось немало; наконец, еще особое место занимают книги оккультистов и теософов, которые, в конце XIX в., одни усердно занимались вопросом об Атлантиде. К сожалению, до сих пор не существует полного обзора этой литературы, так что мы можем дать только ее беглый очерк.

В основе всего, написанного об Атлантиде, лежат два диалога Платона, подробно

анализованные нами: «Тимей» и «Критий». Рядом должно поставить античный комментарий к этим диалогам, преимущественно неоплатоников, как Лонгин, Нумений, Ориген и особенно Прокл, оставивший специальную книгу о «Тимее». Комментарий этот, во многих отношениях крайне важный, не дает, однако, новых фактов: комментаторы знают об Атлантиде лишь то, что сообщил Платон. В античной древности о земле «по ту сторону Геркулесовых столбов» (т. е. за Гибралтарским проливом), большей, чем Азия и Либия (Африка), взятые вместе, иначе – о материке или большом острове, окруженном архипелагом меньших, в Атлантическом океане, писали еще: Страбон (кн. II, гл. 3), Плиний («Ест. Ист.», кн. II, гл. 92), Элиан («Разные Истории», кн. III, гл. 18), Плутарх, Диодор Сицилийский, Аммиан Марцеллин. Все они выражаются неопределенно, так что трудно решить, имеют ли они в виду Атлантиду Платона или до них дошли смутные известия о материке Америки. На дошедших до нас античных географических картах ни Атлантида, ни Америка нигде не означены: на Западе карты кончаются океаном.

Открытие Америки в XV в., естественно, поддало мысль, что новонайденный материк и есть Атлантида Платона. В XVI–XVII вв. такое мнение высказывали в 1553 г. Гомара, в «Истории Индий» (т. е. Америки), Френсис Бэкон и Бирхероде, в специальных книгах об Атлантиде (1638 и 1683 г.) и др.[100]. Но в том же XVII в., и потом в XVIII в., выставлялись и иные предположения. Атлантиду Платона искали едва ли не на всех концах земли: на юго-западном берегу Африки – Кирхмейер (1685 г.), на Скандинавском полуострове – Рудбек (1675 г.), в Палестине – Курений (1754 г.) и Бэр (1762 г.), на Кавказе – Байи (1779 г.) и т. п.[101]. Все эти сочинения плоды свободной фантазии их авторов. В конце XVIII в. Делиль де Саль сделал обзор всего, написанного до него об Атлантиде, посвятив ей особую часть своего гигантского труда в 52 томах: «История всех народов мира или история людей» (1779 г.)[102]. Некоторые писатели, следуя мнению, высказанному еще Нумением и Оригеном, видели в рассказе Платона лишь аллегория, причем высказывали предположение, что Атлантиду надо искать просто в Греции, даже в самой Аттике: таково было мнение Бартоли (1780 г.), позднее (в 1829 г.) повторенное Латрейлем[103].

В XVIII в. начались и попытки истолковать сообщение Платона на основании точных научных данных. Показание диалогов, что Атлантида лежала «за столбами Геракла», давало повод видеть ее остатки в островах, находящихся на запад от Африки. В этом смысле на архипелаги островов Азорских и Канарских указывали Кадэ (1785 г.) и Сен-Венсен (1803 г.). Бранстон вершинами гор затонувшей Атлантиды считал острова Вознесения и Св. Елены. Сходного мнения держался, по-видимому, и Бюффон (1707–1778 г.), судя по возражению, написанному Флуренсом, в 1860 г., на основании рукописей, оставшихся после знаменитого натуралиста[104]. В начале XIX в. несколько раз говорил об Атлантиде, в разных своих сочинениях, Александр Гумбольдт (1769–1839 г.). Он считал, что миф о гибели Атлантиды основан на историческом факте: некоего древнейшего катаклизма, преувеличенного фантазией. Соображения А. Гумбольдта вызвали работу Крюгера (1855 г.) на тему, не была ли Америка открыта финикийцами. Ряд писателей, историков, филологов и натуралистов продолжал поддерживать мнение, что Атлантида – просто сказка, измышленная Платоном, или, что вероятнее, Солоном, желавшим одушевить афинян рассказом о подвигах их предков. Из работ такого рода наиболее заслуживает внимания книга Летрона (1831 г.)[105].

В середине XIX века появилась одна из обстоятельнейших работ об Атлантиде, написанная русским, но по-немецки: А. С. Норовым; в ней сделан кропотливый свод всех свидетельств об Атлантиде из античных и арабских авторов[106]. Пути, по каким известия об Атлантиде проникли к арабским писателям, не вполне ясны. Оригинальную попытку сделал Унгер (1860 г.), подойдя к вопросу с точки зрения ботаника: в его книге, на основании современной и вымершей флоры Европы и Америки, установлено, какова должна была быть флора земли, лежавшей между этими двумя материками[107]. Затем касались проблемы Атлантиды многочисленные новые издатели, комментаторы и переводчики Платона, в том числе Мартэн, издавший отдельную книгу о «Тимее» (1841 г.), Беккер и его продолжатель Бэк, Зохер,

Швальбе, Штейнгардт, I. Мюллер и многие другие[108]. В новейшее время возобновил мысль об том, что Атлантиду должно искать в Африке, – Лео Фробениус, о котором речь будет впереди. Также в Африке, на другом ее конце, искал Атлантиду Ш. Бунзен, в своем сочинении о Египте[109].

Особое место занимают работы об Атлантиде оккультистов и теософов, даже шире – вообще мистиков, книги которых не включены нами в приведенный перечень. Почти у всех писателей, примыкающих к одному из разветвлений оккультизма, найдутся страницы, посвященные Атлантиде. Эти писатели находят указания и намеки на Атлантиду у всех старых авторитетов оккультизма, как Аверроэс (XII в.), Альберт Великий (XIII в.), Раймонд Люллий (XIII в.), Арнольд де Вильнев (XIII в.), Петр Апонский (XV в.), Агриппа Неттесгеймский (XVI в.), Марсилио Фичино (XVI в.), Иоанн Тритгейм (XVI в.), Эммануил Сведенборг (XVIII в.) и др. В новое время об Атлантиде, в этом духе, писали: Элифас Леви, Фабр д'Оливе, Луи Лукас, Блаватская, Мид, Скотт-Эллиот, Папюс, Э. Шторе, Р. Штейнер и др.[110]. Подробно рассматривает возникновение культуры Атлантиды – Э. Шюре в своей интересной книге «Божественная эволюция», где автор начинает обзор с той геологической эпохи, когда человек (будущий атлант) был еще крылатым, ящерицеподобным существом (отголосок одной естественнонаучной гипотезы). Многое, притом с большими деталями, сообщает об Атлантиде в своих лекциях, популярный у нас, Рудольф Штейнер. Наконец, с именем Скотт-Эллиот появилась специальная книга об Атлантиде, в которой изложена вкратце вся история Атлантиды, с древнейших времен до года ее гибели, описаны флора и фауна материка, изъяснены основные законы царства атлантов, их религия, их обычаи, образ их домашней жизни и т. д. Автор нигде не открывает методов, какими получены им эти подробнейшие сведения, ограничиваясь заверением, что он писал не по произволу, но постоянно критически проверяя получаемые выводы... В этой книге, как и в других сочинениях оккультистов, приходится верить автору на слово, поэтому науке пока нечего делать с их утверждениями.

Есть, однако, одна общая черта между всеми рассмотренными нами сочинениями, в том числе теософскими и чисто научными: все они (кроме выделенной нами книги Лео Фробениуса) исходят из литературного предания. Историки, археологи, антропологи, естествоиспытатели, философы, мистики и публицисты, в литературах всего мира, в течение многих веков, на все лады комбинировали скудные сведения, содержащиеся в двух диалогах Платона, и те немногие намеки, которые можно извлечь по вопросу об Атлантиде из других писателей. Можно утверждать, что все, какие только мыслимы, выводы из этих данных уже сделаны: вряд ли возможно извлечь что-либо новое из этого заколдованного круга. Чтобы решение вопроса подвинулось вперед, необходимы были новые факты. Такие факты и оказались в распоряжении науки с конца XIX века: это – эгейская культура, археологические находки, относящиеся к древнейшей эпохе, на европейской почве, более точное обоснование египетской хронологии и вообще более обстоятельные сведения о древнейшем Египте, успехи в изучении американских древностей, наконец, открытие культуры яфетидов на Кавказе и значения Тихоокеанской культуры, т. е. все то, что было нами использовано для нашего очерка. Сближение этих новых фактов с данными литературной традиции позволяет осветить вопросе новой стороны. Отныне «проблема Атлантиды» выходит из области гаданий, становится определенной исторической гипотезой и должна разделить обычную судьбу всех вообще научных гипотез, в зависимости от того, будут ли вновь открываемые факты ее опровергать или подтверждать.

Поставить вопрос в науке – значит, сделать значительную часть работы. В дальнейшем предстоит уже комбинировать новые факты вокруг определенной гипотезы, искать новых данных в определенном направлении, проверять полученные выводы с определенной точки зрения. И есть все признаки, что такое научное оживление вокруг вопроса об Атлантиде уже началось. Правда, до сих пор эта проблема еще не вошла, так сказать, «в круг зрения» университетской науки. Но отдельные пионеры уже вышли отважно на поиски, и если их

искания не увенчались пока решительным успехом, то уже самое появление таких искателей указывает, что прежнее индифферентное отношение к вопросу миновало. Те, кто следят за литературой предмета, знают, что за последние десятилетия, то там, то здесь, проскальзывают известия о попытках найти остатки и следы древней Атлантиды. Приходится читать даже о целых научных экспедициях, предпринимаемых с этой целью. К сожалению, все такие экспедиции пока еще обязаны своим происхождением частной инициативе и не всегда оказываются в надежных руках, но важно то, что положено начало делу исключительного значения для науки. По всему судя, оно не должно заглухнуть, и можно рассчитывать, что недалеко то время, когда вопрос об Атлантиде будет решаться не только по данным исторических аналогий, но на основании специальных исследований, совершенно новых фактов, подлинных памятников и непрерываемых документов.

Нам известно о трех экспедициях, снаряженных за последние 10 лет на поиски следов Атлантиды. Однако из них первая или не состоялась совсем, или не опубликовала результатов своих исследований; результаты второй, как мы сейчас увидим, возбуждают к себе серьезное недоверие; и только третья, при всей скромности своих задач, действительно обогатила науку и внесла новый свет в темную область вопроса об Атлантиде. Как бы то ни было, все три попытки заслуживают внимания уже как первый опыт – найти новые пути для разрешения вековой проблемы.

Сведения первой экспедиции проскользнули в европейской прессе перед самым началом войны, весной 1914 г. Мы читали тогда в парижском «Le Matin», что в Англии, на частные средства, снаряжается экспедиция, имеющая своей прямой целью – искать следы погибшей Атлантиды. Предполагалось обследовать восточные части Тихого океана и, прежде всего, острова Пасхи, представляющие несомненный интерес для археолога. На этих островах находятся, в немалом числе, огромные, высеченные из толщи скал статуи. Хотя довольно грубой работы, эти статуи ни в коем случае не могут быть признаны созданием современных туземцев, аборигенов острова или их предков, – обычных полинезийских дикарей, стоящих на низшей ступени развития. Следовательно, когда-то острова Пасхи были заняты иным населением, гораздо более культурным, и археологу есть что делать в этой стране. Однако, по географическому положению островов, вряд ли можно ожидать, что они прольют свет именно на вопрос об Атлантиде: скорее там должны были оказаться следы древней Тихоокеанской культуры... Впрочем, о результатах задуманной экспедиции нам ничего не известно; может быть, начавшаяся война не позволила ее осуществить.

Несколько раньше, в 1912 г., также газетные известия сообщили о другой экспедиции, имевшей аналогичную цель: искать следов Атлантиды. Во главе этой второй, немецкой экспедиции стоял Павел Шлиманн, внук знаменитого открывателя Трои, Генриха Шлиманна. Если это имя возбуждало доверие к предприятию, то все остальное, связанное с этой экспедицией, решительно делало ее подозрительной. Довольно сказать, что первые отчеты о результатах экспедиции появились в американской газете: «New jork Amerikan» 1912, – неожиданное место для обнародования научных открытий, притом исключительной якобы ценности! Более подробные отчеты были помещены потом в лондонском теософском журнале: «The Theosophist», 1912–1913 г., и затем перепечатаны теософской и оккультнической прессой всего мира[111]. В серьезной научно-исторической печати об открытиях Павла Шлиманна появилось, сколько нам известно, лишь несколько мелких заметок, отнесшихся к сообщениям внука великого деда крайне скептически. Но даже помимо этих внешних соображений, самые сообщения Павла Шлиманна, на первый взгляд более чем поразительные и как бы окончательно разрешающие вековую проблему, оказываются, при ближайшем рассмотрении, полными научных несообразностей и внутренних противоречий.

По уверению Павла Шлиманна, его знаменитый дед оставил запечатанный конверт с тем, чтобы его вскрыл тот из членов семьи, кто даст торжественное обещание посвятить всю свою жизнь исследованиям, указания на которые найдет в этом конверте. Павел Шлиманн дал такую клятву, вскрыл конверт и прочел находившееся в нем письмо. В письме Генрих

Шлиманн сообщал, что он предпринял исследование остатков Атлантиды, в существовании которой не сомневается и которую считает колыбелью всей нашей цивилизации. Летом 1873 года Генрих Шлиманн будто бы нашел, при раскопках в Трое, своеобразный бронзовый сосуд, больших размеров, внутри которого были глиняные сосуды меньшего размера, мелкие фигуры из особенного металла,

деньги из того же металла и предметы, «сделанные из ископаемых костей». На некоторых из этих предметов и на бронзовом сосуде было написано

«финикийскими иероглифами»: «От царя Атлантиды Хроноса». Затем, в 1883 г. Генрих Шлиманн обратил внимание в парижском Лувре на коллекцию предметов, найденных в Центральной Америке. Среди них оказались глиняные сосуды, совершенно такой же формы, как открытые в 1873 г. в Трое, и предметы «из ископаемой кости» и «из особенного металла», также «линия в линию» совпадающие с троянскими; только финикийских надписей на американских предметах не было. «Особенный металл» оказался сплавом из платины, алюминия и меди, античной древности безусловно неизвестного. Наконец (об этом, в пересказе Павла Шлиманна, сказано совсем глухо), Генрих Шлиманн нашел еще какие-то «папирусы», подтверждающие действительность легенды об Атлантиде. В результате, Генрих Шлиманн поручал тому из своих потомков, кто будет читать это письмо, продолжать начатые исследования, а в частности, разбить один из сосудов его (Генриха Шлиманна) коллекции и обратить особое внимание на содержащееся внутри. Весь этот рассказ возбуждает недоверие. Он не согласуется с характером Генриха Шлиманна, до крайности славлюбивого и не склонного таить от света свои открытия, к тому же столь замечательные.

Особенно трудно ожидать такой скрытности по отношению к находкам именно 1873 г., когда Г. Шлиманн заканчивал только первый период своих раскопок и когда ему необходимо было всеми средствами доказать ученому миру значение своих работ. (С другой стороны, отнести таинственную находку к 1873 г. было потому удобно, что в этом году Генрих Шлиманн работал один, иногда добывая клады собственноручно, тогда как позднее он был постоянно окружен сотрудниками, от которых не могла бы укрыться такая ценная находка.) Далее, несообразным кажется присутствие в сосуде, древнейших времен, металлических денег, – предмета, незнакомого ранней древности. Но всего невероятнее представляется поразительная финикийская надпись. Мы уже указывали, что финикийцы появились на сцене мировой истории довольно поздно, около 1000 г. до Р. Х., т. е. по меньшей мере через 3–4 тысячелетия после прекращения всякого влияния Атлантиды. Каким же образом могло случиться, что дар «царя Атлантиды Хроноса» имеет на себе надпись на языке, который вошел в обиход сорок столетий спустя? Это столь же странно, как если бы о том, что наибольшая из пирамид построена Хеопсом, мы узнали из надписи, сделанной на языке Пушкина или даже Ломоносова! Если же надпись на сосуде – не современна его отсылке в дар, а сделана сорок столетий спустя, значение ее, разумеется, ничтожно.

Павел Шлиманн, однако, не усомнился, по его уверению, в таинственной надписи и принял наследие деда. Указанный сосуд был вскрыт. То был сосуд в форме свиной головы, и внутри его оказался четырехугольник «из металла, похожего на серебро», и также с финикийской надписью: «Послано из Храма Прозрачного Света». После того Павел Шлиманн и организовал свою экспедицию «на поиски Атлантиды». Он посетил Египет, западные берега Африки и Центральную Америку. Везде он производил (добавим: «будто бы», ибо об них что-то мало было слышно) раскопки и изучал местные собрания древностей. В Египте П. Шлиманн видел коллекцию «старых медалей», найденных в Саисе и совпадающих с «монетами», открытыми в бронзовом троянском сосуде. На западном берегу Африки П. Шлиманн нашел голову ребенка, сделанную из того же сплава платины, алюминия и меди. В Париже П. Шлиманн видел частную коллекцию американских древностей, в которой оказался сосуд в форме свиной головы, совершенно такой же, как завещанный дедом, с таким же вложенным в него четырехугольником. Наконец, в Центральной Америке П. Шлиманн открыл надписи, которые, как он утверждает, «изумят весь мир». Заключает П. Шлиманн свои

сообщения гордыми словами: «Я открыл Атлантиду».

Собственные открытия П. Шлиманна еще сомнительнее, нежели те, какие он приписывает своему деду. Если финикийская надпись на бронзовом сосуде, который был найден П. Шлиманном, могла быть сделана позже, в эпоху процветания Финикии, то финикийскую надпись на четырехугольнике, заделанном внутри сосуда в форме свиной головы, нельзя объяснить ничем. Или этот сосуд – недавнего происхождения, не старше 1-го тысячелетия до Р. Х., и тогда он не имеет отношения к Атлантиде, или в нем не могло заключаться надписи на языке, на котором тогда никто не писал. Все другие открытия П. Шлиманна старательно окутаны тайной. Парижская частная коллекция названа «секретной»; место раскопок в Африке не обозначено; о мексиканских надписях даже не сказано, на каком они языке и как удалось их прочесть и перевести. Одним словом, проверить открытия Павла Шлиманна нет никакой возможности, и науке пока считаться с ними не приходится. Эти открытия должно отдать в полное обладание теософам, которые радостно ими и воспользовались, мечта громы против ученых, не желающих признать, что, как они пишут, «Атлантида отныне доказана».

Гораздо скромнее, но несравненно плодотворнее, результаты третьей (и последней из известных нам) экспедиций, связанной с поисками следов Атлантиды. Эта третья экспедиция была предпринята, в 1908 г., немецким путешественником, человеком не претендующим на имя ученого, Лео Фробениусом. Результаты путешествия изложены самим путешественником в 4 огромных томах, под общим заглавием: «И Африка говорила!..»[112] В этом сочинении автор очень просто рассказывает о своих скитаниях по северной и юго-западной Африке, детально знакомит со всеми раскопками, описывает найденные предметы: книги иллюстрированы частью рисунками с натуры, сделанными автором, частью точными фотографиями. Таким образом, достоверность сообщаемого не подлежит никакому сомнению. Все места точно указаны и могут быть найдены на карте, указано и современное местонахождение собранных коллекций, да и вообще правдивость Лео Фробениуса никем не оспаривается. Правда, когда речь заходит об Атлантиде, автор высказывает предположения, с которыми не всегда можно согласиться. Но это уже вопрос выводов из фактов, самые же факты должны быть отныне стать общим достоянием науки.

По отношению к «проблеме Атлантиды» всего важнее открытия и находки, сделанные Лео Фробениусом на юго-восточном берегу Африки, между областями Того (немецкая колония, ныне занятая англичанами) и Либерией (небольшое независимое негрское государство). Здесь, в этом диком краю, Фробениус неожиданно нашел, по его выражению, «остатки некоей древней великой выродившейся цивилизации», следы «высокой культуры той эпохи, когда господствовал в человечестве бронзовый век». Племя, населяющее ныне эту страну, называет себя народом

иорубов, и сам Фробениус без колебания признает этих полудиких иорубов «эпигонами атлантов». Он даже склонен думать, что вся Платонова Атлантида и была исследованной им страной иорубов, которая, в доисторические времена, могла быть островом, так как Сахара лишь недавно (с геологической точки зрения) поднялась из глубей океана, а раньше была дном моря, отделявшего Гвинею от Европы. Нет надобности заходить так далеко и отвергать прямое показание Платона, что Атлантида – «остров за столбами Геркулеса». Правдоподобнее принять страну иорубов за колонию Атлантиды, тем более, что и по сообщениям Платона, под властью атлантов была часть Африки. Все открытия Фробениуса гораздо лучше согласуются с таким мнением, что страна иорубов – колония Атлантиды, – нежели с его собственным утверждением, что это – вся Атлантида.

Раскопки Фробениуса в стране иорубов дали ряд интереснейших предметов, которые странно было извлекать из земли в диком краю Экваториальной Африки. Были найдены урны, внутри облицованные стеклом, бронзовые скульптуры искусной работы, гротескные терракотовые головы и маски, типа, резко отличающегося от негрского, с причудливыми и тонко выполненными прическами, притом тоже мастерской отделки, с большой экспрессией в

выражении лица, затем различное оружие, ныне неведомое диким обитателям страны, мелкие поделки из бронзы и т. п. Все эти вещи не носят на себе ни малейших следов позднейшего финикийского влияния, что чрезвычайно важно, ибо финикийцы, отважные мореплаватели, заплывали и за Гибралтарский пролив, устраивая колонии или временные стоянки по всему западному берегу Африки. Напротив, откопанные предметы в разных отношениях приближаются к архаическим изделиям Египта, а также к этруским древностям. Приложенные к книге рисунки и фотографии подтверждают описание Фробениуса. Поразительно, например, изображение гротескных голов из терракоты. Это – уже высокое искусство, близкое к лучшим гротескам эгейцев. В то же время утонченные прически, изображенные скульптором, указывают развитые формы быта, без которых такие причуды моды были бы невозможны. Точно так же экспрессия лица на этих статуэтках говорит о многовековом опыте художников; такое мастерство не дается сразу никакому народному гению: оно есть результат долгой культурной жизни, медленной эволюции национального искусства.

Сами иорубы, по описанию Фробениуса, никак не обычные африканские дикари, а скорее «народ, одичалый в течение тысячелетий». Основные черты, которыми путешественник характеризует иорубов, это – гордая замкнутость, сила в утверждении своей личности, полнота ее, глубокое развитие самосознания, иоруб – необразован, в европейском смысле слова, но он – духовно развит, как истинно культурный человек. В религии иорубов, ныне по внешности магометан, господствует исконный монотеизм, от этого недавно воспринятого ислама не зависящий. Как известно, многие негрские племена внешне принимают ислам, но остаются, по своему миросозерцанию, язычниками-фетишистами. Иное дело иорубы, у них идеи ислама легли, как верхний слой, на давнее, древнее завещанное предками единобожие. То единое божество, которому поклоняются иорубы, есть Бог Грома, и обряды служения ему, совершенно чуждые магометанских форм, обличают искони идущее богослужение перед единым «громовником», которому в каждом селении посвящается отдельная хижина-храм. Надо добавить, что во внешней культуре иорубы и теперь стоят значительно выше окружающих их негрских племен, иорубы умеют выделять изящные мануфактуры, достигают большого искусства в строительстве, очень чистоплотны, имеют освященные традицией законы, которым повинуются безусловно. Изучая иорубов, приходится не столько отмечать черты их «одичания», сколько удивляться, что народ, который в течение тысячелетий был отрезан от сношений с цивилизованным миром, сохранил такую высоту духа и так много культурности. Видимо, в свое время, культурные навыки были слишком глубоко запечатлены в душах их предков!

Весьма замечательно, что тип современного иорубского жилища вполне, во всех подробностях, совпадает с типом древнеэтрурского дома. В Гвинее, в наши дни, оказывается самой обыкновенной та самая форма дома, которую римляне называли «этрурский атриум», *atrium tuscanianum* или *tuscum*. Из поколения в поколение, из века в век, иорубы строят свои дома, – кстати сказать, гораздо более прочные, нежели шалаши окружающих дикарей, – совершенно так же, как до основания Рима строили свои жилища обитатели древней Этрурии. Притом сходство иорубов с этрусками не ограничивается одним планом дома.

Фробениус приводит ряд параллелей, правда мелких, между обычаями иорубов и древнеэтрурскими нравами. Особенно останавливается Фробениус на сходстве (по его мнению, даже «тождестве») религии этрусков и иорубов. Он приводит отрывок из народной песни (саги) иорубов, в которой усматривает полную параллель с религиозными этрурскими мифами о тех полубогах-полугероях, имена которых сохранили нам римляне в форме Декумана, Кардона и Турна... Да и самое центральное божество иорубов, их «единый бог-громовник», есть в сущности тот же самый принятый римлянами от этрусков, Юпитер Гремящий, *Juppiter Tonans*, который в то же время был главным богом и многих малоазийских племен и высоко чтился эгейцами. Фробениус уверяет, что культуры этрусков и иорубов это – «культуры-сестры», идентичные по своему существу. Если даже такое мнение

преувеличивает найденные аналогии, все же неожиданное сходство в древней культуре центральной Италии и современной культуры маленького племени центральной Гвинеи – вряд ли может быть случайным.

Открытия Фробениуса еще раз подтверждают всю правдоподобность рассказа Платона. Что до сих пор не найдено никаких следов самой Атлантиды, это – естественно, так как вся страна атлантов погрузилась во глубь океана. Но Платон определенно свидетельствует, что под властью атлантов была часть Европы и часть Африки. От этих «заморских» колоний Атлантиды что-либо да должно было уцелеть. Находки в стране иорубов – первое звено (если не считать сомнительных открытий П. Шлиманна) в той археологической цепи, которая должна будет связать современность с атлантской древностью. Благодаря открытиям Фробениуса еще одно утверждение Платона оказывается исторически верным: эти открытия объясняют присутствие в Атлантиде слонов, которые вряд ли водились в самой стране атлантов. Кроме того, можно сделать из наблюдений над иорубами и ряд других выводов; что атланты действительно обладали сильным флотом, позволявшим им поддерживать сношения с отдаленными колониями; что атлантская культура пускала глубокие корни в чужих народах; что, следовательно, атлантское влияние было длительным и т. п.

Путешествие Лео Фробениуса доказало, что поиски следов Атлантиды – предприятие не безнадежное. До последнего времени, пока Атлантида, для большинства ученых, оставалась «мифом», «басней», сочиненной Платоном или Солоном, трудно было требовать, чтобы работники науки посвящали свои силы и свое время на освещение этого спорного вопроса. Ныне, когда в истории накопилось множество новых данных, когда новейшие исторические открытия выдвинули ряд новых вопросов, когда отмеченные во всех древнейших культурах «исторические аналогии» властно

постулируют существование Атлантиды, – должно измениться и отношение ученых. Утверждать, как то делают теософы, что «Атлантида доказана», мы еще не вправе. Но несомненно, что наука должна принять Атлантиду, как необходимую «рабочую гипотезу». Без допущения Атлантиды, многое в ранней древности остается неясным, необъяснимым; признание мира атлантов разрешает большинство загадок древнейшей истории. Как сказочный «сезам», слово Атлантида растворяет все двери, раскрывает все тайны. Становится понятным единство всех древнейших культур человечества; объясняется происхождение культур египетской и эгейской; разрешается загадка пирамид; вскрывается тайна аналогий между культурами Старого и Нового Света; падает свет на связь культуры яфетидов с другими современными ей цивилизациями, на путь развития древнейшей Индии, на значение тихоокеанской культуры и т. д., и т. д. Атлантида необходима истории и потому должна быть открыта!

В ожидании, пока глубь океана станут доступны непосредственному исследованию, ученые должны обратить свое внимание на западные берега Пиренейского полуострова, на юго-западное побережье Африки, на области Центральной Америки, – вообще, на все те страны, где влияние Атлантиды могло сказываться особенно ярко, на дне Атлантики поныне должны лежать развалины великолепных городов царства атлантов, полные дивными сокровищами, великими созданиями искусства, груды истлевающих книг... В недрах земли ждут кирки исследователя разнообразнейшие произведения атлантских мастеров и ремесленников, конечно, расходившиеся по всей земле; дары, которые посылались атлантскими владыками дружественным царям, вещи, вывезенные купцами и любопытными путешественниками, какие-нибудь надписи, которыми атланты ознаменовывали свои заморские походы, даже, может быть, атлантские рукописи... Археологам предстоит искать всего этого с напряженнейшей энергией. Не исключена и возможность, что в наших музеях уже теперь хранятся создания атлантов, какие-нибудь вазы, кинжалы, обломки статуй и т. п., – только мы не умеем их опознать подобно тому, как первые найденные эгейские вазы долгое время считались работами архаической Греции. С этой точки зрения важно было бы пересмотреть музейные собрания ранней древности и произвести им переоценку, в свете

наших знаний. В то же время геологи, географы и путешественники должны тщательнейшим образом изучить побережья Атлантического океана, чтобы наука дала нам, наконец, точный ответ относительно эпохи, когда «за столбами Геракла» лежал исчезнувший ныне большой остров, и в каком тысячелетии, под влиянием какой катастрофы он скрылся под поверхностью моря. Рядом, в том же направлении, найдется работа антропологам, ботаникам, зоологам, лингвистам, – ученым всех отраслей знания.

Задача, ставшая ныне перед наукой, – громадна, но и благодарна. Вопрос идет о происхождении всей цивилизации земли, о начале всех культур человечества. Всемирная история получит законченные очертания и законченный смысл лишь тогда, когда будет открыт древнейший культурный мир, воздействием которого объясняется культура Египта, Эгейи, майев, Тихого океана, – тот мир, который мы предполагаем в Атлантиде. Ради решения такой грандиозной задачи стоит целому поколению ученых направить свои труды в одном направлении. Мы твердо верим, что история ныне стоит на дороге величайших открытий. Атлантида, эта «гипотеза» сегодняшнего дня, должна стать историческим фактом завтра.

10. Заключение

Мы вправе теперь набросать краткий очерк всеобщей истории человечества, за последние 10–15 тысяч лет его культурного бытия.

В отдаленнейшую эпоху древности, которую, пока, мы еще не можем определить в цифрах, центром культурной жизни на земле был материк, лежавший в Атлантическом океане и населенный красной расой атлантов. В течение тысячелетий возрастала их мощь и развивалась их культура, достигнув высоты, которой, быть может, не достигал после ни один из земных народов. На Атлантиде стояли великолепные города с многомиллионным населением, процветали науки, искусства, все формы техники, жизнь граждан была разнообразна и утонченна. В конце периода этого пышного развития атланты, обладавшие сильным флотом, вступили в сношения с другими народами соседних земель, частью покорили их военной силой, частью наложили на них могущественное влияние своей высокоразвитой культуры. Народы Центральной Америки (предки будущих майев) находились в полной зависимости от Атлантиды, духовной и, кажется, политической; в Юго-западной Африке, в Гвинее, у атлантов была большая колония, откуда они получали слонов и разные произведения страны; подчинялись влиянию атлантов и праарийцы (между прочим, предки будущих эгейцев), которые, вследствие оледенения Европы в ледниковый период, теснились на западном побережье Пиренейского полуострова; влияние атлантов простиралось и далее на Запад, доходя до Египта, до равнин Месопотамии, до Кавказских гор и еще глубже в центр Азии; возможно, что атланты находились в сношениях с народами, жившими по берегам Тихого океана, выработавшими своеобразную тихоокеанскую (китайскую) культуру. Таким образом, народы всей земли, как к средоточию и источнику знаний и власти, обращались к Атлантиде. Оттуда разливался по земле свет науки, откровения религии, начатки художества. И, запечатлевая заветы своих учителей, разные народы, на разных концах земли, воспринимая религию будущей жизни («культ смерти»), поклонение единому небесному богу («богу-громовнику» и «богу-солнцу»), уважение к одним и тем же символам (крест с загнутыми концами, спираль, треугольник), как внешнее выражение этих заветов, отдельные народы воздвигали в своей стране каменные символы – пирамиды.

В 6-м или 5-м тысячелетии до Р. Х. происходит какой-то гигантский катаклизм на земле, в силу которого материк (или остров) Атлантиды гибнет, исчезает в глубях океана.

Действительно ли этому предшествовал поход соединенных атлантических сил, с целью завоевать Восток Европы и Африки, мы не знаем. Во всяком случае, Атлантида исчезает со сцены истории, и народы, бывшие у нее в порабощении, духовном и материальном, получают свободу. Но семена атлантической культуры заложены слишком глубоко в душах народов, так или иначе соприкасавшихся с Атлантидой. Уменьшение ледяного покрова в Европе позволяет племенам начать свое расселение. И в свои новые местожительства эти народы несут заветы Атлантиды, ее внушенные начала. Наука, искусство, мастерство, – все это развивается в различных странах, под различными новыми влияниями, но исходя от толчка, когда-то данного Атлантидой. Так расцветают культуры «ранней древности»: майская – в Центральной Америке, египетская – в долине Нила, эгейская – на побережьях Эгейского моря и на материке Греции, малоазийских племен – в Малой Азии, те же влияния сказываются в более удаленных культурах: вавилонской – в Месопотамии, яфетидской, в горах Кавказа и на берегах озера Вана, индийской – на Деканском полуострове, может быть, и тихоокеанской. Памятуя заветы учителей, египтяне запечатлевают их учение в великих Гизехских пирамидах, поклоняются Солнцу Аммону-Ра, свято чтут загробную жизнь («культ смерти»). Эгейцы, под тем же воздействием, строят свои купольные гробницы, аналогии пирамид, чтут бога-громовника, веруют в жизнь за гробом. Быть может, вспоминая столицу в стране своих учителей, дивный Город Золотых Ворот, критские миносы пытаются создать нечто подобное у себя на новой родине, и строят свои запутанные лабиринты. Маленькие подобию лабиринтов создают и этруски в центральной Италии, где они воздвигают также и настоящие пирамиды. Такие же пирамиды воздвигают майи в Мексике и на Юкатане. Сотни аналогий связывают между собою все другие народы, получившие толчок к развитию из Атлантиды. Вот почему по всей земле оказываются раскинуты одни и те же символы, одинаковые религиозные обряды, родственные стили художества.

Больше 25 веков длится расцвет этих культур ранней древности. К концу 2-го тысячелетия до Р. Х. наступает конечный срок их бытия. Около конца XII века дикие эллинские племена, спустившиеся с северных гор, нападают на эгейцев, занимают их место в дворцах Микен и Тиринфа, переплывают на Крит, разоряют и предают забвению лабиринты; потом общим походом плывут под Трою и сравнивают с землей этот последний оплот минойского мира. Но, захватывая и сокрушая, эллины учатся у побежденного народа; грабя, вбирают в себя начала его культуры; присваивая себе богатства эгейцев, начинают подражать их мастерству, и постепенно создают свою новую, эллинскую культуру, сохраняющую для будущих веков основы культуры эгейской... Два столетия после, в отдаленной Америке, также надвигаясь с севера, дикие кочевники нагуа обрушиваются на царства майев, тоже грабят и разрушают их города, тоже расхищают их сокровища, скопленные веками, но так же подчиняются духовной власти более просвещенного побежденного племени, чтобы из обломков майской культуры выработать свою, ацтекскую... Еще через столетие родственные эллинам фригийцы проникают дальше на Восток, до подножия Арарата и захватывают царства яфетидов, уже раньше потрясенные походами халдских царей. Фригийцы смешиваются с покоренными яфетидами, подпадают под их духовную власть, и так вырастают новые народы, армянский и грузинский, сберегающие для следующих поколений семена яфетидской цивилизации...

Около того же времени на сцене мировой истории появляются персы. Они овладевают вавилонскими царствами, в которых сменялись различные народности, усваивавшие попеременно единую вавилонскую культуру, а затем и Египтом. Несколько позже римляне побеждают этрусков, тоже воспринимая многое из их культуры... Культуры ранней древности гибнут все в промежуток между XII и VIII вв. до Р. Х. Но не гибнет их дух. Эллины впитывают то, что было жизненного в Эгейе; римляне учатся у этрусков; фригийцы подчиняются культуре яфетидов; персы воспринимают многое у халдеев; ацтеки – у майев; по всей земле идет деятельное усвоение молодыми народами начал древнейших цивилизаций. Завоевания Александра Македонского разносят эллинизм по всему Востоку. В царствах диадохов происходит слияние и смешение культур Запада и Востока. Победоносные римляне привлекают к этому обмену все страны вокруг Средиземного моря. В культуру Римской

империи вливаются как культуры Древнего Востока, так и культуры Северной Африки (Карфаген) и древней Италии (этруски), и, наконец, культуры дальнего Запада (друидическая культура древнейшей Галлии).

Египетские откровения соединяются в Риме с тайнами друидов, учение вавилонских халдеев с этрурскими гаданиями, эгейски-эллинские предания с темными воспоминаниями испанских лигуров. Вырастает единая греко-римская цивилизация, тот античный мир, в котором, как в огромном котле, свариваются в одно целое искания и открытия многих тысячелетий. Античная древность длится 18 столетий (считая от похода под Трои до Юстиниана); этот период, начинающийся песнями Гомера, которые еще полны воспоминаниями об Эгейе, и кончающийся книгой блаженного Августина, в которой уже заложено все средневековье, образует как бы единую гигантскую академию, где собраны, в их существенных чертах, традиции всех культур, вступавших в сношение со Средиземноморьем, вплоть до Индии и Китая. Античная древность все это перерабатывает, все это сводит к кратким формулам и как бы заготавливает сжатый «компендий» для поучения будущих поколений[113].

Катастрофа так называемого «великого переселения народов» отделяет античную древность от средневековья. Повторяется та же картина, какую мир наблюдал в эпоху падения ранней древности. Точно так же новые народы, завоеывая и разрушая культурные центры, учатся у побежденных, перенимают их культуру, подражают им во всех областях духовной жизни. Как гибель ранней древности продолжалась целые столетия, так и процесс «великого переселения народов» заполняет собою больше трех веков. За это время германские племена, селящиеся в бывших провинциях Римской империи, впитывают в себя греко-римскую цивилизацию. Античная древность становится прямым и несомненным «учителем» рождающейся новой Европы. Но это влияние еще не всеобъемлюще в течение того периода, который мы называем средними веками. Оно получает новый толчок с так называемым Возрождением искусств и наук. Открываются тайники Византии, где почти тысячу лет лежали спрятанными книги и художественные создания древнего мира. Люди открыто провозглашают Элладу и Рим источниками всякой мудрости, стремятся сознательно учиться у них. Высшими образцами объявляются античные поэты и художники, непререкаемым авторитетом – античные ученые. Гомер и Вергилий, Эсхил и Софокл, Пракситель и Скопас, Платон и Аристотель, эти имена делаются священными. Вся наука, все искусство, вся философия новой Европы вырастает на античной почве. Все, чем мы живем поныне, имеет своим источником завещание античного мира. К какой бы области знания или искусства мы ни обратились, везде в основе мы находим античный образец. Эллада и Рим были и остались «учителями» новой европейской культуры.

Так мировая история человечества представляет четыре гигантских круга. Последний из этих кругов образует наш современный мир, который подразделяется на три части: новейшая эпоха, с ее поразительными успехами техники, с аэропланами, телефонами, кинематографами, телеграфами, паровыми дорогами; Новая Европа, от XIX до XVI века, с ее развитием положительного знания, и средневековье, с его мистическим мирозерцанием. Этот последний круг, как на своей основе, покоится на античной древности, которая была его непосредственным «учителем». Античный мир, в свою очередь, покоится на мире «ранней древности», сыгравшей по отношению к нему такую же роль, какую античная древность – по отношению к нам: ранняя древность была «учителем» античности. Наконец, сама ранняя древность опирается, как на свою базу, на древность Атлантиды, которая, как мудрый учитель, наставила все народы земли, дав им зачатки наук и искусств. Мы учились у античности, античность у ранней древности, ранняя древность – у Атлантиды. Таинственные, поныне полумифические, атланты были учителем наших учителей, и им мы вполне вправе присвоить ответственное наименование: «учители учителей». 1917

1

Кавказский культурный мир «яфетидов» открыт для науки акад. Н. Я. Марром; на значение «тихоокеанской» культуры должное внимание обратил Fenollose. (Подробнее об этом будет сказано в следующих главах.)

2

Первые удачные попытки читать и понимать иероглифы и клинопись относятся к 1802 г.: в этом году Акерблад составил почти полный демотический алфавит для египетского языка, а Гротефен разобрал собственные имена в клинописном тексте. Но окончательно египтология и ассириология стали на ноги лишь в середине века. Шамполион умер в 1832 г., и его главный труд, египетская грамматика, вышел в свет уже по смерти автора; экспедиция в Египет Лепсиуса, положившая твердое основание египтологии, состоялась в 1842–1845 г.; около того же времени работали «творцы» египтологии – Марриэт и де Руже. Чтение клинописи вполне установлено Раулинсоном тоже только в 40-х годах и окончательно признано учеными кругами только в 50-х; в 1857 г., в Лондоне, состоялось то известное ученое заседание, на котором были сравнены три, независимых друг от друга, перевода клинописного текста, оказавшихся почти тождественными, что убедило ученых в правильности заключений новейшей ассириологии. Таким образом, наука получила возможность пользоваться данными иероглифической и клинописной литературы лишь во второй половине XIX века, и вся разработка истории «Древнего Востока» падает на годы от 1860 до наших дней, т. е. обнимает всего 50–60 лет.

3

Поборником «финикийского влияния» выступал, напр., Гельбиг в своей книге «Sur la question Musesenne» еще в 90-х годах XIX века.

4

Подобные теории развивали Макс Мюллер, Кун, Крейцер и др. В основе почти всех мифов Макс Мюллер, напр., искал представления о солнце, а мифологию, вообще, называл «болезнью языка», не допуская в мифическом рассказе никакого исторического ядра. Взгляды Макса Мюллера одно время имели широкое распространение.

5

Такова была теория Фридриха-Августа Вольфа, развитая им в «Prolegomena in Homerum» 1789 г. С некоторыми видоизменениями эта теория держалась в науке до самого конца XIX века и, в своей основе, поныне имеет много сторонников.

6

городу в миру

(лат.).

7

Так, Гельбиг, в 1886 г., издал книгу, под заглавием «Гомеровский эпос и его отражение в вещественных памятниках», в которой настаивал, что открытия Шлиманна во всем подтверждают данные «Илиады» и «Одиссеи».

8

Позднее, например, на основании фресок, рисунков и др. данных выяснилось, что обитатели Шлиманновой Трои и все народы общей с ними культуры стыдились обнажать тело, особенно заботливо прикрывая ноги, тогда как Эллада была классической страной красоты. «У мидян, как почти у всех варваров, даже мужчина считает для себя большим позором, если его увидят нагим», говорит Фукидид (I, 6; Платон, Госуд., кн. V).

9

Некоторые историки, даже конца XIX века, решительно объявляли критский лабиринт «созданием народной фантазия». Характерно в этом отношении категорическое утверждение, нашедшее себе место в популярном Энциклопедическом Словаре Брокгауз-Ефрона, в томе, изданном в 1896 г., т. е. всего за четыре года до открытия Киосского лабиринта.

10

«Овидий» Метаморфозы, VIII

(лат.).

11

По-русски о Кносском лабиринте говорится во всех, конечно, работах, посвященных эгейской культуре. Для первого знакомства полезно «пособие к университетскому курсу» проф. Р. Виппера, «Древний Восток и эгейская культура», 2-е изд. М. 1916; прекрасная статья об Эгейе помещена проф. В. Бузескулом в «Вести. Евр.», авг. 1916 г., «Древнейшая цивилизация в Европе»; наиболее подробное описание лабиринта в курсе лекций (литогр.) проф. Б. Фармаковского «Культура эгейская, критская и микенская» (читаны в 1906-7 г., в Петрогр. Унив.).

12

План Кносского лабиринта приложен к названному выше курсу Б. Фармаковского. В малом масштабе план имеется в легкодоступном изд.: Kunstgeschichte in Bildern, Kretisch-Mykenische Kunst, v. Fr. Winter, Verl. v. E. Seemann. Leipz. 1912.

13

О таких приемах мы можем составить понятие по одной египетской фреске, изображающей эгейское посольство к фараону.

14

На такие выходы указывают особые скамьи, устроенные у главного входа в лабиринт.

15

Об этом свидетельствует «архив» лабиринта, с его обширным счетоводством.

16

Это следует из самого устройства храмов и коридоров, из которых один даже получил у исследователей название «коридора процессий»; кроме того, подходящие изображения

сохранились на геммах и пластинках.

17

Изображения таких «скачек с быками» весьма часто встречаются в эгейском искусстве; мы еще будем о них говорить подробнее.

18

Все это мы узнаем по фрескам, эгейским и египетским, и по рисункам на разных предметах; подробнее о костюмах критян – дальше.

19

Такая охота на кабана изображена на одной фреске Тиринфского дворца; о ней подробнее в следующей главе.

20

Все это можно заключить по изображениям на геммах, пластинках и разных предметах (вазах и др.).

21

Воспроизведение этой фрески – у Фармаковского, в альбоме Винтера и в большинстве иллюстрированных работ об Эгейе.

22

Воспроизведение – там же.

23

На кносской статуэтке религиозным атрибутом еще можно признать змей на шляпе; петсофская лишена малейшего указания на какой-либо культ. Если бы предположение не было слишком произвольным, мы скорее предположили бы в петсофском изображении – маскарадный костюм, вдобавок, быть может, утрированный художником. Почему в лабиринтах не могли устраиваться празднества, на которых участники «костюмировались», одевались почуднее или в костюмы старинного покроя? И почему эгейский художник не мог создать карикатуры на такое празднество? Впрочем, все это – чистое предположение.

24

Впрочем, ленты в прическе женщин найдены пока только на изображениях тиринфского дворца; аналогий в критских памятниках неизвестно.

25

Воспроизведение упомянутых изображений см. там же. Саркофаг из Агия-Триады воспроизведен в красках, в альбоме Винтера.

26

Эгейские художники, как египетские, употребляли условно различные краски для изображения тела мужчин (бурая) и женщин (белая).

27

Описание фресок тиринфского дворца основано на статье Л. Захарова («Гермес» 1912 г., № 13), излагающего доклады K. Muller, G. Ropenwaldt и E. Waldmann.

28

Описание фрески основано на статье А. Захарова («Гермес» 1911 г., № 1), пользовавшегося цветными воспроизведениями в II томе труда M. Muller, «Egyptological Researches», Washington, 1910. Красочные воспроизведения фресок из гробницы Рекмары в I томе того же труда (Washington. 1906). Другие воспроизведения египетских изображений народа кефтиу – в специальных изданиях и в более доступных книгах Lagrange, Hall и др. (о которых см. ниже).

29

Египетские художники употребляли условно-различные краски для изображения различных металлов: для меди – красную, для бронзы – желтую, для железа – голубую. Почти все развитие Эгейи падает на бронзовый век, когда железо еще не вошло в употребление. В Египте изображения железных предметов появляются только на памятниках Нового Царства (с XVI в. до Р. Х.), но в широкое употребление железо входит лишь в последние века 2-го тысячелетия до Р. Х.

30

Историческая эволюция эгейской вазовой техники прослежена в работе: Edith H. Hall, The decorative art of Greece in the bronze age. Philadelphia. 1907. (Отчет об этой книге – в «Гермесе» 1910 г.)

31

Изображения описанных ваз – в труде Б. Фармаковского, в альбоме Винтера и др. сочинениях об эгейской культуре.

32

Воспроизведения там же.

33

Воспроизведения там же.

34

Гальванопластическое fac-simile в Московском музее Изящных искусств (Александра III). В альбоме Винтера – красочное воспроизведение.

35

Воспроизведено в альбоме Винтера.

36

Воспроизведение – там же. Ваза с осьминогом – у Б. Фармаковского (I, 30).

37

Гальванопластическая копия – в Московском музее Изящных искусств.

38

Эванс, Берровс, Лагранж, Фиммен, Лихтенберг, Дюссо, Галль, также (в общеисторических работах) де Санктис, Сол. Рейнак, Эд. Майер и др. Более специально хронологией эгейцев занимались среди них Эванс и Фиммен. (Заглавия важнейших сочинений см. ниже, в конце главы.)

39

Деление на 9 эпох предложено Фимменом и Эвансом; Дерифельд критиковал эту систему, но, ради единства в терминологии, присоединился к ней.

40

Так, после исследований Эд. Мейера, должно признать, что пеласгов, как особой расовой группы, никогда не существовало: исторические пеласги, в долине Пенея, были одним из эллинских племен. Отожествление эгейцев с финикийцами основано на одном позднем, эпохи Птолomeев, египетском тексте, где старинному египетскому названию критян, в греческом переводе, соответствует слово: финикиане; но ряд примеров показывает, что в Птолomeевом Египте часто ошибались в толковании древних терминов и именовании; финикийцы выступили в истории уже по завершении судеб эгейского мира и были семиты, тогда как эгейцы, определенно, – не семиты. Так же пало отожествление эгейцев с ливийцами (первоначальными, до исторических египтян, насельниками Египта) и др.

41

Впервые предположение о малоазийском происхождении народа, создавшего микенскую культуру, высказали, еще до раскопок на Крите, – Келер, Дюмлер, Студничка; после открытий Эванса их поддерживали Фуртвенглер, Лешке, позднее – Дерифельд; у нас эту гипотезу, с большой эрудицией, обосновывает Б. Фармаковский. Здесь не место останавливаться на подробной критике той или другой исторической гипотезы. Само собой разумеется, что названные выше ученые приводят в доказательство своих мнений много фактов, нами не разобранных; однако все, более существенное, нами указано, а все остающееся – столь же шатко. В лучшем случае, собранные факты могут установить, что кары, в известную эпоху,

жили на Крите; но вопрос идет о том, кто

создал эгейскую культуру.

42

R. von Lichtenberg. Ueber gegenseitige Einflüsse von Orient und Occident im Becken des Mittelmeeres. «Oriental. Archiv». 11, Juli, 1912. Изложение – в статье Е. Кагарова, «Гермес», 1914, № 2.

43

Лихтенберг не отрицает, что в противоположность движению арийцев с Запада на Восток, на Север и на Юг совершалось другое движение народов, с Востока. Так, например, тиррены, выходцы из Малой Азии, дали, по мнению Лихтенберга, начало этрускам; в имени Тарквиниев скрывается малоазийский бог Тархон. Задолго до этрусков другие малоазийские племена переселились морским путем в Европу, на Сардинию и Корсику, на берега южные Франции и Испании; язык басков, например, находится в родстве с малоазийскими наречиями; лигурам и иберам свойственна двадцатиричная система счисления, распространенная в Малой Азии, но совершенно чуждая арийцам, и т. п.

44

Факты мы берем, преимущественно, из курса Б. Фармаковского, с дополнениями по работам других историков. В частности, данные о сношениях Египта с Эгейей в эпоху 6-й династии (2625–2475 гг.) собраны в труде английского ученого Берро (Burrows). Материалы по вопросу рассеяны по сочинениям всех исследователей эгейского мира: Эванса, Фиммена, Лихтенберга, Берро, Голль, Дюссо и др., и египтологов. Мы пользуемся сводкой этих работ, сделанной в двух статьях: Е. Кагаров, Новейшие исследования в области критско-микенской культуры, «Гермес», 1909 г., и С. Сингалевич, Вопрос об отношении эгейской культуры к

Востоку, «Гермес», 1912 г.

45

Факты – оттуда же, как в дальнейшем изложении.

46

В приморских местностях на Крите: в Палеокастро, Като-Закро, Гиерапетра, Гурния и др., также в предместьи Кносского лабиринта.

47

Факты – оттуда же, как выше.

48

Вопрос об том, кого должно разуметь под «кефтийцами», имеет длинную историю. В надписях эпохи Птолommeев, слово «ха-небу» переведено один раз по-гречески – «эллины», а, в другом случае, слово «кефтиу» переведено – «финикийцы». Однако, как мы уже указывали, нет поводов доверять знаниям Птолommeевой эпохи, когда в переводах делались и более грубые ошибки. Уже при 19-ой династии (с 1350 г.) название «кефтиу» для означения критян вышло из употребления, а позднее получило новый смысл.

49

Перевод надписи мы берем из книги Брэстеда, но под «Асеби» он (как и М. Мюллер) разумеет Кипр.

50

Подробное описание дворцов на материке Греции – во всех работах об Эгейе; см., по-русски, указанную выше статью проф. В. Бузескула в «Вестнике Европы», 1916 г.

51

Разные историки различно отождествляют египетские имена с именами исторически известных нам племен (например, под «пуласата» одни понимают мифических пеласгов, другие – филистимлян. Нами приняты наиболее обычные отождествления.

52

Ряд таких сопоставлений у Б. Фармаковского.

53

Вопрос о проникновении

спирали в египетский орнамент не может считаться разрешенным. Новейшие исследования обнаружили спираль уже в орнаменте Древнего Царства, но, по-видимому, египтяне позднее отказались от этого орнаментального мотива и вернулись к нему лишь под влиянием эгейского искусства.

54

Как теперь выяснено, египтяне умели складывать и настоящие своды еще в период Древнего Царства, так что свод отнюдь не является нововведением римлян или этрусков (см. соответствующие страницы у Chipiez); но свод не получил в египетском зодчестве дальнейшего развития, применялся редко и был, в позднейшие эпохи египетской истории, совершенно забыт.

55

Планы и снимки с остатков «Сокровищницы Атреев» – во всех иллюстрированных работах об Эгее (в атласе Винтера и др.). Реставрация – у Шипье.

56

священный (от
лат. *sacralis*).

57

Естественная история, VIII

(лат.).

58

Разбору этого вопроса посвящена статья А. Захарова «К легенде о Миносе и Минотавре» («Гермес», 1912), которой мы и следовали, во многом, в нашем изложении.

59

Таково мнение Aug. Fick, A. Cook и др.

60

Фреска воспроизведена в известных школьных таблицах С. Цибульского.

61

Напомним, что мужчины изображались у эгейцев бурой краской, женщины – белой.

62

пресыщенных (от
франц. blaser – пресыщать).

63

Мнение Фрэзера (Frazer, Lectures of the Early History, 1905); Вилламовиц указывает еще на

быкообразные изображения Диониса; впрочем, слово boukoleion толкуют и в ином смысле (Maas, Dieterich и др.).

64

Вопросу посвящена особая статья А. Захарова «Могины богов в Греции и на Востоке» («Гермес», 1913 г.).

65

Воспроизведение рисунка – во всех новейших иллюстрированных работах о Эгейе; частичное – в «Гермесе» 1914 г.

66

Собраны А. Эвансом в 2-томах «Scripta Minoa».

67

Обе эти работы имеются в русском переводе и должны быть горячо рекомендованы всем, желающим ближе ознакомиться с Древним Египтом: Джемс Г. Брэстед, «История Египта», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1915; Г. Масперо, «Египет», серия «Ars Una», к-во «Проблемы эстетики» М. Марека, М. (1916). Оба издания – иллюстрированные. Для начинающих может быть полезна и другая популярная книжка Масперо «Египет», в изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1913. Что же касается основного труда Масперо, его «Древней истории народов Востока», то, к сожалению, его русское изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1913, должно считаться в значительной степени устаревшим и во многом не соответствующим современному состоянию египтологии.

68

Что это карикатура, могут доказать страницы, посвященные Хеопсу (Хуфу), такого осторожного и вдумчивого историка, как Брэстед. Сказав, что Хеопса

считают строителем величайшей пирамиды, Брэстед откровенно сознается: «Мы не знаем почти ничего о других его деяниях». Однако тотчас же, добавив, что Хеопс,

быть может, начал впервые разработку залежей алебаstra в Хатнубе, и что

предания времен Птолемея (т. е. распространенные 2 1/2 тысячелетия спустя) изображают Хеопса строителем храма богини Хатор, в Дендера, Брэстед делает неожиданный вывод:

«Отсюда ясно, что все производительные силы страны были всецело в его (Хеопса) распоряжении и под его контролем». (Брэстед, I, 125.)

69

Надписи, сохранившиеся на великих пирамидах, сделаны много веков после их построения. Вообще, нельзя доверяться надписям на древнейших памятниках Египта, так как позднейшие фараоны весьма нередко делали новые надписи на старых памятниках. В лучшем случае, писалось имя того фараона, который, по традиции, считался строителем данного памятника, но иногда написанное имя старательно стиралось, выскребивалось и заменялось новым (именем правящего фараона или его предка). Примеров этого приведено много у того же Брэстеда. Имя фараона Хафра на большом сфинксе было поставлено

четырнадцать столетий спустя после его создания, в эпоху Тутмоса IV. – В науке высказывалось даже мнение (впрочем, подтвержденное слабо), что великие пирамиды на два тысячелетия старше, нежели то обычно принимается (Dutens и др.).

70

Подробнее мистики так объясняют символ пирамиды. Ее основание – четырехугольник, т. е. священный «кватернер», число четыре, означающее все, зависящее от

формы, или ближе: вещество, форму, символ, усвоение (адаптацию). Стороны пирамиды – треугольники, т. е. священный «тернер», число три, означающее сущность вещей, или ближе: начало активное (действующее), пассивное (воспринимающее) и результат (следствие). В пирамиде тернеры поставлены

над кватернером: знак, что сущность господствует над формой. Сочетания четырех и трех дает священное число семь, которое считалось лежащим в основе всякого феномена (явления), подобно тому, как белый солнечный луч распадается на семь основных цветов. Числу семь, по числу семи планет, известных древним, халдеи усвоили высокое значение: считали семь основных музыкальных звуков (наша гамма от до до си), семь дней недели и т. п. Число два считалось знаком человека, состоящего из двух элементов, души и тела; в пирамиде два (две диагонали) заключены в четырех (квадрат основания); знак, что человек заключен в стихиях и т. п. Короче говоря, из рассмотрения пирамиды, действительно ухитрялись выводить цельное мирозерцание. Такого рода толкование пирамиды дано во многих сочинениях современных мистиков (см., например, популярное изложение в известной книге Папюса). Но, что уже древние искали в пирамиде числовых символов, видно из герметических книг, из идей пифагорейцев и неоплатоников, из преданий об учении Зороастра, из отдельных мест в сочинениях Плутарха, Плиния, Павсания, Анулея и др. – Происхождение символики чисел должно искать, вероятно, в наблюдениях над звездным небом и периодами обращения светил. В таком случае символика чисел восходит к учению вавилонян, первых астрологов (т. е. астрономов) на земле. (См. об этом подробнее в следующей главе, где речь идет о культуре Вавилонии и о пирамидах этрусков.)

71

Автор этой статьи слушал курс истории майев в Париже в College de France, в 1902 г., и пользовался для настоящей работы своими записками. Читателям, для первого знакомства с историей до-Колумбовой Америки, можно рекомендовать популярную «Историю человечества», под ред. Г. Гельмольта, т. I, русское изд. СПб. 1902.

72

Есть и другие доказательства древности цивилизации майев. Нам известно, что в конце 1-го тысячелетия нашей эры, в Анагуаке, существовало государство толтеков (одного из племен нагуа), находившееся под сильным влиянием майской культуры, которая была, следовательно, древнее. Нам известно также, что, за несколько веков до своего падения, майи разделились на ряд отдельных царств, настолько обособленных, что жители одного не понимали наречия других; для такого видоизменения языка потребен долгий период времени. Между тем культура майев везде – одинакова, едина и, следовательно, выработалась до их распада на царства.

73

Любопытные подробности о современном состоянии древних развалин в Мексике см. в книге К. Д. Бальмонта «Змеиные цветы», М., 1910. Там же воспроизведены фотографии с этих развалин и некоторых предметов майских и ацтекских древностей (в 1-м, большом изд., 2-ое изд. – без иллюстраций).

74

Вопрос об том, знала ли античная древность о существовании Америки, не может считаться бесспорно разрешенным. У Платона, Плиния, Элиана, Прокла, Марцелла, Диодора и у некоторых других античных писателей встречаются выражения, позволяющие предположить, что древние подозревали о существовании материка за Атлантическим океаном. Но сведения эти были крайне неопределенны, и на исторической памяти не было сделано ни одной попытки достичь этого материка, вплоть до самого падения Римской империи. Первыми европейцами, посетившими Америку, были, по-видимому, скандинавские викинги, которые, в X веке нашей эры, достигли с Исландии сначала – Гренландии, потом – и берегов Лабрадора. После того викинги стали наезжать за добычей в северные области Северной Америки, которую называли «землей скерлингов», устраивали там колонии, где иногда зимовали, и проникали даже довольно глубоко во внутренность страны (так, в штате Миннесота был найден камень с норвежской надписью, помеченной 1362 годом).

75

Общий очерк истории Древнего Востока можно найти в прекрасной работе, – строго документальной, истинно научной и вместе с тем вполне доступной и неспециалисту, – проф. Б. Тураева. «История Древнего Востока», 2 части. Пгд. 1912 и ел.

76

Факты собраны в указанном выше курсе проф. Фармаковского, где и подробная библиография предмета.

77

Среди историков возникло даже особое течение, известное под названием «панвавилонизма», придававшее халдо-вавилонской культуре первенствующее значение во всей ранней древности. Основателем и наиболее сильным поборником таких взглядов считается берлинский проф. Гуго Винклер. По-русски см. его книжку: «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества», М. 1913.

78

Можно говорить о влиянии первой Вавилонской державы, могущество которой относится к началу 3-го тысячелетия до Р. Х., ко временам завоеваний Саргона I Агадийского и его сына Нарамсина (около 2800 г. до Р. Х.). Один памятник упоминает о походе Саргона Агадийского «по западному морю», продолжавшемся три года. Поборники теории панвавилонизма видят в этом свидетельство о покорении Саргоном островов Архипелага, которые в ту эпоху уже были заселены эгейцами. Если принять такое толкование, воздействие Вавилона на Эгейю получит свое объяснение. Та же надпись говорит о завоевании областей Армении. Однако выражения надписи – неопределенны, и позднейшие исторические факты не подтверждают господства вавилонян на эгейских островах.

79

Этрускам и их культуре посвящены отделы во всех основных работах по истории древнейшего Рима. Для первоначального знакомства можно рекомендовать известный труд проф. В. Модестова: «Введение в римскую историю», СПб. 1904, с хорошей библиографией, хотя уже несколько устаревший. Дельная статья о этрусках помещена в коллективном труде под ред. Гельвальда «История культуры», русск. изд. СПб. 1899. Много фактов собрано в статье Skutsch в Энциклопедии Pauly-Wissowa, под словом Etrusces.

Находились ли царства яфетидов под властью Вавилона в эпоху Саргона I и Нарамсина, – спорно, как и господство этих царей над Архипелагом. Впрочем, то обстоятельство, что древнейшие яфетидские тексты (так называемые Ванские надписи, еще не дешифрованные) писаны клинообразными знаками, может служить доводом в пользу такого предположения. С другой стороны, самое происхождение клинописи не выяснено окончательно: она могла возникнуть как в Месопотамии, так и в области Кавказа.

Работы акад. Н. Я. Марра по вопросу о яфетидах рассеяны по разным специальным изданиям. Сжатое, но глубоко содержательное изложение основных взглядов Н. Я. Марра дано им в статье «Кавказский культурный мир», «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1915 г. (и отдельной брошюрой), откуда мы и заимствуем приводимые примеры.

Все, следующее дальше, представляет сжатое изложение нашей статьи «Сфинксы и вишапы», помещенной (на армянском языке) в армянском журнале, издающемся в Баку, «Горц», 1917 г. Там указаны и все источники, на которых основаны наши выводы, в том числе работа Б. Фармаковского: «Архаический период в России», Пгд. 1914, давшая нам наиболее важные факты.

В немецком переводе книга озаглавлена: Fenollose, «Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst». Verl. v. Karl W. Hiersemann. Leipz. 1913. Указанием на эту, еще малоизвестную, работу мы обязаны просвещенной любезности И. С. Остроухова.

В Южной Америке носителями древнейшей культуры являются племена аймара. Их цивилизация, падение которой относится к I в. до Р. Х., представляет ряд аналогий с культурой китайской и с культурой древнейшего Индо-Китая. Что до государства инков, которое было найдено в Южной Америке испанцами, то оно возникло лишь в X в. нашей эры.

Выше (см. примечание 4-ое предыдущей главы) мы указывали мистическое толкование чисел, входящих в состав пирамиды. Весьма вероятно, что происхождение этой мистики чисел – астрономическое, результат наблюдений над звездным небом и особенно над движением планет. В Старом Свете астрология (т. е. астрономия) всего полнее была разработана вавилонянами, и вавилонское учение («халдейское мудрствование», по выражению Горация) дает ключ к мистическому толкованию пирамид, как египетских, так и американских. В основе вавилонского счета лежит число 360, составляющее 12 лунных месяцев по 30 дней. Этот «лунный» год отстает от солнечного на 5 дней (с часами). Обращение луны, от новолуния до новолуния, делилось вавилонянами на части, по 5 дней каждая, – всего 6 таких частей в каждом месяце из 30 дней. Вавилоняне называли число 60 – *suss*, буквально: «одна шестая», – это указывало, что данное число (служившее вавилонянам тем же, чем в нашей «десятеричной» системе служит десятка) взято как 1/6 круга в 360 градусов. Число 5 составляет 1/12 от 60. Те же числа: 5, 6, 12, 60, часто встречаются и в других вычислениях планетного движения. К ним были присоединены числа: 7 – число известных вавилонянам планет, считая луну и солнце, 2 – число этих двух «главных» светил (причем других оставалось – 5), и 3 – число наиболее ярких неподвижных звезд, а также число, получаемое от деления 6 на 2, 36 на 12 и т. д. Всем этим числам, как бы вписанным в небо, был усвоен мистический смысл, так же, как и их простейшим комбинациям, например $3 \times 3 = 9$, $2 \times 2 = 4$ и т. п. До нашего времени эти идеи дошли в делении круга на 360 градусов, часа на 60 минут, в счете 12 месяцев, 7 дней недели, наконец, в учении о троичности Божества, о 12 апостолах, о 4 евангелистах (с Христом = 5), и т. п.

Ввиду важности, для поставленного вопроса, диалогов Платона, мы излагаем их в дальнейшем почти дословно. Обои диалогами мы пользовались в изд. К. Ф. Германна (Лейпц. 1882, греческий текст), а «Тимеем» также в изд. А. Ф. Линдау (Лейпц. 1828, греческий текст с латинским переводом). Из других переводов мы имели под руками – немецкий, Иеронима Мюллера (Лейпц., 1857), и французский, Виктора Кузена (Париж, 1839).

Как известно, Солон писал стихи, и до нас дошли обширные фрагменты его «элегий» (преимущественно на политические темы).

Замечательно, что, рассказывая другие свои мифы, Платон нигде не прибегает, так сказать, к «критике источников», не пытается поставить свои рассказы под авторитет современной

записи. Поступая иначе в рассказе об Атлантиде, Платон подчеркивает, что имеет в виду не свое измышление, не аллегория, к которым прибегал нередко, но исторический факт. Добавим, что иной формы «критики источников» не знали и греческие историки, как Фукидид, Ксенофонт и др.

89

«Орейхалк», буквально, – горная медь, но по-латыни это слово передастся «aurichalcum», т. е. – золото-медь. Далее мы укажем предположение, что орейхалк это – алюминий.

90

Самая неясность, с какой Платон описывает разные плоды и злаки, доказывает, что он говорит с чужих слов о вещах, ему самому неизвестных; иначе, в своем богатом словаре, философ без труда нашел бы точные определения для всех видов растений.

91

Вот подлинные слова диалога: «Чтобы обособить и замкнуть со всех сторон холм, на котором жила Клейто, Посейдон выкопал кругом тройной ров, наполненный водой, заключив два вала в их изгибах, в центре острова, на равном расстоянии от земли, что делало то место недоступным, ибо тогда еще не знали кораблей и мореплавания. Как бог, он (Посейдон) заставил там бить два источника, один горячий, другой холодный».

92

Стадий, обычно – 600 футов; в стадии было 6 плеоров или 400 подов; следовательно, плеор – 100 футов, а под – 1 1/2 фута.

93

Числа, образованные из 2, первого четного, и 3, первого нечетного числа (ибо 1 за число не считалось): $2 + 3 = 5$, и $2 \times 3 = 6$.

94

Об этих других данных мы будем говорить в следующей главе.

95

Мы уже говорили, что эллины считали Африку и Азию гораздо меньше их действительных размеров. Африку (Либия) греческие географы рисовали по размерам меньше половины Европы, а под Азией разумели только Переднюю Азию. Поэтому выражение Платона: «остров, больший, чем Азия и Либия, взятые вместе», означает континент, приблизительно равный Западной Европе, без России, Скандинавии и Британских островов.

96

См. упоминаемую в следующей главе работу д-ра Унгера, ботаника, о флоре Атлантиды.

97

Поразительными сооружениями являются и памятники мегалитические (дольмены, менгиры, кромлехи), относящиеся к неолитической эпохе. Значение их не вполне установлено в науке, но обычно их считают надгробными (усыпальницами). Известны дольмены, для воздвижения которых употреблялись камни в 2500 пудов весом, доставленные на 30 верст (А. Максимов).

98

Арабскими; см. следующую главу.

99

Книги теософов дают даты совершенно точные. За 800 000 лет до Р. Х., по сведениям теософов, закончилось процветание культуры

лемуров (еще первобытной), на материке Лемурии, находившемся на месте современной Австралии, и возникла культура атлантов, на материке, который тогда объединял Атлантиду и Америку. Две этих земли затем разделились, и для атлантов наступил

первый (древнейший)

период их развития, на отдельном огромном острове Атлантиде, длившийся 60 столетий.

Около 200 000 г. до Р. Х. произошла

первая катастрофа, расколовшая Атлантиду на две части: Рута (севернее) и Даития (южнее); после того, в течение 12 столетий, длился

второй (средний)

период атлантской культуры. Около 80 000 г. до Р. Х. произошла

вторая катастрофа, в которой погиб остров Даития, а остров Рута уменьшился и изменил свои очертания. На этом острове, известном под названием Посейдония (а также Атлантида), в течение 7 1/2 столетий, свершился

третий (новейший)

период атлантской истории, закончившийся в 9564 г. до Р. Х.

третьей катастрофой, когда, в однодневном катаклизме, остров Посейдония (Атлантида) погрузился в глубины океана. На чем основана такая хронология, теософы, в своих сочинениях, не открывают.

100

Gomara, «Historie de las Indias». Saragossa 1553. – F. Bacon, «Nova Atlantis». London 1638. – Bircherode, «Schediasma de orbe novo non novo», Altdorf 1683. Мы приводим точные заглавия всех упоминаемых книг, как ввиду их редкости, так, особенно, ввиду отсутствия библиографии предмета, не только в русской, но и в иностранной литературе.

101

Kirchmeier, «Exercitatio de Piatonis Atlantide», Wittenberg 1685. – Olaus Rudbeck, «Atlantika sive Manheim, vera Japheti posteriorum sedds ac patria», 4 vol. Upsala 1675. – J. Curenus, «Atlantica orientalis» (шведское изд. 1754 г.; латинский перевод, Renhorn) Berlin 1764. – F. C. Bar, «Essai historique et critique sur les Atlantides». P. 1762 (переиздание: Avignon 1835). – Bailly, «Lettres sur L'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie», P. 1779. Последнее сочинение как бы предугадывает открытие яфетидской культуры.

102

Delisle de Sales, «Histoire nouvelle de tous les peuples du monde ou histoire des hommes», 52 vol., P. 1772. (В состав сочинения входит: «Histoire des Atlantes».)

103

Bartoli, «Essai sur l'explication historique donnee par Platon de sa republique et de son Atlantide». P. 1780. – Latrieille, «Memoire surdivers sujets de l'histoire naturelle des insectes, de geographie ancienne et de chronologie», P. 1829.

104

Cadet, «Memoire sur les jaspes et autres pierresprecieuses de l'ole de Corse», Bastia 1875. – Bori de Saint-Vincent, «Essai sur les oles Fortunatae et sur l'antique Atlantide», P. 1803. – Мнения Бранстона и Бюффона изложены в книге: P. Flourens, «Des manuscrits de Buffon», P. 1860.

105

В соч. А. Гумбольдта см. особенно «Vue des Cordillieres». P. 1810 и «Examen critique de l'histoire de la geographie du nouveau continent», P. 1836 (I. 167) – Работа: Kruger, «Amerika bereits durch die Phoniker entdeckt», была напечатана в журнале «Prutz, Deutsches Museum», 1855, № 17. Мнение Крюгера потеряло всякое значение для наших дней; напротив, поныне ценен подбор сведений в книге: Letrone, «Essai sur les ides cosmographiques qui se rattachent au nom d'Atlas». P. 1831.

106

A. S. Noroff, «Die Atlantis nach griechischen und arabischen Quellen», Petersb. 1854. А. С. Норов – известный политический деятель, писатель, языковед и путешественник, бывший министром народного просвещения с 1854 по 1858 г.

107

F. Iinger, «Die versunkene Insel Atlantis», Wien, 1860.

108

Martin, «Etudes sur le Timee de Platon», P. 1841. Работа Иеронима Мюллера указана выше.

109

Ch. Bunsen, «Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte», VI. О книге Фробениуса – ниже.

110

E. Shure, «L'Evolution divine», P. 1913. – W. Scott-Elliot, «Atlantis nach okkulten Quellen», Leipz. (1890, перев. F. P; оригинал – по-английски). Книги Р. Штейнера есть в русском переводе.

111

В том числе и русским «Вестником теософии», 1913, № 3.

112

Leo Frobenius, «Und Afrika sprach!..» Verl. «Vita», Berl. s. a. Первый том сочинения озаглавлен: «Auf den Trummern des klassischen Atlantis».

113

Через Рим дошли до нас, например: из Вавилонии – деление часа на 60 минут, круга на 360 градусов, недели на 7 дней; из Эгейи – минойская идея буквенных писем; из Индии – десятичная система счисления; из Египта, при посредство евреев, – мистическое отношение к числу 3, идея убитого и воскресшего бога (Озирис), и т. п.